

KAZAN JOURNAL OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 8
2016

Учредители:
Российская Ассоциация международного права
Министерство юстиции РТ
Верховный суд РТ
Уполномоченный по правам человека в РТ
Университет управления «ТИСБИ»
Редакционная коллегия журнала

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Д.ю.н., проф. кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета Г.И.Курдюков (*Председатель*), заведующий кафедрой международного права Томского государственного университета д.ю.н., проф., А.М.Барнашов (*Томск*), заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета, д.ю.н., проф. С.В.Бахин (*Санкт-Петербург*), заведующий кафедрой международного права Воронежского государственного университета д.ю.н., проф. П.Н. Бирюков П.Н. (*Воронеж*), заведующий кафедрой международного права Южного федерального университета д.ю.н., проф. Л.И.Волова (*Ростов*), заведующий кафедрой международного права Дальневосточного федерального университета д.ю.н., проф. В.В.Гаврилов (*Владивосток*), к.ю.н., доцент кафедры международного права Дагестанского государственного университета А.М.Ибрагимов (*Махачкала*), д.ю.н., проф. кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета Н.И.Костенко (*Краснодар*), заведующий кафедрой международного права Уральской юридической академии д.ю.н., проф. Л.А.Лазутин (*Екатеринбург*), директор Института государства и права Тюменского государственного университета д.ю.н., проф. С.Ю.Марочкин (*Тюмень*), заведующий кафедрой международного права Сибирского федерального университета д.ю.н., проф. Т.Ю.Сидорова (*Красноярск*), заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета д.ю.н., проф. В.Л.Толстых (*Новосибирск*), заведующий кафедрой мировой политики и международного права Нижегородского государственного университета д.и.н., к.ю.н., проф. О.О.Хохлышева (*Нижний Новгород*), профессор кафедры международного права Белгородского государственного университета д.ю.н., проф. Е.В. Сафронова (*Белгород*).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», профессор А.Б. Мезяев

Ответственный секретарь – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Университета управления «ТИСБИ» И.Г.Гаранина

Члены редколлегии: доктор юридических наук, профессор Р.М. Валеев; доктор юридических наук, профессор Г.Р. Шайхутдинова; доктор юридических наук, профессор Л.Х.Мингазов; доктор юридических наук, профессор А.Г.Гатауллин, кандидат юридических наук, доцент Е.Ю.Мотрохин; доктор юридических наук, доцент Н.Е. Тюрина; кандидат юридических наук, доцент Р.Ш. Гарипов; доктор юридических наук, доцент А.Р.Каюмова; кандидат юридических наук, доцент Н.Г.Нугаева; кандидат юридических наук Р.А.Шарифуллин.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

*Почтовый адрес:

420012, г. Казань, ул. Муштари, 13. Университет управления «ТИСБИ». Юридический факультет. Кафедра международного права. Заведующему кафедрой д.ю.н., проф. Мезяеву А.Б.

*Адрес электронной почты: alexmezyaev@gmail.com

*Факс: 8 – (843) – 236-97-92

*Телефон: +79050-21-49-67 (Мезяев А.Б.)

Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редакции или учредителей журнала.

КАЗАНСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

№ 8 (2016)

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Глобализация и международное право	
*Шумилов В.М., Глобальное право как правовая надстройка в глобализированном мире.....	4
*Локленд Дж., Глобализация международного права в исторической перспективе.....	11
*Laughland J., The Globalisation of International Law from a Historical Perspective.....	19
Международное гуманитарное право	
*Марусин И.С., Статус негосударственных вооруженных групп и их членов в международном гуманитарном праве.....	23
*Магомедова С.М., Ответственность государств за нарушение режима ограничения применения или запрещения зажигательного оружия.....	29
Международное право и международные отношения	
Odubajo T., Ottoh F., The Roles of External Actors in the Resolution of Nigeria-Cameroon Boundary Dispute.....	33
Adesanya O., National Interests versus Due Diligence for Global Security: A Rethink of States' Actions in the 21st Century.....	44

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДЕТЕКТИВ

*А.Б.Мезяев, Гибель Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда: новое расследование.....	57
--	----

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕМУАРЫ

*Г.И.Тункин, Записки юриста-международника.....	68
---	----

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

<i>Российская инициатива по запросу консультативного заключения Международного Суда ООН:</i>	
Об обсуждении российской инициативы о запросе Международного Суда ООН касательно правовых последствий применения силы без одобрения СБ ООН в Специальном комитете по Уставу ООН и усилению роли Организации.....	82

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Ветеран конголезской политики премьер-министр Антуан Гизенга	
*Винокуров Ю.Н., Антуан Гизенга: Патриарх государственной и общественно-политической жизни Демократической Республики Конго.....	86
*А.Гизенга, бывший премьер-министр Конго, Мемуары «Моя жизнь и моя борьба».....	105
*A.Gizenga, former Prime-Minister of the Congo (DRC), Memoirs «My Life and My Buttlles». Extracts.....	105
*С.В. Мазов. Холодная Война в «Сердце Африки». СССР и Конголезский кризис. Москва, 2015 г., 311 с. Рецензия доктора исторических наук Ю.Н.Винокурова.....	123

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

В СВЯЗИ С КОРЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ...	
«О приостановлении Российской Федерацией действия соглашения между правительством РФ и правительством США об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области и протоколов к этому соглашению»	
Указ Президента Российской Федерации	130
Проект Федерального закона	131
Пояснительная записка к проекту закона	132
«ВЫ ВСПОМНИТЕ, КАКУЮ СТРАНУ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ!».	
Выступление Постоянного Представителя России в Совете Безопасности ООН В.И.Чуркина 14 декабря 2016 г.	135

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

*В.М. Шумилов. Предисловие	138
*Бизимана Э., <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Бурунди в России, Стихотворения</i>	142
*Bizimana E., <i>Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Burundi in the Russian Federation, Poetry</i>	142

CONTENT

QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW

Globalization and International Law	
<i>*Shumilov V.M.</i> , Global law as a legal superstructure in a Globalized World	4
<i>*Laughland J.</i> , The Globalisation of International Law from a Historical Perspective	19
International humanitarian law	
<i>*Marusin I.S.</i> , Status of non-state armed groups and their members in international humanitarian law	23
<i>*Magomedova S.M.</i> , State responsibility for violation of the restrictions on the use or prohibition of incendiary weapons	29
International law and international relations	
<i>Odubajo T., Ottoh F.</i> , The Roles of External Actors in the Resolution of Nigeria-Cameroon Boundary Dispute	33
<i>Adesanya O.</i> , National Interests versus Due Diligence for Global Security: A Rethink of States' Actions in the 21st Century	44

INTERNATIONAL LEGAL DETECTIVE

<i>*Mezyaev A.</i> , The Death of UN Secretary-General Dag Hammarskjöld: The New Investigation.....	57
---	----

INTERNATIONAL LEGAL MEMOIRS

<i>*G.I.Tunkin</i> , The Diary of an international lawyer	68
---	----

RUSSIAN INTERNATIONAL LEGAL INITIATIVES

<i>The Russian initiative to request an advisory opinion of the International Court of Justice:</i> On discussing the Russian initiative on the request of the International Court of Justice on the legal consequences of the use of force without the approval of the UN Security Council	82
--	----

PAGES OF THE DIPLOMATIC HISTORY

Veteran of the Congolese Politics Premier-Minister Antoine Gizenga	
<i>*Vinokurov Yu, Antoine Gizenga:</i> Patriarch public and political life of the Democratic Republic of the Congo	86
<i>*A.Gizenga, former Prime-Minister of the Congo (DRC), Memoirs «My Life and My Buttles».</i> Extracts	105
<i>*Mazov S.V.</i> The Cold War in the “Heart of Africa”. The USSR and the Congolese crisis. Moscow, 2015, 311 p. Review by Doctor of Historical Sciences Yu.N.Vinokurov.....	123

OUR RESPONSE TO CHAMBEARLAIN

“On the suspension of the Russian Federation of the agreement between the Russian government and the US government on the Disposition of Plutonium Designated as plutonium, No Longer Required for Defense Purposes and Related Cooperation in this area and its Protocol”	
Presidential Decree	130
Draft Federal Law	131
The explanatory note to the draft law	132
“Do you remember what country you represent?”	
Statement by the Permanent Representative of Russia to the UN Security Council Vitaly Churkin, December 14, 2016.....	135

INTERNATIONAL LAW POETRY

<i>*Prof. V.Shumilov.</i> Preface.....	138
<i>*Bizimana E., Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Burundi in the Russian Federation, Poetry</i>	142

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

ГЛОБАЛЬНОЕ ПРАВО КАК ПРАВОВАЯ НАДСТРОЙКА В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ

В.М. Шумилов¹

В эпоху глобализации, о которой представителями различных отраслей общественных наук написано уже множество фундаментальных трудов,² закономерно ставить вопрос: как национальные правовые системы и международное право «отзываются» на процессы глобализации? Что происходит в новых исторических условиях с правовой надстройкой? Логично предположить, что формирующаяся «глобальная социальная система» должна иметь некую, системно организованную, правовую надстройку, обеспечивающую соответствующий правопорядок.

Понимается, что глобализация – объективный общественно-исторический процесс, однако процесс с определенных пор – осознанно управляемый в своих стратегических интересах группой развитых государств, условно называемых Западом.³ Право – и национальное, и международное – целенаправленно используется государствами западного цивилизационного типа в качестве одного из важнейших инструментов утверждения желательных правопорядков, проведения внутренней и внешней политики. Субъективное, волевое воздействие на международную систему накладывается на объективные тенденции ее развития.

Теоретическое осмысление взаимосвязей между глобализацией и правом в отдельных – прикладных – аспектах началось в зарубежной политологии и государствоведении несколько десятилетий назад. Наиболее известные аспекты таких работ заключались в идеях «мирового правительства», «глобального государства», «соединенных штатов Земли», «всемирной федерации». Философскими корнями эти идеи уходят к трудам Канта и некоторых других ученых Европы и США. Советская наука справедливо отвергала подобные идеи, поскольку они недвусмысленно направляли общественное сознание на подчинение народов и суверенных государств экспансионистским устремлениям Запада. «Мировое правительство» и «мировое право» подспудно или открыто мыслились как «правительство» и «право» Запада, управляющего прочими – «освоенными» – цивилизационными пространствами Земли в своих интересах, в интересах правящей элиты, обслуживающей имперские притязания финансово-промышленной олигархии избранных «супер-государств». В то же время отрицая подобные субъективные идеи будущего мироустройства, нельзя отрицать реально происходящие в условиях глобализации процессы эволюции правовой надстройки; нельзя отдавать управление этими

¹ *Владимир Михайлович Шумилов* – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права ВАВТ МЭР РФ

² Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. – М.: Новый век, 2002, 416 с.; Актуальные проблемы глобального управления: «Группа восьми» и международные многосторонние институты. Аналитический сборник./ Под редакцией М.В. Ларионовой. – М.: Университетская книга, Логос, 2007, 384 с.; Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. – М.: Инфра-М, 2003, 768 с.; Долгов С.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? – М.: Экономика, 2008, 246 с.; Лыков А.Ю. Мировой государство как будущее международного сообщества: монография. – М.: Проспект, 2013, 248 с.; Теория международных отношений: учебник. / Под редакцией П.А. Цыганкова. – М.: Юрайт, 2015, 316 с.; Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира: монография. – М.: Проспект, 2005, 432 с.

³ Шумилов В.М. О периодизации международного права в контексте цивилизационного подхода: Россия и Запад // Евразийский юридический журнал. 2014. № 10. С. 48.

процессами исключительно в руки государств западного цивилизационного типа (а сегодня, по сути, в руки только США).

Российская – постсоветская – правовая наука откликнулась на тему «глобализация и право» первыми доктринальными построениями, учитывающими современные реалии, в начале XXI века.¹ Сегодня российская «правовая глобалистика» имеет в своем багаже солидные труды.² Они охватывают важнейшие стороны, тенденции происходящей эволюции сообщества государств и народов, изменения в международной системе и, в частности, в её правовой составляющей. Тема рассматривается и на макроуровне – в системно-концептуальном ключе, и по отдельным вопросам. Выявились дополнительные аспекты данной проблематики, различие в подходах и понимании отдельных процессов, терминологические разночтения и пробы.

Следует видеть, что международная система состоит из множества подсистем, и в каждой из них «глобализация» происходит отличающимися методами, с разной скоростью и охватом отношений. Наиболее очевидно и далеко в этом смысле продвинулась «международная экономическая система» (и, в свою очередь, её подсистемы – «международная торговая система», «международная финансовая система», «международная инвестиционная система»). Глобализация идет двумя путями: прямой путь – универсализация международно-правовых режимов и создание глобальных структур управления отношениями в международной системе (МВФ, ВТО и др.); непрямой путь – дифференциация, регионализация международно-правовых режимов, создание структур континентального, межрегионального, цивилизационного происхождения. Региональная экономическая интеграция – это, можно сказать, другая сторона глобализации: в рамках интеграции государства-участники ускоренно и скоординированно создают правовые режимы в своих интересах, как правило на собственной цивилизационной почве. На следующем этапе глобализация принимает (или примет в будущем) форму взаимодействия различных интеграционных объединений между собой.

В национальных правовых системах государств Запада тем временем имеет место сближение англосаксонской и романо-германской правовых семей; в остальных национальных правовых системах – рецепция норм западных правовых семей. В целом налицо активный процесс унификации (гармонизации) всех внутренних правовых систем, в том числе, и со всё большей интенсивностью, через каналы универсальной и общей частей международного права, через глобальные структуры управления отношениями в международном сообществе, через правовые режимы в рамках интеграционных объединений.

Как понимать Глобальное право. Что же понимать под «Глобальным правом» сегодня? Очевидно, что это не «мировое право», несущее волю «мирового государства» или любую надгосударственную, внегосударственную волю. Очертания самого понятия следует искать в

¹ Шумилов В.М. Международное экономическое право в эпоху глобализации // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 167-203; Шумилов В.М. Глобализация мировой экономики и Глобальная правовая система // Внешнеэкономический бюллетень. 2002. № 8. С. 75-80. № 9. С. 70-75; Шумилов В.М. Международное право и Глобальная правовая система // Московский журнал международного права. 2002. № 4.

² Байльдинов Е.Т. В поисках модели более гармоничного и справедливого мироустройства: концепция всеобщего (универсального) права // Актуальные проблемы современного международного права: материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. – Ч. 1. / Под редакцией А.Х.Абашидзе, Е.В. Киселева. – М.: РУДН, 2012. С.78-86; Богатырёв В.В. Глобализация права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2012; Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. – М.: Инфра-М. 2013. 496 с.; Коршунов А.Н. Идея глобального права: философско-методологические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. 27 с.; Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. – М.: Проспект. 2015. 400 с.; Моисеев А.А. Суверенитет государства в современном мире. Международно-правовые аспекты. – М.: Научная книга. 2006. 246 с.; Сеидов А.В. Международное право в эпоху глобализации. Эволюция концепции государственного суверенитета: монография. – М.: Научная книга. 2005. 154 с.; Урсул А.Д. Глобальное измерение права // Юридические исследования. 2012. № 5. С. 25-48; Фархутдинов И.З. Международное или Глобальное право? // Юрист-международник. 2004. № 4. С. 12-31.

укреплении взаимосвязей между национальными системами права (далее используется обобщающий термин «внутреннее право») и международным правом. Укрепление взаимосвязей происходит по двум направлениям: с одной стороны, государства передают всё новые и новые вопросы из-под внутренней юрисдикции под международно-правовое регулирование; с другой стороны, нормы международного права широким фронтом инкорпорируются во внутреннее право. В ряде государств включение норм международного права произведено прямо и непосредственно конституцией (в том числе в России). Обе эти линии хорошо иллюстрируются на примере права ВТО: с одной стороны, государства-члены ВТО передали в сферу регулирования ВТО, например, вопросы применения тарифных и нетарифных мер в международной торговле; с другой стороны, произвели рецепцию норм права ВТО, скорректировали внутреннее право приведя его в соответствие с требованиями ВТО.¹ Право ВТО сыграло роль глобального механизма унификации национальных систем права – применительно к международной торговле; внутреннее право приведено к определенному единообразию. Современный юрист, работающий в этой сфере, должен в равной мере руководствоваться как нормами соглашений ВТО, так и нормами национального законодательства – в их неразрывном единстве (скажем, в вопросах антидемпинговой практики). Отделить международно-правовые нормы и соответствующие нормы внутреннего права в процессе правоприменения, правового регулирования конкретных отношений – невозможно. Примеров такого переплетения, сращивания норм международного и внутреннего права – хоть отбавляй. И это сегодня симбиоз не отдельных, не выборочно взятых норм, а обеих систем права в целом: международное право и внутреннее право становятся неразрывным двуединством. Неразрывное двуединство международного и внутреннего права – пусть не всеохватное, не для всех пока заметное, – и представляет собой в XXI веке явление, которое условно можно назвать Глобальным правом. При этом за нормами международного права, как правило, признается преимущественная сила по отношению к нормам внутреннего права. Такой примат/приоритет норм международного права зачастую закреплен как международными договорами, так и внутренним законодательством.

Противоречит картине только практика США по экстратерриториальному применению внутреннего права и суда; они предпочитают односторонне регулировать отношения, которые объективно интернационализированы и требуют международно-правового регулирования, двустороннего либо многостороннего. США сегодня – главный носитель международно-правового нигилизма; международное право используется ими цинично, выборочно, в собственной интерпретации и только когда выгодно – как средство империалистической внешней политики и закрепления монополярного правопорядка. Более того, международное право сознательно используется Соединенными Штатами для своеобразной правовой экспансии: нормы своего внутреннего законодательства (и не только собственно нормы, а и правовые подходы, правовой менталитет, принципы правосознания) США продвигают в международные договоры, которые в свою очередь требуют соответствующих изменений во внутреннем праве государств-партнеров. Посредством договоров происходит «передача» (а зачастую «навязывание») правового менталитета со стороны англосаксонской цивилизации всем прочим государствам. Экстратерриториальное применение внутреннего права США – та же правовая экспансия, только в более грубой форме, попирающей принцип равноправия государств.

Картина Глобального права будет неполной без включения в нее еще двух явлений, условно называемых «наднациональным» (или «надгосударственным») правом и «транснациональным правом».

Наднациональное право. Явление наднациональности возникает, когда в предписании заложена и/или проявляется некая воля, стоящая выше воли суверенного государства.² Как правило, речь идет о воле некоторых международных организаций либо их органов, обладаю-

¹ Соглашение об учреждении ВТО: Статья XVI, п. 5. // Результаты Уругвайского раунда Многосторонних торговых переговоров. Правовые тексты. – М.: МАИК Наука/Интерпериодика. 2002. С. 14

² Внешнеторговая энциклопедия / Отв. редактор С.И. Долгов. – М.: Экономика. 2011. 448 с.

щих необходимыми полномочиями в рамках своей правосубъектности (МВФ, СБ ООН и др.). Так, некоторые органы МВФ вправе в ряде предусмотренных ситуаций принимать решения, обязательные для государства-члена, даже если это государство голосовало против решения или не согласно с ним. Предполагается, что, вступая в МВФ, государство осознанно допускало такую ситуацию подчинения воле организации (ее органов). Признаки наднациональности присутствуют и в органах региональных интеграционных объединений (в ЕС, ЕАЭС и др.). «Наднациональный» характер правопорядка ЕС усматривается, например, в праве его органов издавать обязательные для государств-членов и их граждан властные акты прямого применения, обладающие приоритетом перед внутригосударственным правом, принимать решения (по ряду вопросов) большинством голосов, а не консенсусом. При этом функционеры органов ЕС выступают в личном качестве, а не находятся на службе у какого-либо государства.

Таким образом, *наднациональное право* – это право *вторичное*, рожденное на основе международных договоров (уставов международных организаций). Однако оно столь примечательно и значимо, что меняет качество самого международного права. Наднациональное право можно рассматривать как систему соответствующих норм, как нормативный блок, а можно рассматривать как *метод* нормативного регулирования. Чтобы совместно обеспечить единообразное регулирование определенной области жизни, иногда лучше выбрать не «просто» международно-правовое регулирование, а именно метод/способ «наднационального» регулирования, независимого в известных пределах от первоначальной воли государств. Не все международные организации наделены правом принимать решения наднационального характера; таких организаций не так уж много, но их существование (и рост их числа) – свидетельство важных процессов в международно-правовом и институциональном обеспечении миропорядка, каким бы сложным он ни был. Можно отметить, что наднациональность также осознанно и целенаправленно используется Западом как метод нормативного регулирования/управления в случаях, когда это выгодно.

Определенной наднациональностью – автономностью существования, независимого от воли отдельного государства, – обладают, как представляется, и некоторые конструкции, нормативные блоки, категории, международно-правовые режимы, сложившиеся в международной жизни. Похоже, что к таким явлениям можно отнести, например, блок норм *jus cogens* (имеющих характер обязательств *erga omnes*), международно-правовой режим «общего наследия человечества», конструкцию «специальных прав заимствования» в праве МВФ, идеи мировой валюты. Всё это – дополнительные ростки Глобального права, поскольку они продолжают укрепление двуединства международного права и внутреннего права. Наверное, более-менее оформившимся Глобальное право можно будет считать только тогда, когда международное сообщество государств (и/или народов) будет юридически признано самостоятельным субъектом права, носителем общей воли землян и общего правосознания. В таких условиях и МП, и системы внутригосударственного права становятся многоуровневыми «правовыми отраслями» и «институтами» в системе Глобального права. В качестве объекта регулирования предстаёт вся социальная система общечеловеческой цивилизации – всех цивилизационных пространств.

Наднациональное регулирование привносит в международное право элементы субординационного характера, что увеличивает эффективность международного права. Вопрос только: кто сегодня извлекает из этого наибольшую пользу; чьи интересы в наибольшей степени обеспечиваются таким методом регулирования, а чьи – могут быть ущемлены?

Возможно, структура Глобального права будет напоминать структуру права ЕС. Правопорядок ЕС строится на основе нескольких нормативных блоков: международного права, национального права государств-членов и норм, содержащихся в актах органов ЕС и носящих наднациональный/надгосударственный характер. Право ЕС – это в некотором смысле региональный срез (образец, проформа) будущего Глобального права.

Транснациональное право. Необходимо обратить внимание на ещё одно правовое явление, непосредственно связанное с темой Глобального права, – на так называемое «транснациональное право». В российских и зарубежных научных источниках излагаются различные концепции транснационального права¹ и даже вовсе отрицается его существование.² Многое зависит от того, что понимать под транснациональным правом, как смотреть на него.

Широко известны, например, кодификационные акты Международной торговой палаты: по толкованию торговых терминов («Инкотермс»); по правилам отдельных банковских операций и межбанковских отношений международного характера. Акты содержат формулировки обычаев и правил, выработанных самими участниками отношений – хозяйствующими субъектами разных стран. Экспортеры, импортеры, банки включают указанные нормы (или ссылки на них) в контракты, в межбанковские договоры. Получается, что хозяйствующие субъекты многих стран совершают определенные действия, строят отношения между собой по неким правилам, источником которых являются сами хозяйствующие субъекты.

Эти правила, вроде бы, с одной стороны, не являются ни частью международного права, ни частью внутреннего права государств, хотя в случаях нарушения контрактов или межбанковских договоров возможны обращения к арбитражным процедурам или к государственным судам. Похоже, что правила и возникли-то в отношениях, которые не регулируются ни внутренним, ни международным правом (т.е. там, где есть правовые пробелы), либо регулируются в обеих системах по общедозволительному способу – исходя из принципа «разрешено все, кроме прямо запрещенного». Чтобы придать взаимным отношениям нужную степень упорядоченности, частные лица разных стран восполнили пробелы и сферу «всеобщего дозволения» собственными конкретными правилами. А с другой стороны, эти правила как бы санкционированы (разрешены и защищаются) внутренним и/или международным правом и в этом качестве могут – в каких-то случаях – являться частью либо внутреннего, либо международного права. Зачастую нормы, содержащиеся в кодификационных актах Международной торговой палаты, инкорпорируются в той или иной форме во внутреннее законодательство государств. Как бы то ни было, в подобных нормах заложена скоординированная воля частных лиц из разных стран, и этим они отличаются и от норм внутреннего права, и от норм международного права.

Данный нормативный блок и предлагается называть *транснациональным правом*. Суть его в том, что частные лица (главным образом, многонациональные предприятия, банки, биржи) разных стран создают на двустороннем и многостороннем уровнях свои собственные нормы взаимоотношений, свой – автономный – правопорядок. Этот нормативный блок находится как бы «между» внутренним правом и международным правом, воздействуя на них и получая от них определенные импульсы, дополнительно связывая две системы. Блок транснациональных норм в сфере международной торговли обозначают термином *lex mercatoria*. Аналогичный блок в сфере финансовой можно было бы, по аналогии, назвать *lex financiaria*, а в сфере инвестиционной – *lex investionis*. Это всё – «институты» транснационального права. Таких блоков много и в других сферах международного общения хозяйствующих субъектов, их ассоциаций. С помощью норм транснационального права – в какой-то степени – регулируются отдельные отношения на глобальных и региональных рынках товаров и услуг: нефтяного, газового, алмазов, авиауслуг и др. А как рассматривать правила, которыми руководствуется Лондонский клуб кредиторов или международное сообщество частных банков в рамках созданной ими системы межбанковских финансовых телекоммуникаций – СВИФТ? Европейские транснациональные банки договорились между собой о правилах борьбы с отмыванием «грязных денег» (эта же проблема параллельно решается и в рамках внутреннего права, и в рамках международного права). Транснациональные биржи договариваются о порядке работы с ценными бумагами на национальных рынках различных стран.

¹ Бахин С.В. Субправо (международные своды унифицированного контрактного права). – СПбГУ. 2002. С. 305; Берандзе М.Р. Концепция транснационального права в международном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: РУДН, 2010.

² Вельяминов Г.М. Международные право: опыты. – М.: Статут, 2015. – С. 24.

В международной инвестиционной системе «диагональные отношения» (отношения между иностранным инвестором и государством пребывания) – это предмет, находящийся в юрисдикции *внутреннего права* государства пребывания. Инвесторы (хозяйствующие субъекты) заключают с государствами не только договоры о разделе продукции, но и договоры о предоставлении синдицированных кредитов, договоры о погашении долгов, договоры о покупке акций национальных предприятий, договоры об исключительных правах (как, например, договор ТНК «Де Бирс» с Ботсваной, по которому компания получила право приобретать алмазы, добытые в Ботсване). Можно предположить, что за пределами внутригосударственного правового регулирования какие-то вопросы диагональных отношений – предмет *транснационального права*, однако данное предположение требует специального исследования.

С некоторыми нормативными режимами на основе норм транснационального права государства ведут борьбу или сужают сферу свободы действий, сферу дозволений для частных лиц в их взаимоотношениях международного характера. Речь идет, например, об «оффшорной деятельности» хозяйствующих субъектов или о проблеме «трансфертных цен».

Транснациональное право также можно рассматривать двояко: с одной стороны, как нормативный блок; с другой стороны – как *метод нормативного регулирования*. Западные государства манипулируют *методами* регулирования, выбирая для каждого случая наиболее оптимальный для обеспечения своих интересов. Так, например, чтобы обеспечить господство американских компаний на глобальном рынке авиауслуг, США приступили в свое время к «дерегулированию» этого рынка: уменьшили государственное участие и регулирование, заставили другие государства (где существуют авиакомпании-конкуренты) провести аналогичные меры, а соответствующие сферы отношений рынка авиауслуг были «переданы» под регулирование посредством норм, которые авиакомпании мира выработают между собой сами. Понятно, кто будет диктовать правила и условия на рынке в таких условиях.

Круг вопросов, подлежащих регулированию в рамках транснационального права, не ограничивается экономической проблематикой и частноправовой сферой. Дело в том, что внутри многих развитых государств идут процессы перераспределения внутренней компетенции: центральная власть передает значительную часть компетенции «вниз» – на уровень отдельных административных единиц (областей), субъектов федераций; ниже – органам местного самоуправления.¹ Среди прочего, передается и право осуществлять отношения международного характера в оговорённых вопросах. Административные единицы, субъекты федераций, муниципальные власти разных государств усиливают взаимодействие между собой, заключают на своем уровне соответствующие договоры в рамках предоставленной свободы действий. По всей видимости, какие-то нормы, которые будут создаваться участниками таких отношений для обеспечения взаимодействия, можно считать нормами *транснационального права*, и его субъектами в данном случае будут являться не частные лица, а публичные лица – органы административных единиц (областей), субъектов федераций, муниципальных образований.

Глобальная правовая система и Глобальная нормативная система. Сферу всех правовых средств и методов воздействия на реальность в целях регулирования общественных отношений внутри государств и за пределами их территорий можно назвать Глобальной *правовой* системой. Глобальная правовая система еще только формируется, имеет нечеткие очертания (и даже не всем заметна). Она обеспечивает (должна обеспечивать, будет обеспечивать) упорядоченность отношений и системное функционирование всех государств и обществ мира, всего миропорядка.

Система состоит из ряда компонентов: предметно-объектного, институционально-субъектного, регулятивного, функционального, идеологического. Регулятивным компонентом Глобальной правовой системы выступает Глобальное право, под которым понимается качественное единство двух систем – внутреннего права и международного права. Важными частями Глобальной правовой системы являются также наднациональное и транснациональное право.

¹ Лыков А.Ю. Мировое государство как будущее международного сообщества. – М.: Проспект, 2013. С. 38.

Частями Глобальной правовой системы (в том или ином разрезе) предстают и *международно-правовая система*, и правовые семьи – во всём их эволюционном развитии. В нее же входят и механизмы правового регулирования, и правосознание всех уровней, функционирующие правовые режимы и т.п. Глобальная правовая система – иерархична, определенным образом структурно организована.

Понятие Глобальной *нормативной* системы – шире. Она включает в себя также и некоторые «неправовые» блоки, задействованные в регулирование отношений в международной системе, в том числе нормы международной морали, нормы мягкого права. Мягкое право – это неправовые нормы, но они имеют огромное значение, так как зачастую служат предвестниками и проводниками соответствующих – в последующем – норм «жесткого» права, создают необходимое (полезное для применяющих такой метод регулирования государств) нормативное поле.

Выводы.

Итак, глобализация охватила не только все сферы реальных отношений между государствами и внутри них, но и правовую надстройку над этими отношениями, – имеет место, таким образом, и глобализация права. Изучение данного явления осуществляется сравнительно молодым институтом правовой науки – правовой глобалистикой.

В условиях глобализации по различным каналам и разными путями усиливаются взаимосвязи между национальными системами права (внутренним правом) и международным правом. Укрепляющееся двуединство двух правовых систем и есть зачатки Глобального права. Оно еще только формируется и приобретает более-менее зримые очертания (хотя ряд ученых и отрицает само явление). В рамки Глобального права вплетены нормативные блоки, называемые *наднациональным* правом и *трансциональным* правом. Вместе они образуют Глобальную правовую систему. Она – иерархична, имеет (или постепенно приобретает) определенную структурную организацию. В неё входят, среди прочего, также: механизмы правового регулирования, правосознание, правовые режимы, различные подсистемы и т.п.

Процессы глобализации вообще и глобализации права в частности осознанно направляются в нужное русло государствами западного цивилизационного типа – англосаксонскими и европейскими – под руководством США, которые открыто претендуют на исключительность и гегемонию, стремятся выстроить монополярный мир на основе навязанных ценностей. Избран ускоренный путь «прямой глобализации»: создание в различных секторах межгосударственных отношений универсальных международных организаций, которые ставятся под контроль США (Запада); инициирование в нужных областях универсальных договоров на прозападных принципах и ценностях; заключение «групповых» договоров западными государствами и последующее «проталкивание» таких договоров в международное сообщество; выборочное применение норм и принципов международного права, их одностороннее толкование, принятие односторонних решений вместо коллективного международно-правового регулирования; навязывание западного (американского) правового менталитета всем прочим государствам; использование различных комбинаций в применении *методов* правового регулирования – международно-правового, национально-правового, наднационального, транснационального. Управление глобализацией обеспечивается Западом военно-политической, экономической силой, идеологизированной пропагандой и другими средствами, вплоть до «размывания нормативности», по словам Председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина.¹

Россия – это развитое государство незападного цивилизационного типа. Наша страна не является частью Запада (и частью Европейской цивилизации), как бы ни утверждали обратное некоторые представители российской правящей, предпринимательской, культурной и научной элиты, оторванной от русских корней, русской истории, компрадорской, англоманской, прозападной; Россия – евразийское государство-цивилизация со своей иерархией ценностей,

¹ Зорькин В. Право в условиях глобальных перемен. Доклад на пленарном заседании III Петербургского международного юридического форума 15 мая 2013 года // http://rapsinews.ru/international_publication/20130515/267367948.html

не совпадающей с иерархией ценностей западных государств. Российский народ не может согласиться на роль сырьевой окраины западного мира и руководствоваться навязанными правилами жизни. Разворот России на Восток – естественная реакция самосохранения Русского мира на собственной цивилизационной основе. И следовательно, наше государство не может устраивать западный сценарий глобализации и избранные пути её управляемого развития. При этом Россия, как уже не раз официально заявлялось, готова на всестороннее сотрудничество с Западом, но на равноправной основе. Однако именно в равноправии России и отказывают.

В современной международной системе, благодаря России и дружественным ей государствам, тенденция на сохранение монополярного мироустройства под главенством США уступает тенденции на многополярный мир. В её рамках разворачивается опосредованный, непрямой сценарий глобализации – через создание региональных интеграционных объединений и межрегиональных организаций (параорганизаций), заключение незападными государствами групповых договоров, основанных на истинном равноправии. В результате в рамках будущего глобального правопорядка складывается многоцветье международно-правовых режимов, привязанных к цивилизационным особенностям народов и континентов. Интеграционные объединения на континентах служат средством накопления экономической силы, инструментами сохранения цивилизационных ценностей культурологически близких друг другу государств. Для России таким объединением стал Евразийский экономический союз. На эту же задачу работают ШОС, БРИКС и другие организации (параорганизации), созданные с участием России в последние годы. Задача России – целенаправленно ускорять именно этот сценарий глобализации, глобализации через дифференциацию и регионализацию международно-правовых режимов. Укрепив незападные интеграционные объединения и альянсы, можно будет на равных противостоять западным; взаимодействуя между собой, западный и незападные блоки-цивилизационные пространства вынуждены будут, двигаясь по пути глобализации, наводить мосты с более справедливым балансом интересов, прав и обязанностей, выгод и рисков. Можно констатировать: Запад строит Глобальное право с акцентом на универсализацию международного права; незападным цивилизациям необходимо строить Глобальное право с акцентом на дифференциацию, регионализацию международного права. России следует учиться у Запада целенаправленному использованию права и методов правового регулирования в качестве средств внешней политики.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Дж. Локленд²

В апреле 2013 года я выступил на тематической дискуссии в Генассамблее ООН в Нью-Йорке с докладом «Утраченное искусство мира». В нем я обращал внимание на длительную традицию включения положений об амнистии в тексты мирных договоров. Эта традиция просуществовала, по меньшей мере, пять столетий, приблизительно с конца XIV века до Первой мировой войны. Положения об амнистии были настолько распространенными, что в тех случаях, когда их не включали в тексты договоров, специалисты по международному праву были едины во мнении, что такие положения подразумевались. Эта традиция внезапно прервалась в 1918 году после того, как Версальский договор создал условия для наказания Германии и су-

¹ Выступление на Родосском Форуме, 5 октября 2013 г.

² *Джон Локленд* – английский философ и историк, директор исследовательских программ Института демократии и сотрудничества в Европе (Париж).

дебного преследования кайзера. Под судом оказалось и турецкое руководство¹. Меня, как человека, который много писал о международном уголовном праве и использовании уголовного права для судебной оценки действий государства как международными, так и национальными трибуналами, не может не интересовать эта цезура в истории международных отношений.

В том же выступлении я говорил о том, что в 2013 году отмечается пятидесятилетний юбилей Елисейского договора, обозначивший примирение между Францией и Германией. Генерал де Голль и Конрад Аденауэр посетили мессу в Реймском кафедральном соборе в 1962 году, а в январе следующего года был заключен договор. Несмотря на то, что в 2013 году Франция и Германия провели ряд мероприятий, приуроченных к юбилею, например, выпустили специальные почтовые марки, последователи официальной европейской идеологии сделали все, чтобы спрятать празднование под ковер. Эта идеология предполагает, что мир в Европе был достигнут благодаря Европейскому Союзу (и его предшественнику – ЕЭС), а не благодаря двустороннему франко-немецкому договору. Я высказал мнение, что официальная идеология скрывает тот факт, что традиционно мир заключают государства, а не наднациональные структуры.

Сегодня я хотел бы развить эту тему, поскольку я убежден как в могуществе этой идеологии, так и в ее ошибочности. Краеугольным камнем официального мышления является вера в то, что государства, действуя вместе или посредством международных структур, скорее могут добиться мира. Мне видится, что последние 20 лет – период турбулентности, наступивший после распада Советского Союза – подтвердили обратное. Развитие сирийского кризиса также подтверждает ложность официальных убеждений. Поскольку здесь на Родосе мы призваны обсудить «альтернативные картины мира» и возможные способы устройства международной системы с тем, чтобы добиться мира, крайне важно заняться критикой тех допущений и аргументов, на которых основано нынешнее неудовлетворительное мироустройство.

Прежде всего, я хотел бы подчеркнуть, что считаю Первую мировую войну ключевым водоразделом, поскольку в последние 20 лет то, что я называю «этикой наказания»², стало определяющим для западного подхода к международным отношениям. Эта этика на самом глубоком из возможных уровней связана с точкой зрения, согласно которой наднациональные или международные организации более добродетельны, нежели государства-нации. Когда в 1999 году было совершено нападение на Югославию, в 2003 году был атакован Ирак, в 2011 году – Ливия и сейчас, в период бряцания оружием вокруг Сирии, точка зрения, согласно которой международное сообщество должно наказывать государства за их дурные поступки, является передовой. Эта этика наказания нашла отражение в судах и приговорах, вынесенных главам государств, оказавшихся под прицелом (Слободану Милошевичу, Саддаму Хусейну, полковнику Каддафи), в высказываниях, прозвучавших из уст протагонистов в ходе конфликтов (во время войны НАТО против Югославии главнокомандующий силами Альянса генерал Уэсли Кларк заявил, что сражаться с НАТО – это все равно, что «воевать с Богом»³), а также в утверждениях, повторяющихся после событий 21 августа в Сирии, что цивилизованный мир не может стоять в стороне и оставлять варварство безнаказанным.

Эта этика наказания была порождена Первой мировой войной, причем не только карательными санкциями, ознаменовавшими ее окончание, но и изначальным желанием Австрии наказать Сербию в июле 1914 года за убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево (Беспрецедентный характер этого стремления наказать государство был отмечен, по меньшей мере, одним из современников, а именно министром иностранных дел Великобритании сэром Эдвардом Греем⁴). Не только кайзер был подвергнут судебному преследованию в соответствии со статьей 227 Версальского договора (обвинению в государственной измене, если

¹ Laughland J. A History of Political Trials from Charles I to Saddam Hussein. Oxford: Peter Lang, 2008. Chapter 3.

² Ibid., P. 257.

³ SHAPE News Summary and Analysis, 12 May 1999.

⁴ Грей написал, что «никогда прежде не сталкивался с тем, чтобы одно независимое государство адресовало другому независимому государству столь пугающий, жуткий документ». См.: Sir Edward Grey, *Correspondence* No. 5, Sir Edward Grey to Sir Maurice de Bunsen (British ambassador in Vienna), 24 July 1914.

таковая вообще имела место). Турецкий Великий визирь и другие представители власти этой страны были отданы под суд. Вторая мировая война увеличила этот разлом, поскольку и по ее окончании (во всяком случае, до 1990 года) не был заключен мирный договор и не объявлялась амнистия. Напротив, война завершилась решениями о разного рода наказаниях, вынесенными в Нюрнберге и Токио. Привычную пару «война и мир», традиционную прерогативу государств, вытеснила практика, название которой – гибрид Толстого и Достоевского: «война и наказание». Речь идет, таким образом, о прямой линии, соединяющей события 1914-1918 годов с периодом с 1991 по 2013 годы. И эта линия проходит через 1945-1948 годы.

Я не первый, кто отмечает, что эта этика наказания в значительной степени вдохновлена американским политическим мессианством¹. Сложно найти более точное подтверждение слов Карла Шмитта о том, что политические идеи суть не что иное, как секуляризированные богословские идеи². Зачастую их даже не подвергают секуляризации. Достаточно вспомнить крайнее мессианство Тони Блэра, Джорджа Буша и других неоконсерваторов первого десятилетия XXI века, которое, как и мессианство Вудро Вильсона и других в первые десятилетия XX века, часто получало выражение в богословских терминах. Как заявлял Джордж Буш в 2003 году, «свобода одновременно является планом Небес для человечества и главной надеждой на прогресс здесь, на Земле... Продвижение свободы – это призвание нашего времени и это *призвание нашей страны*»³. Схожим образом Вудро Вильсон в 1918 году заявлял, что от подписания Версальского договора зависит «искупление, освобождение и спасение мира»⁴. Альберт Беверидж, обращаясь к Сенату в 1900 году, сказал, что «Бог отметил американцев как избранный народ, который должен повести мир к спасению и искуплению».

Согласно этим мессианским воззрениям, корни которых следует искать в самом начале американской истории и даже еще глубже, во времена Английской революции, Реформации и в особенности в богословии Кальвина, доминировавшей в тот период, мировая история – это поле битвы между силами Добра и Зла. Ценой большой войны добро победит зло в последнем сражении. Как правило, предполагается, что решающую роль в этом сражении сыграет мужество избранного народа, предназначенного для спасения мира, более просвещенного и добродетельного, чем прочие. Добро будет вознаграждено, а зло осуждено и наказано. Благодаря этой победе всеобщее просвещение и свобода от тирании станут достоянием всего человечества. Как я уже отмечал в других выступлениях и публикациях, идея наказания играет ключевую роль в этой политической эсхатологии: царство добродетельных наступает в результате наказания злодеев. Различные случаи уголовного преследования глав государств, которыми отмечена наша история и число которых существенно увеличилось в последние годы⁵, откровенно вдохновлены⁶ идеей Последнего суда. Подчас об этом даже говорят открыто.

В своем сегодняшнем выступлении я хочу продемонстрировать связь между этикой наказания и идеологией наднационализма. Я также хотел бы остановиться на истории этой идеологии в критических целях. Как и в случае с этикой наказания, ключевым историческим событием для идеологии наднационализма стала Первая мировая война. Согласно широко

¹ Tuveson E.L. Redeemer Nation, The Idea of America's Millennial Role. – Chicago: University of Chicago Press, 1968; Walzer M. The Revolution of the Saints, A Study in the Origins of Radical Politics – Harvard University Press, 1965; Northcott M. An Angel Directs the Storm, Apocalyptic Religion and American Empire. – London: I. B. Tauris, 2004.

² Schmitt C. Politische Theologie, Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität. – Berlin: Duncker & Humblot, Fünfte Auflage, 1990. P. 49.

³ Выступление президента Буша, приуроченное к 20-летию Национального фонда демократии, 6 ноября 2003 года. Курсив автора.

⁴ Выступление Вудро Вильсона в Окленде, 18 сентября 1919 года. См. также: Tuveson E.L. Op. cit. P. 211.

⁵ С тех пор, как я закончил свою книгу о судебных преследованиях глав государств, в которой я дошел до Саддама Хусейна, следующие государственные лидеры были приговорены или оказались под национальным или международным судом: Омар аль-Башир (Судан, МУС), Альберто Фудзимори (Перу), Чарльз Тэйлор (Либерия, Специальный суд по Сьерра-Леоне), Радован Караджич (Республика Сербская, МТБЮ), Юлия Тимошенко (Украина), Гейр Хаарде (Исландия), Хосни Мубарак (Египет), Эфраин Риос Монтт (Гватемала), Зин эль-Абидин Бен Али (Тунис), Лоран Гбагбо (Кот-д'Ивуар, МУС) и Муаммар Каддафи (Ливия, МУС).

⁶ Богословские мотивы эксплицитно или имплицитно звучали в ходе судов над Карлом I, японским руководством в Токио, а также Слободаном Милошевичем. См. Laughland J. A History of Political Trials.

распространенной точке зрения, война в Европе в 1914 году началась потому, что не существовало наднациональных структур, которые могли бы помочь разрешить конфликт. Нации были суверенными и неконтролируемыми. Они свободно могли воевать, поэтому и война была неизбежна. Это представление по завершении Великой войны привело к созданию Лиги Наций, а затем, уже после Второй мировой войны, к созданию ООН в 1945 году. В Европе та же наднациональная идеология и те же аргументы по поводу войны и мира постоянно приводятся в поддержку ЕС, «самого тесного союза в истории»: единственной альтернативой наднациональному сдерживанию посредством брюссельских структур является война.

Сложно преувеличить частоту, с которой этот аргумент озвучивается с самых высоких трибун. Точно так же сложно преувеличить глубину уверенности в том, что государства-нации по всему миру необходимо сдерживать посредством наднациональных механизмов, чтобы предотвратить войну. Эта идея нашла прекрасное отражение в названии известного академического труда по истории международного права – «Благородный цивилизатор наций»¹. Это цитата из Джорджа Кеннана, притом что неологизм Кеннана служил цели, прямо противоположной той, в рамки которой его пытаются впихнуть сегодня. Задача такого рода слоганов – показать, что без международного права нации вообще нельзя считать цивилизованными. Подобные убеждения, что за пределами хрупких наднациональных структур лежат война и анархия, а сами эти структуры – единственная защита от этих бед, встречаются повсеместно в наднациональных организациях. Преамбула Римского статута Международного уголовного суда, например, начинается со следующих слов:

«Сознавая, что все народы объединены общими узами и что взаимопереплетение их культур образует совместное наследие, и будучи обеспокоены тем, что эта тонкая мозаика может быть в любой момент времени разрушена...»

Между тем, в Европе постоянно звучит утверждение, что ЕС способствует предотвращению войны. Херман ван Ромпей заявил в 2010 году, что евроскептицизм может привести к войне². Жозе Мануэл Баррозу сделал схожее заявление в своем выступлении перед Европарламентом в сентябре. По его словам, все, кто выступает против евроинтеграции, хотят вернуться во времена войны и окопов³. То обстоятельство, что Людовика XV высмеивают за фразу «После нас хоть потоп!» (хотя, возможно, она принадлежала его фаворитке мадам де Помпадур), очевидно, не вгоняет наших лидеров в краску, особенно в Европе, хотя они говорят то же самое другими словами.

Поскольку сложно отрицать, что Первая мировая война началась в 1914 году, то и людям непросто убедить в том, что этот аргумент ошибочен. Так или иначе, внимательное изучение истории идей и истории современного международного права позволяет увидеть, что наднациональная идеология, ставшая столь могущественной после Первой мировой войны, в действительности предшествовала ей. Первая мировая война интерпретировалась сквозь призму уже существовавших в то время идей, они не были порождены реакцией на нее. Схожим образом европейская идеология также предшествовала созданию ЕЭС, а не стала порождением Второй мировой войны, как это часто утверждается⁴. Достаточно вспомнить широко известные факты. В 1907 году, то есть за семь лет до начала Великой войны, в Гааге был принят Принцип обязательного мирного разрешения международных споров⁵, а в 1899 году была учреждена Постоянная палата третейского суда. Первую Нобелевскую премию мира – присужденную за внесение серьезного вклада в области поддержания мира при помощи наднационального управления

¹ Koskeniemi M. *The Gentle Civilizer of Nations, The Rise and Fall of International Law, 1870 – 1960*. – Cambridge University Press, 2001. Слова Кеннана (см.: Kennan G. *American Diplomacy*. – University of Chicago Press, 1984. P. 53-55) приводятся в эпиграфе этой книги на стр. v.

² Herman van Rompuy, “A Curtain went up – ein Vorhang ging auf!”, Europe speech, Berlin, 9 November 2010: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/117623.pdf

³ José Manuel Barroso, State of the Union address, 11 September 2013, http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-684_en.htm

⁴ Laughland J. *The Tainted Source: The Undemocratic Origins of the European Idea*. – London: Little Brown, 1997. Chapter 2, Fascists and Federalists.

⁵ Final Act of the Second Peace Conference, The Hague, 18 October 1907.

(включая и ту, что была присуждена Европейскому союзу в 2013 году) – получил в 1901 году Генри Дюнонт, который работал над межнациональной и наднациональной теориями развития. В 1863 году он создал Международный комитет Красного Креста, а годом позже его организация оказала спонсорскую поддержку первой Женевской конвенции, прошедшей в 1864 году.

Основные международные конвенции, декларации и договоры, составляющие свод новых кодексов международного гуманитарного права, были подписаны в 1856, 1863, 1864, 1868, 1874, 1880, 1899, 1906, 1907, 1909, 1910 и 1913 годах. Коскением начинается свою историю распространения международного права с 60-х годов XIX века. Вторая половина XIX века явила миру настоящую вспышку универсализма, глобализма и наднациональных идей. Эти теории были основаны на вере в целесообразность политического единства человечества, в основе которого лежала бы просвещенная цивилизация. В 1843 году в Лондоне на высоком политическом уровне был проведен первый Международный конгресс «Друзей мира». В 1867 году Фредериком Пасси была создана Международная лига мира. Также в 1867 году под руководством Гарибальди была учреждена Международная лига мира и свободы. В 1891 году было основано постоянное Международное бюро мира со штаб-квартирой в Берне. Практика проведения международных съездов началась в 1851 году в Лондоне. Именно на съезде в Париже в 1889 году Пьер де Кубертен предложил идею возрождения Олимпийских игр, основой которых должна была стать общая мировая пацифистская идеология о единстве человечества. С 1889 года и до начала войны, а также в межвоенный период, международные конгрессы по поддержке мира проходили ежегодно. В 1889 году в Женеве был создан Межпарламентский союз, который к началу Первой мировой войны насчитывал более трех тысяч депутатов. В 1873 году важной вехой стало создание Института международного права в Генте, которому в 1904 году была присуждена Нобелевская премия мира. В 1862 году в Брюсселе была образована Международная ассоциация прогресса в социальных науках, созданная теми же самыми юристами – Густавом Ролен-Жакмэном, Тобиасом Ассером и Джоном Вэстлэйком.

Появление различных политических движений совпало с распространением международных торговых и коммуникационных организаций. В 1865 году был основан Международный телеграфный союз. В 1874 году в Берне был образован Общий почтовый союз, позже переименованный в Международный почтовый союз. В 1874 году в Брюсселе появился Конгресс свободной торговли. Годом позже на этом конгрессе выступал ярый сторонник социально-революционного движения мирового капитализма Карл Маркс¹. Иными словами, если вторую половину XIX века часто называют эпохой национализма и культа нации², то период с 1848 по 1914 год стал эпохой культа гуманности и веры в единство человечества. Гарибальди и некоторые его современники рассматривали национальное единство лишь в качестве первой ступени к всеобщему объединению человечества.

Все это привело к укоренению в сознании юристов и государственных деятелей уже в конце XIX века, задолго до Первой мировой войны, идеи, согласно которой так называемый несконфликтный суверенитет наций представлял угрозу для мира, а решением этой проблемы могли стать международные договоры, а еще лучше – наднациональный контроль. Особенно примечательно, что организации, специально созданные для развития торговли и связи, были восприняты либеральными глобалистами XIX века с таким же воодушевлением, как интернет и другие средства электронной коммуникации в середине 90-х прошлого века. В XIX столетии бытовало твердое убеждение, что посредством развития коммуникаций человечество сможет достичь более высокого уровня цивилизации и взаимопонимания. Экономическая глобализация рассматривалась лишь как служанка политической глобализации. Расхожим мнением стало то, что внутригосударственные торговля и связи сделали национальное государство избыточным³.

¹ См. Laughland J. The European Union, A Marxist Utopia? // The Monist, Vol. 92; No. 2, April 2009.

² Zamoyski A. Holy Madness: Romantics, Patriots and Revolutionaries, 1776 – 1871. – London: Weidenfeld & Nicolson 1999.

³ Превосходный анализ восторженного восприятия глобалистами развития коммуникаций, торговли и международного права во второй половине XIX века можно обнаружить в: Mattelart A. Histoire de l'Utopie planétaire, De la Cité prophétique à la société globale. – Paris: Editions La Découverte, 1999, в особенности главы 6 и 7.

Более того, мечта об объединении человечества шла рука об руку с верой в то, что единое человечество будет более цивилизованным, нежели разьединенное. Последние два десятилетия Билл Клинтон, Джордж Буш и сторонники евроинтеграции отождествляли глобализацию с распространением демократии и верховенства закона. На сессии Международного почтового союза в Конгрессе в Вашингтоне в конце 1897 года директор коммуникаций Лозанны и декан почтового союза Камиль Делессер заявила: «Где кончается интеграция, начинается темнота, нищета и варварство»¹. Очевидно технические новшества, такие как почтовые соглашения, в глазах своих создателей становились частями мессианской задачи улучшения человечества. Специалисты по международному праву, энергично включившиеся в создание его структур еще до 1914 года, заявляли безо всякого стеснения, что способствовали прогрессу, то есть были цивилизованными людьми, которые пытались цивилизовать остальных. В сентябре 1873 года на первом заседании Института международного права в Генте был принят устав этой организации. В первой главе устава говорилось, что целью Института являлось становление «правового сознания цивилизованного мира»². Любой, кто выступал против идей и проектов Института, был по определению нецивилизованным. В некоторых случаях чувство цивилизационного превосходства получало расистское языковое выражение, общее для прогрессистов XIX века. Так Иоганн Каспар Блунтшли, швейцарский юрист и один из основателей Института международного права, в 1857 году в своей статье, опубликованной в *Staatswörterbuch*, писал, что арийские народы отличаются от семитских тем, что привязаны к рациональному началу и философии, тогда как семиты эмоциональны и религиозны. По словам Блунтшли, «вся высшая наука имеет арийское происхождение»³.

Если более внимательно приглядеться к академическим инициативам, которые стали источником вышеупомянутых договоров, деклараций и мирных движений, то можно заметить, что, на самом деле, они не являлись юридическими. Напротив, это были политические инициативы, которые лишь использовали юридический язык для продвижения своих целей. Ассер, Ролен и Вэстлэйк, которым приписывают создание современного международного права, в первом выпуске своего *Revue* не ссылались на традиционные европейские труды по международному праву. Наоборот, их журнал был задуман как «площадка для либеральных правовых реформ». Они резко критиковали дипломатию как инструмент разрешения конфликтов и предотвращения войны. Священному союзу давалась неоднозначная оценка, его считали опасным⁴. Другими словами, эти юристы реагировали на политическую головоломку, которая для них была неразрешимой. Они были потрясены тем, что достигнутый в XIX веке мир, сделавший возможным столь значительный экономический прогресс, был основан на реакционном соглашении, достигнутом на Венском конгрессе. В их глазах это соглашение было «препятствием на пути распространения либеральных идей»⁵. Одним из путей преодоления этого мироустройства, основанного на иерархии политических структур, с целью помочь распространению либеральных идей, было призвать к созданию горизонтальных наднациональных структур, пропитанных либерализмом. Ту же стратегию сегодня использует индустрия прав человека. Она также продвигает политические перемены, пользуясь языком юриспруденции⁶. Целью юристов в XIX веке было преодоление власти авторитарных политических структур в Европе. Точно так же в сегодняшней Европе целью является использовать наднационализм

¹ Delessert C. Documents du Congrès postal de Washington 1897, P. 724. Цит. по: Laborie L. L'Europe mise en réseaux, La France et la coopération internationale dans les postes et les télécommunications, années 1850 – années 1950. – Brussels: Peter Lang, 2010. P. 152.

² Koskeniemi. Op. cit. P. 41.

³ Bluntschli J. C. Arische Völker und arische Rechte // Gesammelte kleine Schriften, 2 vols. – Nördlingen: Beck, 1879. Volume I, P. 66; цит. по: Koskeniemi. Op. cit. P. 103.

⁴ Hueck I. German International Lawyers and Hague Conferences // Peace Treaties and International Law in European History. P. 263.

⁵ Koskeniemi. Op. cit. P. 12.

⁶ Sellars K. The Rise and Rise of Human Rights. – Stroud, UK: Sutton Publishing, 2002; Human Rights and Revolutions (eds. Wasserstrom J. N., Hunt L., Young M.B.). – Lanham, Maryland: Rowland & Littlefield, 2000.

Брюсселя для преодоления государств-наций. Конечно, это политическая программа, и именно в этом качестве ее следует рассматривать.

География, среди прочего, подтверждает этот тезис. Конференции, конгрессы, другие международные мероприятия, которыми была ознаменована вторая половина XIX века, проходили в многонациональных странах (Бельгия, Швейцария), в странах, отождествляемых с политическим либерализмом и протестантизмом, а именно в Гааге, Лондоне, республиканской Франции. Женева – особенно символическое место, это родной город как Кальвина, так и Руссо, философов-вдохновителей английской и французской революций соответственно. Точно так же, как институты Евросоюза сконцентрированы вдоль рейнской франко-германской артерии (Брюссель, Люксембург, Страсбург), ни один из конгрессов XIX века не проводился в Испании, Италии или России (притом, что именно Россия была инициатором Мирной конференции в 1899 году), странах, отождествляемых с национальными конфессиями, католицизмом и православием, основанным на представлении о действительном присутствии Христа в евхаристии и легитимности апостольского преемства, то есть на тех двух вещах, против которых выступал Кальвин. В том редком случае, когда одна из подобных встреч прошла в Германии, выбор города также, похоже, был вдохновлен соображениями политического символизма: 4-й Международный конгресс Друзей мира прошел во Франкфурте в 1850 году. Франкфурт был вольным городом, где в церкви Святого Павла в 1848-49 гг. заседал недолговечный либеральный парламент. Вторая Французская империя (1852-1870) также не считалась подходящим местом.

Что мы увидим, если перенесемся в наше время? Я действительно остановился на юридических и политических инициативах, появившихся накануне Первой мировой войны, поскольку убежден в том, что той же идеологией вдохновлены и «эсхатологические воззрения, вдохновленные политическим триумфализмом», о которых сегодня говорил Ханс Кёхлер. Мы видели, как эта идеология вновь набрала силу во время сирийского конфликта (и это происходит с ней постоянно, когда нужно оправдать военное вмешательство), причем это касалось не только карательного характера предлагавшихся военных действий (пусть сейчас от них на время и отказались), но и в совершенно прозрачном утверждении, что «международное сообщество» является цивилизованным, тогда как государства-нации, такие как Сирия, являются варварскими. Если рассмотреть вопрос глубже, то демонизация личности президента Асада напоминает демонизацию лидеров других стран, подвергавшихся нападению в прошлом (Милошевича, Саддама). Персонализация и демонизация, то есть проекция всего зла в одном лице, является глубинным и атавистическим антропологическим механизмом, первичной задачей которого – «удалить» зло из сообщества людей посредством обвинения¹. Это механизм козла отпущения, подробно описанный в трудах Рене Жирара. Дохристианские общества верили в злую натуру объекта демонизации и уничтожали его с целью исторгнуть зло из своих рядов. Козел отпущения – всего лишь символическая репетиция акта насилия.

Маниакальные нападки на личность главы государства – маниакальные, потому что фразы вроде «силы Асада», при помощи которых описывается сирийская армия, ограничивают закрепленные в Конституции государственные органы до уровня сугубо личной системы командования – сами по себе являются способом дискредитации вертикальных структур власти. Вертикальный характер власти, непременно представляющий зло, противопоставляется непременно добродетельной природе горизонтальных структур – комитетов или советов, отсылающих к коллективной, а не индивидуальной воле, к «международному сообществу». Столь же маниакальные нападки на Владимира Путина являются отражением той же ментальности: враги России делают все для того, чтобы показать, что вся политическая жизнь в стране контролируется одним человеком, в отличие от плюралистичного и горизонтально структуриро-

¹ Tricaud F. L'Accusation, Recherche sur les figures de l'agression éthique. – Paris: Dalloz, 1997, reprinted 2001; Canetti E. Masse und Macht. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 28. Auflage. В особенности глава под названием «Urteilen und Aburteilen», P. 351.

ванного Запада. Для меня гротескный характер этой карикатуры очевиден, однако мы имеем дело с могущественным мифом, влияющим на воображение многих людей.

Нынешнее положение дел в Сирии, вероятно, указывает на ложный характер наднациональной идеологии, что и является предметом моего анализа. Если предложение России по разоружению Сирии окажется выходом из кризиса, то получится, что мира можно достигнуть не посредством международного соглашения, а, напротив, посредством международных разногласий. Запад хотел вести войну посредством Совета безопасности, но Россия и Китай с этим не согласились и настояли на невмешательстве. Более того, события, приведшие к принятию плана России по химическому разоружению Сирии, пусть и несут на себе следы международного кризисного менеджмента (Сирия подпишет Конвенцию о химоружии, будет созвана международная мирная конференция (Женева-2), стали результатом вовсе не международной инициативы, а действий одного национального государства – неожиданного отклонения британским парламентом 29 августа 2013 года предложения правительства о военном вмешательстве в сирийский конфликт. Если мира в Сирии удастся достичь, то случится это как благодаря международным разногласиям и реакции государств-наций, так и благодаря международным договоренностям или интернационализму. Администрация США поддержала российское предложение 10 сентября преимущественно потому, что оно неожиданно дало американскому правительству возможность сохранить лицо и не допустить собственного поражения в Конгрессе, то есть дома.

В заключение я должен сказать, что, по моему убеждению, мы должны отказаться от идеологии надгосударственного контроля. Национальные государства не являются варварскими и воинственными структурами с сугубо вертикальной властью; они – естественные образования, отвечающие определенным базовым человеческим потребностям (например, потребности в общем языке) и отражающие одни из величайших достижений человеческой цивилизации. Чем была бы Европа без своих исторически сложившихся государств-наций? Чем была бы история демократии или права без них? Впрочем, я убежден в том, что бесконечные войны, которые США ведут, начиная с 1991 года, а также глобалистская идеология наказания, лежащая в их основе, являются продуктом глубинной психологической потребности американцев в демонстрации своего культурного и политического превосходства на мировой арене. Сталкиваясь с уличной культурой насилия и переполненными тюрьмами дома, если назвать лишь некоторые из многочисленных факторов, оказывающих на американцев психологическое воздействие, США навязчиво проецирует зло вовне, на других, пытаясь не замечать проблемы в собственной стране.

Когда женщину, уличенную в прелюбодеянии, привели к Христу, толпа была готова забросать ее камнями. Общество собиралось совершить этот ужасный акт наказания. С антропологической точки зрения Христос рассеял толпу, выделив в ней индивидуумов, призвав того, кто без греха, бросить камень первым¹. Таким образом, жестокость толпы была сведена на нет. Этот случай показывает, что отдельный человек не всегда является причиной насилия, очень часто этой причиной является общественность. Основой мира на международном уровне – как и на уровне отдельного человека – является побуждение к миру у себя дома, через правительство, достойное одобрения – так же, как и обязанность каждого человека развивать свой личный внутренний мир через смирение и самопознание. Государства, как и люди, находящиеся в мире с самими собой, также будут в мире и с другими.

¹ Girard R. Op. cit.

**THE GLOBALISATION OF INTERNATIONAL LAW
FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE**

John Laughland¹

We have been asked to provide alternative visions of the world, not based on “a new eschatological vision inspired by political triumphalism,” and I would like to do this by questioning what seems to me to be the most important ideological misconception which governs the international system today. That misconception is that international structures, international law and international communication are essential to prevent nation-states from going to war.

It is impossible to exaggerate the depth of this conviction in the minds of today’s policy-makers – and also in the minds of many of their critics too. It is the key idea behind the creation of bodies like the European Union, the United Nations and before it the League of Nations: hardly a month goes by without a leader of the EU saying that the alternative to Brussels integration is war. The ideology of peacekeeping through supra-nationalism has inspired the creation of ad hoc criminal tribunals and the International Criminal Court; it has inspired the reinforcement of the CSCE to become the OSCE; and indirectly the reinforcement of the GATT round on international trade to become the WTO. It has inspired the creation of the euro and the radical enlargement and strengthening of both the EU and the Council of Europe. It inspires a large part of NATO’s new ideology as well as the idea that American military force is necessary to maintain order in the world, including in Europe. It is behind the very sharp increase in the number of UN Security Council resolutions and UN-backed interventions since 1991. In fact, the view is well encapsulated in the title of a noted recent history of international law, “The Gentle Civilizer of Nations”[1]. According to the theory, nations would not be civilised without international law.

It is often claimed that this belief in supranationalism was born out of the two World Wars. The breakdown in the international system and of the balance of power in 1914 allegedly made the creation of supranational structures essential. I would like to show that this is not true, and that the supranational ideology preceded by at least 60 years the outbreak of the First World War. [2]The principle of compulsory arbitration for the peaceful settlement of disputes was accepted at The Hague in 1907], the Permanent Court of Arbitration having been established in 1899. The first Nobel Peace Prize – the Nobel Prize was to make a massive contribution to the ideology of peace through supranationalism, including in 2013 when it was awarded to the European Union – was awarded in 1901 to Henri Dunant who operated inter – and supra-nationally: he had created the International Committee of the Red Cross in 1863 and his organisation had sponsored the first Geneva Conventions in 1864.

In fact, the second half of the 19th century witnessed a veritable explosion of universalist (or globalist, or supra-nationalist) initiatives which had in common a strong belief in the desirability of the political unity of mankind through the principles of enlightened civilisation. Major international conventions, declarations and treaties constituting a new corpus of international humanitarian law were signed in 1856, 1863, 1864, 1868, 1874, 1880, 1899, 1906, 1907, 1909, 1910 and 1913. On the political level, the first International Congress of the Friends of Peace was held in London in 1843; the International League of Peace was created by Frédéric Passy in 1867; the International League of Peace and Liberty was created under Garibaldi’s chairmanship, also in 1867; the Permanent International Peace Bureau was founded in 1891 and based in Bern; the practice of holding Universal Expositions started in 1851 in London and at the 1889 exposition in Paris Pierre de Coubertin presented his plans for what were to become the Olympic Games, imbued with one-world pacifist ideology about the unity of mankind; the Universal Peace Congresses were held every year from 1889 until the outbreak of war, and then again in the inter-war period; and the Inter-parliamentary Union was created in Geneva in 1889 which, by the outbreak of the First World War, counted more than three thousand

¹ *John Laughland* – is a British philosopher and historian, Director of Studies of the Institute of Democracy and Cooperation – Europe (Paris).

deputies. In academic circles, the foundation of the influential *Institut de Droit international* in Ghent in 1873 was a landmark: it was awarded the Nobel Peace Prize in 1904 (the *Association internationale pour le progrès des sciences sociales* having been created by the same three jurists – Gustave Rolin-Jaequemyns, Tobias Asser and John Westlake – in Brussels in 1862).

These various political initiatives coincided with the proliferation of international organisations created to deal with expanding worldwide trade and communication. The International Telegraphic Union was created in 1865; the General Postal Union in 1874 (in Bern; later known as Universal Postal Union); the Free Trade Congress at Brussels in 1847. Marx, a great proponent of the socially revolutionary force of world capitalism, spoke at the Congress held there the following year.[4] In other words, whereas the 19th century, especially the latter part, is often presented as the age of nationalism and the cult of the nation,[5] it should perhaps instead be claimed that the six decades from 1848 to 1914 were those of the cult of humanity and of the new religion of the unity of mankind. Some people, Garibaldi for instance, saw national unification as only a stepping-stone to more general unification of all mankind.

Remarkably, these technical institutions created to promote trade and communication were welcomed by 19th century liberal globalists in exactly the same ideological terms as the Internet and other forms of electronic communication were welcomed from the mid 1990s onwards. There was in the 19th a strong belief that man would progress, through communication, to a higher level of civilisation and mutual understanding. Economic globalisation was regarded as the handmaiden of political globalisation. The idea became commonplace that trade and communication rendered the nation-state obsolete and that this was a highly desirable outcome.[6]

The belief was, then, that united humanity would be more civilised than divided humanity. Globalism was and remains a specifically progressive ideology. Just as throughout the 1990s and 2000s, Bill Clinton, George W. Bush and the European integrationists equated globalisation with the spread of democracy and the rule of law, so Camille Delessert, the Director of Posts for Lausanne and Dean of the Postal Union, declared, at the end of the 1897 Universal Postal in Congress in Washington DC, “Where the Union ends, there begin the darkness and misery of barbarism.”[7] The international lawyers who energetically built up the structures of international law before 1914 claimed without shame that they were advancing the cause of civilisation – that is, that they were civilised people trying to civilise the rest of the world. At the first meeting of the *Institut de droit international* in Ghent in September 1873, the Institute’s Statute was adopted, Article 1 of which stated that its purpose was no less than to become “the legal conscience of the civilised world.”[8] Anyone who opposed the Institute’s ideas and projects was, by implication, uncivilised.[9]

In fact, when we look more closely at these academic initiatives, which encouraged the treaties, declarations and peace movements I have mentioned, we see that they were not really legal initiatives at all. They were instead political initiatives which used legal language to advance their agenda. The trio credited with the invention of modern international law, Asser, Rolin and Westlake, made no reference to traditional European writings on international law in the first issue of their *Revue*. Instead, their journal was conceived as “a forum for liberal legal reforms”. They “highly criticised diplomacy as an instrument for resolving conflicts and avoiding war. The concept of the Holy Alliance was viewed with great ambivalence and judged as dangerous.”[10]

Instead, these 19th century lawyers – whose ideas have had a clear run for over 150 years now, and which have continued to thrive in spite of the fact that the proliferation of international law and of international structures did nothing to stop two World Wars and many minor ones – these lawyers were in fact reacting to a political conundrum which, for them as liberals, was unbearable: they were appalled that the 19th century peace, which had made possible so much economic progress, in fact reposed on the reactionary settlement reached at the Congress of Vienna. That settlement was, in their eyes, “a positive obstacle to the spread of liberal ideas.”[11] One of the ways they sought to undo that settlement, based as it was on hierarchical political structures, in order to aid the spread of liberal ideas, was to call for the creation of horizontal supranational structures imbued with liberalism. Their strategy was the same as that used by the human rights industry today: it, too, promotes political change by means of legal language.[12] The jurists’ goals in the 19th century was to use international law to overcome the existing authoritarian political structures of Europe, just as

in Europe today the goal is to use Brussels supranationalism to overcome the nation-state. In other words, theirs was a political programme like any other, which should be recognised as such.

You might retort, “So what?” I am convinced that one of the consequences of this globalism, and of the ideology of enlightened humanity on which it is based, is what I call the punishment ethic in modern international relations. This punishment ethic made its dramatic appearance on the world stage in the First World War – both in Austria’s desire to punish Serbia for the assassination of the Archduke and also in the punitive peace imposed on Germany and Turkey in 1918. The war ended as it had begun – with a desire for retribution. In our own day, the punishment ethic has become the predominant feature of our modern wars: in the attack on Yugoslavia in 1999, General Wesley Clark said that fighting NATO was “like fighting God”[13], while the attack on Iraq in 2003 was to punish Iraq for allegedly not respecting UN Security Council Resolutions on disarmament. The war in Afghanistan was a war of retribution, while the sabre-rattling over Syria – which has temporarily abated – was animated by a desire, to use the words of François Hollande, to “punish” Syria for using chemical weapons.[14]

My view is that there exists a deep structural and ideological link between this punishment ethic and the doctrine of political globalism, especially to the doctrine of humanity uniting through civilisation and enlightenment – which is sometimes referred to as the doctrine of the democratic peace. There are many aspects to this link and one of them passes through the long tradition of political Messianism which begins in 17th century England and then migrates to America, only to reappear from time in the speeches of presidents like Woodrow Wilson and George W. Bush. [15] According to this Messianism, the world is the theatre of a great battle between good and evil which will culminate, by means of a great purificatory war, in the victory of the good and in the punishment of the evil, a sort of prefiguration of the Last Judgement on earth.

But it is not necessary to make this theological-political detour to see that the idea that humanity should be united through enlightenment is indissociable from the idea that those states or people who do not so unite are uncivilised or inhumane and that they therefore merit castigation by the virtuous. There is a generalised tendency to believe very strongly that all horizontal forms of collective political structure – international committees, Security Councils, European Commissions – are necessarily virtuous while all vertical power structures, such as those of a nation-state united under its head of state, are necessarily authoritarian, brutal and inhumane.

What conclusion do I draw from this? My belief is that peace, like charity, begins at home. We heard yesterday claims about how good families produce better societies. The nation itself being a sort of extended family, by analogy the same rules apply to international society: good nations will encourage a good international society, while bad societies in a state of decomposition – like families where the parents are divorced, or the father is absent, who are likely to produce delinquent children and other forms of unsociable activity – will behave badly on the international stage. The more American and European societies, in their post-modernism and post-nationalism, decline within themselves, the more Americans and European leaders seek to expel their tensions by projecting evil out onto imaginary bogeymen in the world beyond and, by attacking them, to maintain for themselves their own illusion of superiority.

This is why I am convinced that we must liberate ourselves mentally from the grip of the supra-nationalist ideology. Nation-states are not barbaric and belligerent structures of naked vertical power; they are natural entities which correspond to certain basic human needs (the need for a shared language, for instance) and very often to the dictates of geography which we cannot change. Like the medieval cathedrals which grew out of Europe’s Christian faith and which remain some of the greatest monuments in the world, nation-states are some of the greatest constructions of the human spirit. International organisations, by the same token, are not necessarily virtuous – a Security Council which hands out blank cheques to NATO over Libya and which administers corrupt courts like the ICTY and the ICTR, and a UN which administers vicious sanctions regimes, need to be questioned and, if necessary, dissolved. Nation-states which succeed in promoting social harmony and law within their own borders will, as a rule, also promote them at the international level. The priority is therefore to achieve peace in internal policy but not to try to impose it supra-nationally.

If the supranational ideology were vanquished, the punishment ethic could also be overcome. In the latest developments in the Syrian crisis, we have seen how the collective can often be a cause of war, while the individual a cause of peace. The West wanted war to be waged collectively through the Security Council or by a coalition of the willing; but the happy outcome in late August – early September was by an individual national event, the surprise rejection by the British parliament on 29 August 2013 of the British government's motion in favour of an armed attack. This caused a chain reaction which led to the adoption of the Russian proposal on chemical disarmament. Although the proposed solution will have some of the trappings of an international agreement (SC Resolution 2118) the fact remains that peace in Syria, if it is achieved, will owe at least as much, if not more, to international *disagreement* and to *national* reaction as it will to international agreement or to internationalism. The American administration welcomed the Russian proposal on 10 September mainly because it unexpectedly gave it a face-saving way out of another national event, its likely defeat in Congress, i.e. at home.

When a woman taken in adultery was brought before Christ, a crowd assembled ready to stone her. The collectivity was ready to carry out the dreadful act of punishment. In anthropological terms, Christ dissipated the collectivity by individualising the members of the crowd when he called on the man without sin to cast the *first* stone.^[6] The incipient violence of the crowd was thereby defused. This event shows is that the individual is not necessarily the cause of violence; very often the collectivity is. And the key to peace, at the international level – as at the level of every human being – is to promote as much peace at home, through good national government, just as each person should promote his own individual inner peace through humility and self-examination. Like people, states which are at peace with themselves will also be at peace with others.

[1] Martti KOSKENNIEMI, *The Gentle Civilizer of Nations, The Rise and Fall of International Law, 1870 – 1960* (Cambridge University Press, 2001). The Kennan quote, from *American Diplomacy* (University of Chicago Press, 1984) p. 53-55 is the book's epigraph on page v.

[2] In my book, *The Tainted Source: the Undemocratic Origins of the European Idea* (London: Little Brown, 1997) I showed how the European ideology long preceded the Second World War.

[3] *Final Act of the Second Peace Conference*, The Hague, 18 October 1907.

[4] I discuss Marx's relationship to the free market in *The European Union, A Marxist Utopia?* The Monist, Vol. 92; No. 2, April 2009.

[5] See for instance Adam ZAMOYSKI, *Holy Madness: Romantics, Patriots and Revolutionaries, 1776 – 1871* (London: Weidenfeld & Nicolson 1999)

[6] For a superb analysis of how globalists welcomed the rise of communication, trade and international law in the second half of the 19th century, see Armand MATTELART, *Histoire de l'Utopie planétaire, De la Cité prophétique à la société globale* (Paris: Editions La Découverte, 1999) especially Chapters 6 and 7.

[7] Camille DELESSERT, *Documents du Congrès postal de Washington 1897*, p. 724. Quoted in Léonard LABORIE, *L'Europe mise en réseaux, La France et la coopération internationale dans les postes et les télécommunications, années 1850 – années 1950* (Brussels: Peter Lang, 2010), p. 152

[8] KOSKENNIEMI, p. 41

[9] In some cases, this sense of civilisational superiority was expressed in the racialist language common to 19th century progressives: Johann Caspar Bluntschli, the Swiss jurist who was one of the founders of the *Institut de droit international*, had proclaimed in an article for the *Staatswörterbuch* in 1857 that the Aryan races were distinguished from the Semites by their attachment to rationalism and philosophy (as opposed to the Semites' emotion and religion). He stated, "All higher science is of Aryan origin." Johann Caspar BLUNTSCHLI, *Arische Völker und arische Rechte* in "Gesammelte kleine Schriften (2 vols., Nördlingen: Beck, 1879), I, p. 66; quoted in KOSKENNIEMI, p. 103.

[10] Ingo HUECK, *German International Lawyers and Hague Conferences* in Randall LESAFFER, ed., *Peace Treaties and International Law in European History* (Cambridge University Press, 2004) p. 263.

[11] KOSKIENNEMI, p. 12.

[12] Kirsten SELLARS, *The Rise and Rise of Human Rights*, (Stroud, UK: Sutton Publishing, 2002); Jeffrey N. WASSERSTROM, Lynn HUNT and Marilyn B. YOUNG, eds., *Human Rights and Revolutions* (Lanham, Maryland: Rowland & Littlefield, 2000) and.

[13] SHAPE *News Summary and Analysis*, 12 May 1999.

[14] "Hollande se dit prêt à "punir" le régime syrien", *Le Figaro*, 27 August 2013, <http://www.lefigaro.fr/international/2013/08/27/01003-20130827ARTFIG00496-hollande-se-dit-pret-a-punir-le-regime-syrien.php>

[15] Ernest Lee TUVESON, *Redeemer Nation, The Idea of America's Millennial Role* (Chicago: University of Chicago Press, 1968); Michael WALZER, *The Revolution of the Saints, A Study in the Origins of Radical Politics* (Harvard University Press, 1965); Michael NORTHCOTT, *An Angel Directs the Storm, Apocalyptic Religion and American Empire* (London: I B Tauris, 2004).

[16] René GIRARD, *Je vois Satan tomber comme l'éclair* (Paris: Fayard, 1999)

**СТАТУС НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВООРУЖЕННЫХ ГРУПП
И ИХ ЧЛЕНОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ
ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ**

И.С. Марусин¹

Развитие права, в том числе и международного права, определяется развитием регулируемых им отношений. По мере того, как они становятся более сложными, более подробными и детальными становятся и правовые нормы, регулирующие их. Как известно, кодификация ныне действующего международного гуманитарного права была осуществлена в четырех Женевских конвенциях 1949 г. В них был учтен опыт крупнейшего на тот момент, и по настоящее время вооруженного конфликта в истории человечества – Второй мировой войны.

После 1945 г., после создания Организация Объединенных Наций военные конфликты не прекратились. Однако их характер существенно изменился и положения Женевских конвенций 1949 г. оказались неспособными всегда предоставить надлежащее урегулирование возникших спорных ситуаций. Приведем только один пример. Как известно, к лету 1951 г. участники вооруженного конфликта в Корее были готовы прекратить боевые действия на условиях сохранения сложившегося положения. Но разногласия только по одному вопросу затянули этот конфликт еще на полтора года. Это был вопрос о возвращении военнопленных. Статья 118 только что подписанной Конвенции об обращении с военнопленными предусматривает, что они должны быть репатрированы тотчас же после окончания военных действий.² Но как быть в том случае, когда военнопленный отказывается возвратиться в свое государство? Должен ли он быть принужден к этому или ему должна быть предоставлена возможность остаться в государстве, захватившем его в плен? Представители США и Южной Кореи настаивали на том, что военнопленные, не желающие репатрироваться, имеют право после освобождения не возвращаться в КНР и КНДР; представители КНР и КНДР, ссылаясь на положения ст.118 настаивали на их немедленной репатриации без учета их мнения.³

Опыт вооруженных конфликтов второй половины XX века, в том числе корейского, вьетнамского, ближневосточных, был учтен в двух Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. С тех пор значительных изменений в действующее международное гуманитарное право не вносилось, хотя современные вооруженные конфликты, разумеется, отличаются от вооруженных конфликтов прошлого века. В данной статье делается попытка ответить на следующий вопрос – а необходимы ли такие изменения применительно к вопросу о статусе участников этих конфликтов.

Одной из самых заметных отличительных черт вооруженных конфликтов XXI века, самыми крупными из которых пока что являются конфликт в Афганистане, начавшийся в 2001 г., и конфликт в Ираке, начавшийся в 2003 г., состоит в активном участии в этих конфликтах негосударственных вооруженных групп. Напомним основные юридические характеристики этих конфликтов. К моменту вторжения войск США и их союзников в Афганистан осенью 2001 г. основную часть территории Афганистана контролировало движение «Талибан» и созданные им органы власти. При этом данные органы власти ни одно из государств, осуществивших вторжение, в качестве законного правительства Афганистана не признавало. Таким образом этот вооруженный конфликт изначально был конфликтом между вооруженными силами иностранных государств, вторгшихся на территорию Афганистана, и вооруженными формированиями, которые ими в качестве регулярных вооруженных сил не признавались. При этом и широкомасштабных боевых действий, характерных для межгосударственных вооруженных

¹ Игорь Станиславович Марусин – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета

² Конвенция об обращении с военнопленными 1949 г.// Действующее международное право.: В 3 тт. Сост. Ю.М.Колосов, Э.С.Кривчикова. Т.2. М.,1996. С.675.

³ Blair C. The forgotten war. New York, 1971. P.963.

конфликтов, не было. Иностранные войска, при поддержке местных вооруженных формирований, оппозиционных «Талибану», быстро заняли основные населенные пункты страны, в том числе и столицу Афганистана Кабул. Но после этого боевые действия не только не прекратились, но наоборот существенно усилились. Вооруженные формирования «Талибана», отступившие в сельскую местность, начали совершать регулярные нападения на иностранные войска, разместившиеся на территории Афганистана, на созданные ими органы афганской власти и подконтрольные им подразделения афганской армии. Такие нападения продолжаются и по сей день, и за это время войска США и их союзников понесли достаточно ощутимые потери.

Ситуация в Ираке имеет несколько иной характер. Там на момент вторжения в страну иностранных войск существовало правительство, которое долгие годы признавалось и правительством США, и их союзниками по антииракской коалиции как законное правительство этой страны, с которым поддерживались нормальные межгосударственные отношения и которое в 80-е годы прошлого века, в период ирано-иракской войны, рассматривалось в Вашингтоне как «стратегический союзник США». На первом этапе этого конфликта, длившегося всего несколько недель до захвата Багдада и свержения правительства президента Саддама Хусейна в апреле 2003 г., он вполне соответствовал характеристикам, которые в общественном мнении ассоциируются с понятием «война». С обеих сторон действовали крупные воинские соединения, бригады, дивизии, корпуса, широко применялись танки, авиация, артиллерия. Однако иракская армия не смогла долго сопротивляться намного лучше вооруженным и оснаренным иностранным армиям и, быстро потерпев ряд серьезных поражений, без боя сдала Багдад и фактически прекратила свое существование.

По представлениям высшего руководства США во главе с президентом Дж. Бушем-младшим, спланировавшего и осуществившего вторжение в Ирак, на этом военная часть «освобождения» Ирака от собственного правительства должна была закончиться и далее должно было начаться мирное созидание нового, демократического и союзного США Ирака.

Однако именно после оккупации страны иностранными войсками и распада регулярной иракской армии и начался наиболее сложный для оккупантов период. В Багдаде и в районах, где проживает преимущественно суннитская часть населения страны, возникли многочисленные вооруженные группы, которые начали совершать нападения на оккупационные войска и созданные ими иракские органы власти. Достаточно скоро потери вооруженных сил США после установления там своего оккупационного режима существенно превысили потери, понесенные в ходе собственно вторжения и боев с регулярной иракской армией. И эти потери вооруженным силам США и их союзников нанесли негосударственные вооруженные группы, не объединенные ни в какую единую структуру командования и не пользующиеся поддержкой иностранных государств. В дальнейшем после стабилизации положения США и их союзники вывели основную часть своих вооруженных сил из Ирака, передав ответственность за поддержания порядка вооруженным формированиям созданного ими правительства Ирака.¹

Таким образом два пока что крупнейших вооруженных конфликта XXI века существенно отличаются от вооруженных конфликтов прошлого. В Афганистане и Ираке боевые действия вели между собой иностранные войска при поддержке местных вооруженных формирований при созданных ими и признаваемых ими в качестве таковых правительствах Афганистана и Ирака с одной стороны, и частными лицами, не имеющими какого-либо официального статуса, но руководствующимися в своих действиях не стремлением к коммерческой выгоде или иными частными интересами, а желанием выдворить иностранные войска с территории своей страны – с другой.²

¹ Как известно, летом 2014 г. вооруженный конфликт в Ираке вспыхнул с новой силой в связи с появлением новой вооруженной группировки, чаще всего именуемой в отечественной прессе ИГИЛ, сумевшей установить контроль над частью территории Ирака и соседней Сирии. Однако обстоятельства данного конфликта в данной статье не рассматриваются.

² Трудно согласиться с мнением С.А. Раджабова, согласно которому международный вооруженный конфликт в Афганистане завершился после 19 июня 2002 г. (в этот день была создана Афганская администрация переходного периода во главе с будущим президентом Афганистана Х. Карзаем), поскольку далее не было противостояния двух и более государств. (Раджабов С.А. Вооруженный конфликт в Афганистане: участники, правовая квалификация и применяемое право // Российский ежегодник международного права. 2013. Специальный выпуск. СПб., 2014. С.326.) Вооруженный конфликт всегда носит международный характер, когда войска одного государства ведут боевые действия на территории другого государства и при этом статус вооруженных формирований их противника не имеет решающего значения.

Попробуем оценить статус участников этих негосударственных вооруженных групп, противостоящих войскам США и их сателлитов в Ираке и Афганистане, с точки зрения международного гуманитарного права. Как известно, базовым в этом вопросе является подразделение участников вооруженного конфликта на комбатантов и гражданское население. Комбатант имеет право на применение оружия в ходе конфликта. При этом независимо от количества убитых и искалеченных им людей, а также разрушенного или уничтоженного им имущества комбатант не несет за это ответственности не только в том государстве, которому он служит, но и, в случае попадания в плен, и в том государстве, против которого он воюет, если, разумеется, его действия не квалифицируются как военные преступления. Круг лиц, имеющих право на статус комбатанта, определяется в зависимости от того вида вооруженных конфликтов, в котором они участвуют. В вооруженном конфликте международного характера комбатантами являются не только военнослужащие, но и члены нерегулярных вооруженных формирований, сражающиеся с иностранными войсками при выполнении требований, сформулированных в ст.4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными. Там указывается, что к военнопленным относятся в том числе и личный состав ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления, принадлежащих стороне, находящейся в конфликте, и действующих на их собственной территории или вне ее, даже если эта территория оккупирована, если эти ополчения и добровольческие отряды, включая личный состав организованных движений сопротивления, отвечают нижеследующим условиям:

- a) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных,
- b) имеют определенный и явно видимый издали отличительный знак,
- c) открыто носят оружие,
- d) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны.¹

Обратим внимание на формулировку ст.4 – «личный состав ополчений и добровольческих отрядов, включая личный состав организованных движений сопротивления». Из нее ясно следует, что Конвенция придает статус комбатанта и предоставляет свою защиту не только участникам организованных групп сопротивления, то есть поддерживаемых и руководимых правительственными и другими официальными органами, но и не организованных, члены которых взяли за оружие по собственной инициативе, руководствуясь своими патриотическими убеждениями.

Конечно, можно утверждать, что ст.4 Конвенции об обращении с военнопленными не относится к лицам, ведущим вооруженную борьбу против североамериканских и других иностранных войск в Ираке и Афганистане, поскольку у США нет конфликта с войсками иракского или афганского правительства, которые и должны пониматься как упоминаемая в ст.4 «сторона, участвующая в конфликте». Однако в ст.4 под стороной, участвующей в конфликте, понимается именно государство, где происходит конфликт, а не то или другое его правительство, которых иногда может быть и несколько. Разумеется, у США не было конфликта с правительством Х.Карзая в Афганистане, поскольку именно власти США это правительство и создали, но был конфликт с той частью населения Афганистана, которая не считало правительство Х.Карзая законным и выражающим их интересы. Именно в таком положении и находилась, например, Франция в 1940-1944 гг., когда наряду с законным правительством маршала Петэна, сотрудничавшего с немецкими оккупационными властями, действовал и комитет «Свободная Франция» во главе с генералом Ш. де Голлем, ведущий вооруженную борьбу с оккупантами.

Обратим внимание еще на одно положение ст.4. В соответствии с ней личный состав добровольческих отрядов, соответствующих сформулированным в статье критериям, имеет право вести боевые действия не только на территории своего государства, но и за пределами его, на территории самого государства оккупанта или там, где расположены его военнослужащие. Таким образом, правительство государства, направившего свои вооруженные силы для

¹ Женевская конвенция об обращении с военнопленными 1949 г.// Действующее международное право.: В 3 тт. Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1996. С. 634.

ведения боевых действий на территорию иностранного государства, тем самым соглашается с тем, что и войска государства, повергшегося нападению, или его добровольческие формирования получают право вести боевые действия на территории данного государства.

Сходные требования содержатся и в ст.43-44 Первого дополнительного протокола 1977 г. Согласно этим статьям, комбатантами в том числе являются лица, входящие в организованную вооруженную группу, находящуюся под командованием лица, ответственного за поведение своих подчиненных, при условии, что они открыто носят оружие во время каждого военного столкновения и в то время, когда они находятся на виду у противника в ходе развертывания в боевые порядки, предшествующего началу нападения.¹

Однако в вооруженном конфликте немеждународного характера главным правом комбатанта – правом не нести ответственности за применение оружия – пользуются лишь военнослужащие правительственных войск. Члены противоборствующих им негосударственных вооруженных формирований согласно ст. 6 Второго дополнительного протокола 1977 г. имеют право лишь на то, чтобы наказание за совершенные ими деяния в ходе вооруженного конфликта было назначено только по приговору суда, обеспечивающего основные гарантии независимости и беспристрастности.² Прав на получение статуса военнопленного у них нет.

Теперь применим эти положения к военным конфликтам в Афганистане и Ираке. Они очевидно носили международный характер. Значит, лица, с оружием в руках сражающиеся с войсками США и других иностранных государств, вторгшихся в Афганистан и Ирак, должны рассматриваться как комбатанты при соблюдении выше отмеченных требований. Обратим внимание на то, что ни Конвенция об обращении с военнопленными 1949 г., ни Первый протокол не требует от нерегулярных вооруженных формирований, участвующих в международных вооруженных конфликтах, той степени организованности, которая требуется от неправительственных сил в вооруженных конфликтах немеждународного характера. Они не должны, как требует Второй протокол, осуществлять такой контроль над частью территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия. Для того, чтобы считаться участниками международного вооруженного конфликта и иметь право на статус комбатанта, они должны лишь вести боевые действия на территории своего государства против иностранных войск, соблюдая нормы международного права. Представляется, что эти положения и с учетом опыта военных действий в Афганистане и Ираке не требуют каких-либо изменений.

На этом основании совершенно неприемлемой представляется концепция т.н. «незаконных комбатантов», «unlawful combatants», выработанной в США в начале этого века в ходе т.н. «войны с терроризмом». В соответствии с ней лица, подозреваемые во враждебной США деятельности и арестованные в разных странах мира, в первую очередь в Афганистане, могут содержаться в заключении неограниченное время, также как и военнопленные – до окончания вооруженного конфликта. С другой стороны, эти лица лишены основных прав как военнопленных (права не нести ответственности за участие в военных действиях, права не давать показаний), так и лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (права на защитника, права на суд присяжных, права на ограничения срока пребывания под стражей).

Представляется, что концепция «незаконных комбатантов» не только не основывается, но и противоречит ныне действующему международному гуманитарному праву и что захват и лишение свободы североамериканскими властями любого иностранного гражданина на том основании, что он «террорист» и «незаконный комбатант», должен трактоваться как нарушение США своих обязательств, предусмотренных международным правом, которое может и должно послужить основанием для привлечения к международно-правовой ответственности.

¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов 8 июня 1977 г. // Действующее международное право.: В 3 тт. Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т. 2. М., 1996. С. 755-756.

² Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов 8 июня 1977 г. // Действующее международное право.: В 3 тт. Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Т.2. М., 1996. С.797.

Рассмотрим подробнее вопрос об ответственности. Очевидно, что она должна наступать за нарушение всех норм международного права, в том числе и тех, которые регулируют правовое положение участников вооруженных конфликтов. Отказ признать в качестве комбатанта члена негосударственной вооруженной группы, ведущей борьбу с иностранными войсками, обращение с ним не как с военнопленным, а как с обычным преступником, или хуже того, «террористом», не имеющим самых элементарных процессуальных прав, должны рассматриваться как такое же основание для привлечения к ответственности как и, например, обстрел гражданских объектов, пытки военнопленных или использование запрещенных видов оружия, в том числе и химического. И именно наличие или отсутствие конкретных уголовных дел в органах международной или национальной юстиции позволяет правильно оценить обоснованность заявлений о все более успешной борьбе с безнаказанностью лиц, нарушающих международное гуманитарное право.

Участники вооруженных конфликтов немеждународного характера имеют иной статус. Как уже отмечалось, лица, сражающиеся с оружием в руках против войск государства, гражданами которого они являются, не освобождаются от уголовной ответственности за убийства, ранения, разрушение и уничтожение имущества, совершенные в ходе боевых действий. Однако Второй протокол требует, чтобы привлечение к такой ответственности осуществлялось в рамках уголовной процедуры, обеспечивающей обвиняемому достаточно возможностей для защиты.

Представляется, что и эти положения не нуждаются в изменениях, хотя в последние годы в деятельности в первую очередь правозащитных организаций и средствах массовой информации наблюдается тенденция к уравниванию военнослужащих правительственных войск и повстанцев, ведущих с ними вооруженную борьбу. Более того, если какое-либо правительство, его политический курс, не нравится каким-либо средствам массовой информации, то именно военнослужащие правительственных войск, а не повстанцы, объявляются виновными в вооруженном конфликте и именно их действия, а не действия повстанцев объявляются преступными. Примером подобной оценки может являться вооруженный конфликт в Сирии, начавшийся в 2011 г., вся вина за продолжение которого, если судить только по сообщениям телевидения и прессы западных государств, лежит именно на правительстве Сирии и ее войсках, которые осмеливаются оказывать вооруженное сопротивление повстанцам и не спешат сдаться на милость победителей, которой, как показывает другой сходный конфликт – в Ливии, разумеется, не будет.

С такой тенденцией нельзя согласиться. Военнослужащие правительственных войск и повстанцы изначально находятся в разном правовом положении. Правительство любого государства несет обязанность по поддержанию правового порядка на своей территории, в том числе и путем использования силы. Никакие нормы существующего международного права не уполномочивают частных лиц прибегать к применению оружия для свержения неугодного им правительства. Поэтому в возникновении внутригосударственного вооруженного конфликта с правовой точки зрения всегда виновна антиправительственная оппозиция, прибегнувшая к насильственным мерам для достижения своих политических целей. Это изначально различное правовое положение сторон и проявляется в различном правовом статусе участников таких конфликтов.

Однако желательно было бы уточнить следующий момент. Ведь, строго говоря, ни конфликт в Афганистане, ни конфликт в Ираке не был только международным. Североамериканские войска, вторгаясь в эти страны, сначала свергали существовавшие там правительства, но потом создавали новые, покорные себе, при которых создавались и новые вооруженные силы. И получается, что на боевые действия, которые ведут участники афганского сопротивления против войск США, должна распространяться Конвенция об обращении с военнопленными 1949 г. (Первый и Второй протокол к ней, равно как и Статут Международного уголовного суда США, как и подобает самому правовому из государств мира, не ратифицировало), а при ведении боевых действий против подразделений новой афганской армии, созданной, воору-

женной и обученной США и выполняющей приказы североамериканских генералов – Второй протокол. Представляется, что было бы желательным толковать Женевские конвенции 1949 г. и Первый протокол к ним так, что все вооруженные конфликты, в которых наряду с правительственными и антиправительственными вооруженными формированиями участвуют и иностранные войска, должны регулироваться положениями Женевских конвенций 1949 г. и Первого протокола к ним.

Еще одной новой чертой вооруженных конфликтов XXI века является появление в них негосударственных вооруженных групп. участвующих в боевых действиях на стороне правительственных войск, а не как их противники. Речь идет о частных охранных предприятиях, с которыми, например, американские власти в Ираке заключали договоры на совершение действий, которые ранее обычно выполняли регулярные войска, в том числе сопровождение грузов и их охрана. При этом сотрудники таких охранных предприятий нередко участвуют и в боестолкновениях с повстанцами. Возникает вопрос: а каков правовой статус сотрудников частных охранных предприятий? Требуется ли здесь вносить дополнения в международное право?

Представляется, что статус частных охранных предприятий и их сотрудников принципиально не отличается от статуса других предприятий, занимающихся частной коммерческой деятельностью, на территории государства, где это предприятие было зарегистрировано или на территории иностранного государства. Порядок деятельности частного охранного предприятия и полномочия его сотрудников определяются именно законодательством этих государств. Именно там должно определяться, когда частные лица на его территории вправе применять оружие, и юридические последствия этого. Так, к примеру, на территории Ирака деятельность частных охранных предприятий, в том числе и иностранных, должна регулироваться законодательством Ирака, в том числе и уголовным законодательством. Другое дело, что о независимости и самостоятельности правоохранительных органов Ирака начиная с 2003 г. мы можем говорить с большой долей относительности. Как показывает практика, они бездействуют в тех случаях, когда дело касается возможных уголовных преступлений, совершенных военнослужащими США и других иностранных государств в отношении граждан Ирака, а также деяний, совершаемых сотрудниками иностранных частных охранных предприятий, действующих в интересах иностранных оккупационных войск. Однако это проблема не правового регулирования, а надлежащего правоприменения. Узаконивать такую практику, придавать сотрудникам иностранных частных охранных предприятий особый статус, предоставлять им права комбатантов представляется неправильным. Известно, что правительство США использует частные охранные предприятия для совершения таких действий, которые кажутся необходимыми для обеспечения интересов США, но которые могут нанести урон престижу США. Представляется, что другим, более независимым от США государствам, чем нынешний Ирак, не стоит идти навстречу попыткам правительства США переложить ответственность за по сути свои действия на частных лиц. Правовой статус сотрудников частных охранных предприятий, даже действующих по договору с правительством какого-либо государства принципиально не отличается от статуса других частных лиц, занимающихся коммерческой деятельностью в целях получения прибыли. Правами и полномочиями военнослужащих, комбатантов, они не пользуются и не должны пользоваться.

С другой стороны, непризнание статуса комбатанта за сотрудниками частных охранных предприятий предоставляет им защиту уголовного права того государства, на территории которого они действуют, если они в этой защите нуждаются. Нападение на них, в том числе и со стороны повстанцев, должно рассматриваться как нападение на гражданских лиц, как уголовное преступление.

Разумеется, определение правомерности или неправомерности действий сотрудников частных охранных предприятий и их противников зависит от конкретных обстоятельств. Если сотрудники частных охранных предприятий первыми начинают применять оружие во исполнение своих договорных обязательств, то ответственность за такое применение ложится на

них, а ответные действия их противников можно квалифицировать как необходимую оборону. Если, наоборот, они подвергаются нападению со стороны повстанцев, то в этом случае привлечение повстанцев к уголовной ответственности за подобные действия будет правомерным.

Подведем итог. Бесспорно, вооруженные конфликты XXI века имеют немалые отличия от конфликтов прошлого века. Тем не менее выработанные тогда международно-правовые нормы, определяющие статус участников этих конфликтов, вполне удовлетворительно регулируют этот статус и в настоящее время. Основная проблема состоит в том, чтобы надлежащим образом применять эти нормы, в том числе и ставя вопрос об ответственности тех государств и их должностных лиц, которые эти нормы нарушают.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ ЗА НАРУШЕНИЕ РЕЖИМА ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИЛИ ЗАПРЕЩЕНИЯ ЗАЖИГАТЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Магомедова С.М.¹

Общеизвестно, что правила, устанавливающие запреты на использование в ходе вооруженных конфликтов определенных средств и методов борьбы с противником, формировались на всем протяжении истории человечества. В настоящее время такие правила содержатся в целом ряде международно-правовых актов, в частности, в Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие 1980 года и в Протоколе III к ней, касающемся зажигательного оружия. В случае возникновения конфликта все его участники должны строго соблюдать и выполнять действующие нормы международного права, направленные на регламентацию использования средств и методов ведения войны, на защиту жертв войны и уменьшение разрушений и страданий, вызываемых войной. Можно свидетельствовать о том, что в актах международного права устанавливается запрет на использование зажигательного оружия при любых обстоятельствах против гражданского населения и гражданских объектов, а также для уничтожения лесов и иного вида растительного покрова, за исключением случаев, когда такие природные элементы используются противником в военных целях.

Вполне приемлема точка зрения о том, что международное публичное право состоит из двух слоев: первый (традиционный слой) – право, регулирующее сосуществование членов международного сообщества, главным образом, государств, и сотрудничество между ними; второй слой – новый, его составляют правила, по которым живет сообщество из шести миллиардов человек. Несмотря на то что международное право вооруженных конфликтов возникло как часть традиционного слоя, т.е. как право, регулирующее отношения между воюющими государствами, в настоящее время оно может утратить свое значение, если не будет рассматриваться в контексте второго слоя, т.е. права, защищающего жертвы войны от государств и всех остальных участников военных действий².

Рассматривая вопрос о юридической ответственности государств за нарушение режима ограничения применения или запрещения зажигательного оружия, в частности, необходимо в его контексте затронуть отраслевое понятие международно-правовой ответственности государств за те или иные правонарушения в области международного права. Отмечая природу международно-правовой ответственности, заметим, что она представляет собой юридическое

¹ Магомедова С.М. – аспирант кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета.

² См.: Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права. МККК. Сборник статей. 2002. С. 163.

последствие международно-противоправного деяния, необходимое юридическое средство обеспечения соблюдения норм международного права и восстановления нарушенных прав и отношений.

Обязательная ответственность за международное правонарушение – это общепризнанная норма международного права. Любое нарушение договора влечет за собой наступление ответственности. Нормы об ответственности обеспечивают охрану правопорядка во всех сферах международного права¹.

Несомненно, проблема ответственности государств возникла с момента зарождения международного права. Установление ответственности направлено на неукоснительное соблюдение государствами договорных и обычных норм международного общения, касающихся, в частности, ограничения или запрещения применения конкретных видов обычного оружия, что является, тем временем, важным элементом международно-правовых гарантий запрещения или ограничения зажигательного оружия. Последствия нарушений, наступающие в межгосударственных отношениях изложены в нормах, касающихся ответственности государств.

Между тем, бурное развитие научно-технического прогресса в первой половине XX в., и как его следствие создание новых видов оружия и боевой техники, совершенствование военного искусства оказали решающее влияние на формирование международного права, включая институт ответственности за совершение международных преступлений.

Преступления германского фашизма во время Второй мировой войны вызвали справедливый гнев народов, и даже самые закоренелые противники введения в международное право разработанной системы норм ответственности не смогли помешать утверждению и развитию института ответственности за нарушение законов и обычаев войны за военные преступления, сопровождавшиеся применением варварского зажигательного оружия. Державы антигитлеровской коалиции создали комиссии по расследованию и установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, причиненного ими ущерба гражданам, общественным организациям, государствам², что послужило толчком к дальнейшему развитию мер юридической ответственности государств за совершенные правонарушения.

Женевские конвенции о защите жертв войны прямо предусматривают международную уголовную ответственность за целый ряд военных преступлений, которые не упоминались в IV Гаагской конвенции 1907 г., но которые были прямо указаны в Уставе и приговоре Нюрнбергского трибунала. Так, Женевские конвенции о защите жертв войны ввели принцип ответственности государства – участника конвенции за упомянутые в них нарушения.

В послевоенный период положения об ответственности государств за нарушение норм международного права вооруженных конфликтов нашли отражение в Женевских конвенциях 1949 г. и Дополнительных протоколах к ним 1977 г. В соответствии с практикой большинства государств вошедшие в силу Женевские конвенции о защите жертв войны стали национальным законом ратифицировавших их государств, что означает, в частности, введение института ответственности за нарушение конвенций. Ряд государств наряду с этим в своем уголовном законодательстве прямо предусмотрели составы преступлений, указанные в Женевских конвенциях, и санкции за их совершение.

Практика применения государствами Женевских конвенций в тех локальных вооруженных конфликтах, которые имели место после их принятия, говорит, с одной стороны, о действенности института ответственности за их нарушение, с другой – о пробелах в нем³.

Основным вопросом функционирования женевского права является обеспечение его исполнения, что, в свою очередь, достижимо лишь путем установления действенного механизма привлечения к ответственности за его нарушение. Особенности ответственности за нарушение его норм обусловлены тем, что данная отрасль международного права первой пошла по пути прямой адресации своих предписаний непосредственно физическим лицам. В связи с

¹ Гетьман-Павлова И.В. Международное право: конспект лекций. М., 2009. С. 41.

² См. напр.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М.1946, Т.1, с. 184-190.

³ См.: Блищенко И.П. Обычное оружие и международное право. М., 1982. С.187-188.

этим можно утверждать, что во второй половине XX века сформирован двухслойный, двойной механизм реализации этих норм. Во-первых, он проявляется на сугубо межгосударственном уровне, в рамках которого субъектами соответствующих правоотношений являются государства. Во-вторых, реализация норм Женевского права имеет место лишь в межгосударственных отношениях с участием индивидов, когда последние наряду с государствами выступают адресатами этих норм и субъектами ответственности за их нарушение¹.

Как известно, основанием международно-правовой ответственности является совершение международного правонарушения. Так, нарушение норм Женевского права военнослужащими вооруженных сил того или иного государства влечет его ответственность по международному праву. Это значит, что государство должно нести ответственность перед потерпевшим государством за последствия всех без исключения противоправных действий каждого военнослужащего его вооруженных сил. Государство-нарушитель должно восстановить законность и при необходимости возместить потерпевшему государству причиненные убытки².

При этом большинство специалистов склонны считать, что рост конфликтов, низкая эффективность действия норм международного Женевского права связаны с политическими, экономическими, психологическими и какими угодно, другими, но не юридическими причинами³.

Каким образом потерпевшее государство получит компенсацию? Оно может заявить протест или потребовать, чтобы другая сторона воздержалась от дальнейших нарушений. Государство-покровительница также способна оказать здесь содействие. В любом случае потерпевшее государство может потребовать провести расследование⁴. Такое расследование, однако, требует согласия всех заинтересованных сторон, и в первую очередь – обвиняемой стороны, чего еще никогда не удавалось получить. В Протоколе I к Женевским Конвенциям 1949 г. содержится важное нововведение, основанное на идее посредничества третьей стороны – Международная комиссия по установлению фактов⁵.

Помимо этого, потерпевшая сторона может обратиться с просьбой к МККК, чтобы тот, выполняя свою гуманитарную миссию, побудил противоправную сторону соблюдать нормы Женевского права. Она также может обратиться к ООН, а через нее – ко всему сообществу государств. И наконец, она может обратиться в Международный суд в Гааге, но только в том случае, если обвиняемая сторона признает компетенцию этого суда⁶.

Что касается Конвенции об обычном оружии 1980 г. и Протокола III к ней, вопросы ответственности в них прямо не отражены и не урегулированы. Поэтому, при решении вопросов об ответственности за нарушение положений Конвенции и Протоколов к ней мы обращаемся к общим принципам и нормам международного права о соблюдении договоров и ответственности государств за их нарушение. Конвенция служит прежде всего технической подпоркой для приобщаемых к ней протоколов. Сама она не предусматривает запрещения или ограничения применения конкретных видов оружия. В ее преамбуле содержится ссылка на принципы, на которых основываются запреты или ограничения, предусматриваемые в различных протоколах, например, получившие подтверждение и развитие в Дополнительном протоколе I 1977 года, а именно принцип защиты гражданского населения от опасности военных действий и принцип запрещения оружия, наносящего чрезмерные повреждения, а также причиняющего обширный и долговременный ущерб природной среде. Кроме того, в ней подтверждается «оговорка Мартенса», т. е. необходимость уважать, за пределами четких договорных требо-

¹ См.: Гнатовский Н.Н. Международная ответственность государства и уголовная ответственность индивида за нарушение норм МГП: соотношение и взаимосвязь // Российский ежегодник международного права. СПб, 2006. С. 99.

² Протокол I, статья 91.

³ Об этом см.: Толстых В.Л. Проблемы применения международного гуманитарного права // Российский ежегодник международного права 2000. Ст.-П., 2000. С. 157.

⁴ I Конвенция, статья 52; II Конвенция, статья 53; III Конвенция, статья 132; IV Конвенция, статья 149.

⁵ См.: Ибрагимов А.М. Международная комиссия по установлению фактов // Международно-правовые чтения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2005. Вып.4.

⁶ См.: Венская конвенция о праве международных договоров, 23 мая 1969, статья 60, пункт 5.

ваний, «установившиеся обычаи, принципы гуманности и требования общественного сознания». В ней также устанавливается связь с разоружением: там приводится напоминание о том, что разоружение остается общей целью ООН, и указывается, что запрещение или ограничение применения конкретных видов оружия может открыть путь к достижению соглашений, позволяющих положить конец производству, накоплению и распространению такого оружия.

Женевские конвенции о защите жертв войны ввели принцип ответственности государства – участника конвенции за различные нарушения в области международного права. Ущерб, проистекающий из тех или иных международных правонарушений, различен, и именно этот ущерб должен обуславливать конкретный объем, вид и форму ответственности государств.

В зависимости от категории причиненного ущерба в международном праве обычно принято различать два вида ответственности государств:

- 1) нематериальную;
- 2) материальную.

Каждому виду международной ответственности соответствуют типичные формы, как способы, посредством которых осуществляются неблагоприятные для правонарушителя последствия за совершенное им международное правонарушение. Однако учитывая то, что Комиссия международного права ООН в принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 2001 г. Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправное поведение, заменила виды и формы ответственности государств формами возмещения, подчеркнем, что в качестве таких форм возмещения она выделила: реституцию; компенсацию и сатисфакцию.

Нам представляется абсолютно верным и пригодным использование реституции и компенсации как наиболее оптимальных форм возмещения ущерба гражданскому населению в результате применения зажигательного оружия. При этом государство, ответственное за международно-противоправное деяние, в порядке реституции обязано восстановить положение, которое существовало до совершения противоправного деяния, если и в той мере в какой реституция: а) не является материально невозможной; б) не влечет за собой бремя, которое совершенно непропорционально выгоде от получения реституции вместо компенсации (ст. 35 Проекта статей). Что касается компенсации как формы возмещения, то ответственное за противоправное деяние государство обязано компенсировать ущерб, причиненный таким деянием, насколько такой ущерб не возмещается реституцией. Компенсация охватывает любой исчисляемый в финансовом выражении ущерб, включая упущенную выгоду, насколько она установлена (ст. 36 Проекта статей). Политическая ответственность, отразившаяся в Проекте статей об ответственности государств за международно-противоправное деяние, может наступать в форме сатисфакций, которые могут состоять в признании нарушения, выражении сожаления, официального извинения или выразиться в иной подобающей форме (например, выражения сочувствия, взятия обязательства привлечь виновных к ответственности) (ст. 37 Проекта статей). Сатисфакции применяются в случае нематериального ущерба, причиненного чести и достоинству государства, они не должны быть непропорциональны вреду и не могут принимать формы, унижительной для ответственного государства. Все приведенные здесь нами формы возмещения станут важным инструментом наказания виновных в применении варварского зажигательного оружия. Они в одинаковой мере могут применяться в международном праве вооруженных конфликтов, за исключением таких форм ответственности, как санкции и репрессалии¹.

Не следует забывать, что правосудие не сводится к возмещению ущерба отдельным потерпевшим лицам и категориям населения, пострадавшим в результате совершения преступлений, включая применение зажигательного оружия против населения. Правосудие включает в себя и обеспечение соблюдения права подозреваемых и обвиняемых на справедливое судебное разбирательство. Если с лицами, подозреваемыми в совершении международных или иных преступлений, не будут обращаться с соблюдением всех процессуальных норм, невозможно будет осуществить правосудие и у людей не будет ощущения свершившейся спра-

¹ См.: Котляров И.И. Международное гуманитарное право. М., 2006. С.248-249.

ведливости. И в этом контексте задачи, стоящие перед всемирным движением против беззаканности, огромны.¹

Так, на рубеже XX-XXI вв. государствами были предприняты значительные усилия в деле ограничения и запрещения применения воюющими государствами новых антигуманных средств ведения войны, что является весьма важным вкладом в прогрессивное развитие международного права вооруженных конфликтов. Следовательно, в международное право введена довольно цельная система ответственности за нарушение законов и обычаев войны, которая безусловно будет способствовать предотвращению преступлений и утверждению прав человека.

Таким образом, сложившаяся система международной ответственности за нарушение запрещения или ограничения применения обычного оружия служит важным элементом международно-правовых гарантий этого запрещения или ограничения. Особенностью сложившейся системы норм и принципов, а также тех тенденций, которые характерны для данной системы, является все увеличивающийся объем защиты, что отражает возрастающую опасность применения новых видов и средств обычного оружия для гражданского населения, гражданских объектов и окружающей среды. Такой объем защиты способен привести международное право к установлению четких параметров ответственности виновных за применение зажигательного оружия.

THE ROLES OF EXTERNAL ACTORS IN THE RESOLUTION OF NIGERIA-CAMEROON BOUNDARY DISPUTE

Odubajo T., Ottoh F.²

Introduction

One of the main discourses on the implications of colonialism on the African continent centers on the arbitrary demarcation of borders that took place at the various Berlin Conferences of 1884/5 on the Partitioning of Africa. The partitioning merely created a situation in which African “national boundaries are, analytically, ‘colonial borders’ in origin and in overall orientation”³. The implication was not lost on the immediate post-independent leaders, who through the instrumentalities of the former Organization of African Unity (OAU) chose to retain the boundaries as constructed by the departed European powers. The action was politically expedient, for it averted the far-reaching negative consequences of attempts to reconstruct the colonial borders by Africans.

With the ill-advised boundary creations, African traditional societies with hitherto strong political, economic and socio-cultural ties were split into units on the basis of European conception of statehood. This continues to have great implications on the relationship that used to exist, especially at the informal level; covering the social, economic and political dimensions. There are series of cases whereby peoples that share language and cultural affinities were cut-off from one-another by the artificial boundaries constructed by the Europeans. The phenomenon of trans-border ethnic groups has been proven to be one of the strong causes of conflicts on the continent⁴. Even if conflicts do not occur, the illogicality of the boundary creations is very evident. For instance, what could be

¹ См.: Пейич Е. Ответственность за международные преступления: от гипотезы – к реальности. Журнал МККК. Сборник статей. Март 2002, № 845. С.28-29.

² Tola Odubajo, Postdoctoral Research Fellow, SARChI Chair: African Diplomacy & Foreign Policy, Faculty of Humanities, University of Johannesburg, South Africa. Ferdinand O. Ottoh, Senior Lecturer, Department of Political Science, University of Lagos, Nigeria.

³ Asiwaju, A. 1992. Borders and National Defence: An Analysis. In: B. Ate & B. Akinterinwa (Eds.), *Nigeria and Its Immediate Neighbours: Constraints and Prospects of Sub-Regional Security in the 1990s*. Lagos: Nigeria Institute of International Affairs, p. 38

⁴ Onah, E. 2008. Trans-Border Ethnic Hegemony and Political Conflict in Africa: A Comparative Study of the Tutsi of Central Africa and the Fulani of West Africa. *Unilag Journal of Politics*, 4, Rainy Season.

the justification for having the Yoruba ethnic group split into Nigeria and Benin Republic? Or why would the Hausa-Fulani ethnic group be spread across neighboring countries- Chad, Nigeria, Niger Republic and Cameroon? These actions have had implications for post-independent relationships among immediate neighbors.

This article focuses on the sweet and bitter pills in the twist and turns that have characterized Nigeria-Cameroon relations. According to Mgbengson¹, the dynamics of Nigeria-Cameroon face-off can be attributed to:

- a. Colonial policy and boundary alignment by the three former powers (Britain, Germany, and France)
- b. The discovery of petroleum in some of the disputed areas.

Based on the countries' geo-political immediacy, we are specifically concerned with the roles of external actors in the resolution of the boundary dispute between these countries. In doing this, we are conscious of their interactions from the period of colonialism and post-colonial period before the disputed territory emerged to disrupt and sour the relationship between two peaceful neighbors. The article is organized around a framework that interrogates the relevance of actors in international relations and especially, external actors. We would examine the relationship between both countries, before an analysis of isolated external actors that have impacted on their relationships since the colonial era. Besides, the role of external actors in resolving the dispute is critically analyzed. The paper then concludes with an evaluation of the role of external actors in international diplomacy.

Framework of Analysis

The nature and character of the international system presupposes that states are dominant actors in international relations. In effect, actors are the essential ingredients in the whole gamut of international relations as they provide the pulse for which interactions tick and indeed, become thick. Judging from the various levels of interactions that could occur; political (high/low politics, diplomacy, war, etc.), socio-cultural (sporting activities, cultural exchanges, social/religious/professional interactions, etc.) and the economic (trading, aids, grants, etc.) it is apparent that the international system survives on the relationships between and among actors.

There are two categories of actors; the state and the non-state actors. According to Spanier² non-state actors can be categorized into two, viz; intergovernmental actors and non-governmental or transnational actors. The former refers to institutions and organizations formed by the political authorities of states and which promote the interests of member-states, and can also subject member-states to sanctions. The United Nations (UN) and the various regional and sub-regional groupings are classical examples of intergovernmental actors. The latter, whose interests vary, are usually in pursuit of beneficial agenda across borders. In this category are found corporate organizations (Transnational Corporations); religious, humanitarian, and professional actors (Catholic Church, Red-Cross); Terrorist Groups (Al Qaeda), etc. The defining characteristic is the ability of all these actors to impact on inter-state relations through their activities. For instance, Al Qaeda's 9/11 attacks on mainland United States of America is an action that has had reverberating effects on international relations. It pitched governments against one-another, redefined the concept of international security and questioned the logic of globalization, among other concomitants.

While the position on the importance of actors (state and non-state) remains undivided, the position on the contributions of each category of actors have bifurcated scholarship. For the realists; Hans Morgenthau³, Stanley Hoffman⁴ and Kenneth Waltz⁵, the state is the principal and basic actor in the international system. Understandably, the emergence of, and increasing influence of some non-state actors may attempt to diminish the importance of the state in some respect (for instance, the

¹ Mgbengson, L. 1993, Nigeria-Cameroon Border: Conflicts and their International Implications. *Nigerian Forum*. January-February.

² Spanier, J. 1987. *Games Nations Play*. Washington DC: CQ Press, p.73.

³ Hans, M. 1965. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.

⁴ Hoffman, S. 1981. Notes on the Limits of "Realism". *Social Research*. Vol. 48, No. 4, pp. 653-659.

⁵ Waltz, K. 2000. Structural Realism after the Cold War. *International Security*. Vol. 25, No. 1, pp. 5-41.

much referenced financial capacity of some transnational corporation (TNCs) over some developing countries), the realists argue that the relevance of the state as the basic actor remains unquestionable.

Since the Peace of Westphalia in 1648, which is significant for the creation of the modern state system, and the Berlin Conferences of 1884/85 that created the modern Africa state system, the state continues to hold more tightly to the major instruments (sovereignty and territoriality) of political, economic and social relevance. On the other hand, James Rosenau¹; an acclaimed liberal and the likes presents the view that the proliferation of non-state actors has led to the dwindling relevance of the state as the basic actor². They question the rationale of the state-centric view of international relations on the basis that the combined functions provided by some of the non-state actors to individuals (citizens of states) have paled the importance of the state into irrelevance. It is argued that individuals can earn livelihood, satisfy religious inclinations, among others and indeed, be more loyal to a non-state actor than to their state of citizenship. According to Willets³, the following factors emphasize the superiority of transnational companies as actors over state-actors in the era of globalization. These include, “financial flows and loss of sovereignty”, “triangulation of trade and loss of sovereignty”, “regulatory arbitrage and loss of sovereignty”, extraterritoriality and sovereignty” and “from domestic regulation to global re-regulation”. Despite this development, Spanier⁴ submits that “given the longevity of the state as the principal actor, any analysis of international politics must start with the state, its motivations, objectives, and interactions with other states. Only then shall we also understand the role and impact of other actors”.

In reality though, “states continue to dictate the terms of coexistence for themselves and other actors in the system”⁵. Thus, the dynamics of the relationship between or among actors in the system are often in form of this mix; state/state relationships; state/non-state relationship; non-state/non-state relationships. Also, these various forms could either be bilateral or multilateral relationships, depending on the number of actors connected with the issues at stake. However, some other actors that may not have direct or short-term benefits in the issues at stake could also be involved in any of these relationships. For such cases, the third party (actor with no short-term, direct or immediate interest) is an external actor. For instance, Iraq was sanctioned for its invasion of Kuwait in 1991 by the bombardment of the UN-sponsored allied forces on the instigation of the US and its allies in Western-Europe. While Iraq and Kuwait were the main actors, the external actors in that instance included the UN, US and other members of the allied forces. Similarly, the civil-war that raged in Libya⁶ courted the attention of an external actor; the North Atlantic Treaty Organization (NATO)⁷, whose direct interest in the uprising may not be easily deciphered. In essence, the presence of external actors in international relations is not unusual but is often tied to long-range interests and expectations, unlike the principal actors, whose interests are direct and immediate and could be more easily ascertained.

To serve the purposes of this article, we shall isolate five basic external actors that have been involved in the two main issues of political sovereignty and border disputations that have directed the course of Nigeria/Cameroon relations over the decades. These external actors are both state (Britain, France and Germany) and non-state (United Nations, International Court of Justice) actors. It is against the setting of the motivations of external actors that this article would examine the actions of the aforementioned actors in both the pre-independence and post-independence phases of Cameroon – Nigeria relations.

¹ Rosenau, J. 1990. *Turbulence in World Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

² Willets, P. 2000. Transnational Actors and International Organizations in Global Politics. In J. Baylis & S. Smith (Eds.), *The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations*. Oxford: Oxford University Press, pp. 426-441.

³ Ibid, pp. 430-432.

⁴ Spanier, J. 1987. *Games Nations Play*. Washington DC: CQ Press, p. 84.

⁵ Ibid, p. 84

⁶ The Libyan civil-war emerged from the Arab-Spring that led to revolutionary transformations in Egypt, Tunisia and Morocco.

⁷ NATO, backed by the aggressive diplomacy of France was deeply involved in the death of Gadaffi and the consequent regime change.

Nigeria and Cameroon Relations in Historical Perspective Pre-Colonial Relations

Nigeria-Cameroon relations in the pre-independence era was largely conditioned by the colonial status of both countries. Instructively, the Nigerian/Cameroonian case is one of the most profound complexities of the Berlin Conferences on the 'Partitioning of Africa'. Here, hitherto socio-culturally knitted groups with commonalities along ethnic, religious and social frameworks were divided in line with the European conception of statehood. New boundaries were erected that altered extant traditional arrangements, such that groups were incoherently and rather arbitrarily divided especially at the border regions. The reasons and consequences for the boundary patterns in Africa are effectively articulated in Ate¹. The author submits:

The boundary crisis in post-colonial Africa has its roots in the hasty and haphazard partitioning of the continent by Europe's imperial powers in the late 19th century. Whereas the boundaries of modern states in Europe itself evolved over centuries as a result of revisions after wars and conquests ... state boundaries in Africa were determined by imperial fiat within a space of two years and subsequently enforced, with minor recklessly executed adjustments, through colonial hegemony in less than a hundred years. The consequence of this was that patterns of ethnic, linguistic, religious, cultural and commercial affinities, which for centuries cut across mere administrative boundaries in Africa, were suddenly and rudely terminated in order to accommodate imperial desires and norms. And to give legal sanctity to this new boundary order, new notions of national sovereignty, territorial integrity and exclusive jurisdiction of states were transposed from the post-1648 European international state system.

The Cameroonian case was relatively more pathetic than most other African colonies because the country fell under the control of three European powers (Britain, France and Germany) at various times, and at some other times, administered through the erstwhile League of Nations, and later the United Nations. Nigeria on the other hand was administered by Britain all through the period of colonialism. Colonial Nigeria-Cameroon relations rested on the terms of interactions between two neighboring political entities that had thick lines of commonalities, and relatively negligible diversities. Ate² argues that "at one time or the other, peoples in most of these neighboring countries commonly inhabited, at one time or the other, parts of the present Nigerian territory, and therefore shared similar cultures and other attributes". Thus, close familial relationships existed among the people whose awareness of the political demarcation never blurred their advancement of pre-colonial relationships. The bond was further cemented through similar religious practices of the majority Christians in the southern and western regions of Cameroon and their faith-equals in major parts of southern Nigeria. This also applies to the overwhelming majority of Muslims in the north of Cameroon and their large numbers in every other region, as in the case with northern Nigeria. All of these socio-cultural similarities partly influenced the direction of relations between both nations during colonialism.

The peaceful neighborly coexistence also encouraged mutually beneficial economic activities especially at the informal level. It is on record that there were active maritime and farming activities along the border regions. The political aspect of the relationship was also cordial, especially with the administration of British Cameroon from Nigeria. Though this arrangement led to dissent from the locals whose complaint was reflected in the reference to the territory as the "colony of a colony". The political tensions generated were however not strong enough to impinge on the harmonious relationship on display. The grey-area in the relationship was eventually smoothed through the UN-aided plebiscite of 1961.

¹ Ate, B. 1992. Nigeria and Cameroon. In B. Ate & B. Akinterinwa (Eds.), *Nigeria and Its Immediate Neighbours: Constraints and Prospects of Sub-Regional Security in the 1990s*. Lagos: Nigeria Institute of International Affairs, p. 3.

² Ibid, p. 2

Colonial Foundation of the Relationship

The League of Nations as the precursor of the United Nations performed basically the functions of the UN, however with greater limitations than the UN. As a matter of fact, the UN came on board as an improvement on the capacity of the League of Nations to ensure peace and harmony in the international system. After its creation in 1919, part of its mandate was to give protection to territories hitherto colonized by defeated countries who were former colonizers. German-Kamerun fell under this class, and it was on this basis that it became a mandate of the League of Nations divided for administration between the British and the French authorities.

However, by the end of the Second World-War, the League of Nations had been succeeded by the UN. The League of Nations mandate territories were converted to UN Trusteeship, under the earlier administrative arrangement of Britain and France. The first remarkable action taken that would later impact greatly on Cameroon/Nigeria relations was the UN-planned plebiscite to decide the wishes of the concerned areas of both countries on whether to join Nigeria or Cameroon in the run-up to the independence of both countries. The first plebiscite for the northern part of Cameroon was conducted in 1959, while the second part for the south was conducted in 1961. After independence, and the automatic death of the Trusteeship arrangement, the UN capacity for involvement in the relations between the two member-states became limited. However, the roles of both countries in cementing Nigeria-Cameroon relations cannot be overemphasized.

Britain

Historically, Britain has played a most significant role in Nigeria/Cameroon relations; a role dating back to the nineteenth century. Britain had been involved in the making of Nigeria and the English-speaking part of Cameroon starting from the gradual colonization of the large expanse of land, today known as Nigeria with the invasion of Lagos in 1851, and its conquest in 1861. This was extended to Calabar with the signing of the 'Treaty of Protection' in 1884¹. With the attendant boundary incongruities, the British and German authorities formally defined their boundaries on 15th November, 1893, and made it even more cogent with a 1906 agreement marking out the British and German territories from Lake Chad to Yola². In 1913, Britain on behalf of Nigeria, and Germany on behalf of Kamerun (as it was then known) reached agreement on two important boundary issues, viz; first, the settlement of the frontiers between Nigeria and Cameroon from Yola to the sea; second, the regulation of navigation on the Cross River³. Here, Britain conceded the Bakassi peninsula to Germany after equally gaining concessions of the offshore 'navigational border' from Germany⁴.

The First World-War that raged between 1914-1918 also played a role in the circumstances of both Nigeria and Cameroon. By war end, all of German colonial territories including German-Kamerun were divided between Britain and France at the Treaty of Versailles through the League of Nations mandate. Under the British-French Declaration of 1919, the British Cameroon and the earlier conceded Bakassi region were under the British mandate, while the majority part became French Cameroon. Britain administered its own mandate region simultaneously with Nigeria, until 1946 when the newly formed United Nations changed the mandates to Trusteeship Agreement in which Britain began administering its own portion of Cameroon (South and North) from Nigeria. On the run-up to the independence of Cameroon and Nigeria, the UN had sought the wishes of the inhabitants of southern and northern Cameroon on their choices between Nigeria and Cameroon. The result of the plebiscite of 1959 placed the people of northern Cameroon in Nigeria, while the 1961 plebiscite saw the people of southern Cameroon opting for Cameroon. In summary therefore, the Bakassi peninsula (a part of pre-plebiscite Southern Cameroon) was a part of South-Southern Nigeria that was conceded by Britain to German-Kamerun, which was administered by Britain during both

¹ Falola, T. 1999. *The History of Nigeria*. Westport: Greenwood Press, pp. 53-54

² Funteh, M. 2015. The paradox of Cameroon-Nigeria interactions: Connecting between the edges of opportunity/benefit and quandary. *International Journal of Peace and Development Studies*. Vol. 3, No. 3, p. 30.

³ Ibid, p. 32.

⁴ Duyile, A. 2015. Nigerian-Cameroon Bakassi Peninsular Crisis: A Retrospect of Nigerian Technocrats Views Prior to the Court Case at the Hague. *International Journal of Humanities and Social Science Invention*, Vol. 4, Issue 5, p. 66-67.

the Mandate and Trusteeship arrangements, but became part of independent Cameroon after the 1961 plebiscite¹.

Britain's role in Nigeria/Cameroon relations after independence is not as pronounced as was the case before the independence of both countries. Being two independent nations and considering the role that Britain played in forging the political controversies that led to the face-off between both countries, and the relationship Britain shares with both of them as their colonial master (both countries are members of the Commonwealth), Britain has displayed willingness in seeking for the peaceful settlement of disputes between both countries. This is exemplified in Britain's presence as an observer at the signing of the Green tree Agreement in New-York, US, in 2006.

Germany

The role of Germany as an external actor in Cameroon-Nigeria relations can be placed within the context of Germany's role in the international system in the pre and post Second World-War era. Like Germany's other European neighbors, Germany sought and conquered colonies in Africa. German-Kamerun covering the whole of present Cameroon and inclusive of parts of northern Nigeria was a German colony². However, by 1913, the highly controversial Anglo-German Accord was signed in London on the 13th of March, while the second signing took place at Obokum on 12th of April same year. As mentioned earlier, it was meant to identify the specific demarcations of the Anglo-German Boundary between Nigeria and Kamerun from Yola to the Cross River. The summary of the agreement is that Britain conceded the Bakassi peninsula to Germany, "while Germany conceded the path that created an uninterrupted and secure sea lane access to Calabar, an important trading post". Germany administered its own portion until the outcome of the First World-War ensured that Germany no longer had colonial territories in Africa. The fate of German-Kamerun was sealed when it was initially made a mandate territory of the League of Nations administered by France and Britain, and later coming under the UN Trusteeship, which was also run by Britain and France.

What remained of Germany's influence on Cameroon (originally German-Kamerun, and the Bakassi peninsula ceded by Britain) was lost with the independence of Cameroon in 1960. Of particular importance to the weakening of Germany's role as an external actor in Cameroon-Nigeria relations was Germany's circumstance after the Second World-War. Germany emerged from the war as a defeated nation that suffered great international humiliation including the division of the country into the east and west on the basis of extant ideological conditions. Thus, the major political concerns were concentrated on repositioning the country for its desired international role. By the end of the Cold-War, and the reunification of the two Germanys, the foreign-policy focus was no longer directed towards the relationship of two immediate neighbors in 'far-away' Africa. At that time, most of Germany's heritage in Cameroon had been lost. Instructively though, Germany participated as an observer during the signing of the Green tree Agreement in New York, US in 2006, to work out the modalities for implementing the contents of the ICJ judgment. Despite the changing tides, Germany's presence as an observer underscores the importance of Germany in the border disputations between Nigeria and Cameroon.

France

France has always played a most significant role in Nigeria/Cameroon relations. This role cannot be divorced from the context of the role France aspired to play as an imperial lord, and indeed, France's contemporary role in the West/Central Africa sub-region. France was well-placed to play her imperial role in the nineteenth century by seeking colonies in Africa. France colonial policy was specially designed to project her interest over all colonized territories, and indeed, through the policy of assimilation and association, intended to make French men out of the colonized peoples. The country's interest was drawn to Cameroon through the League of Nations Mandate and the UN

¹ Percival, J. 2008. *The 1961 Cameroon Plebiscite: Choice or Betrayal*. Bamenda: Langaa RPCIG

² Njeuma, M. 1995. Reunification and Opportunism in the Making of Cameroon's Independence. *Paideuma: Mitteilungen zur Kulturekunde*, Bd, 41, pp. 27-37.

Trusteeship assignments. Under these arrangements, the larger part (majority) of Cameroon was under French control, and thus, politically and administratively made Cameroon a former French colony¹.

France has always perceived Nigeria as the only country in West/Central Africa with the capacity of a regional hegemon, thus, continually viewing Nigeria with suspicion². The existence of a non-French former colony possessing the level of influence Nigeria possesses is against France's interest. Hence, the frigid and high-tension relationships in the early 1960s and mid-1970s. However, there was a relative tension-lessening era starting from the late 1970s, 1980s, 1990s, till early 2000s. France appeared to have accepted as *fait accompli* Nigeria's factual expression of her 'manifest destiny' in Africa, and the determination to play a leadership role on the continent.

The various face-offs between Nigeria and Cameroon around the late 1990s presented France, with once more, the historic opportunity of curtailing what it considered the expansionist motives of Nigeria. France was ever willing to supply Cameroon with the relevant military back-up in case the border confrontations turned into a war. This is because the absence of a defense agreement between both countries does not impede the workings of the military technical assistance agreements that confer a special status on France in Cameroon³. By and large, France's attitude within the context of an external actor in the Nigeria/Cameroon relations is not a deviation from the regular attitude of France towards Nigeria. The impression is given that France continually waits in the wings to counter Nigeria's aspirations and desires; these, in the perception of France is antithetical to its foreign-policy objectives towards Africa and towards its former colonies in particular. It is however instructive to note that France was present as an observer to witness the Greentree Agreement in 2006, perhaps because the ICJ judgment favored Cameroon.

Post-Independence Relations

After independence, political leaders in Nigeria and Cameroon were confronted with the challenges of administering post-colonial state formations. With series of domestic distractions, there were efforts to consolidate on the gains made during colonialism. Both apparently desired cordial relationships with each-other, on the basis of mutual respect and understanding. Being immediate neighbors, there were constant interactions, however, two specific issues have so far tested the resolve of both countries in their willingness both to assert their sovereignties and also maintain amicable, peaceful and harmonious relationship with each-other. These were the Nigerian civil-war of 1967-1970 and the hitherto lingering crisis generated over the ownership of Bakassi peninsula.

The Nigerian civil-war is one of the most difficult tests of Nigeria's unity till date⁴. It questioned the rationale for the existence of Nigeria as one indivisible and indissoluble nation-state. It is a consequence of the perceived ill-treatment of south-easterners by the northerners. The south-eastern part of Nigeria took up arms against the Federal Government and insisted on its rights and willingness to secede from Nigeria. The federal authorities would not accede to the dismembering of the country, and thus, ensured it countered the Biafran revolt through the force of arm. The incidence led to a realignment of forces in Nigeria and indeed between Nigeria and the rest of the world, especially her neighbors, and more particularly, immediate neighbors.

While Nigeria desired its indivisibility, some external elements wished for the break-up of the country. This is based on the (mis)perception of most African states about Nigeria's desire to lord it over the West-Africa sub-region. It is on record that some of Nigeria's immediate neighbors saw the

¹ Atangana, M. 1997. French Capitalism and Nationalism in Cameroon. *African Studies Review*. Vol. 40, No. 1, pp. 83-111.

² Akinterinwa, B. 1999. Nigeria and France, 1960-1995: The Dilemma of Thirty-Five Years of Relationship. Ibadan: Vantage Publishers.

³ Akinterinwa, B. 1992. French Security Arrangements With Francophone Africa: Implications for Nigeria's Relations with its Immediate Neighbours. In B. Ate & B. Akinterinwa(Eds.) *Nigeria and Its Immediate Neighbours: Constraints and Prospects of Sub-Regional Security in the 1990s*. Lagos: Nigeria Institute of International Affairs, p. 188.

⁴ The war was fought between the Federal Forces and the former Eastern Region which was bent on succeeding and creating its own independent state of Biafra. The war started in 1967 and came to an end with Biafra's surrender in 1970.

civil-war as a golden opportunity to dismember Nigeria, and by extension reduce her influence on the sub-region. Fortunately for Nigeria, Cameroon did not share this opinion. Cameroon's decision was very crucial to the outcome of the war, if the border connections between south-south Nigeria and south-west Cameroon are considered. The south-south region of Nigeria shares internal boundaries with the south-eastern part, which was the base of the revolt. Cameroon's decision must have been borne out of high-level independent mindedness, judging from France's position as an external actor in the civil-war, viz-à-viz France's relationship with and influence on her former colonies. For instance, some of France's former colonies in the region, notably Cote d'Ivoire aligned with the Biafran cause on the prompting of France. The dynamics of relationship while the war lasted prompted the Nigerian government to reassess its relationship with West-Africa and her immediate neighbors after the war. This is reflected in the post-war adoption of the policy of 'Good-Neighborliness'. But specifically, the Cameroonian action encouraged the deepening of the warm relations between both countries. Indeed, it must have also aided the signing of the Maroua Agreement in 1975 before the General Gowon administration was sacked through a coup d'état. The cordial relationship however took a different dimension when the new regime of General Muhammed openly distanced itself from the contents of the Maroua Agreement as it concerned the ownership of the Bakassi peninsula, and in fact, did not ratify the agreement¹.

The ownership of the oil-rich Bakassi peninsula was the most important issue that characterized Nigeria/Cameroon relations since the signing of the Maroua Agreement in 1975 and the Greentree Agreement in 2006. Though the border issues concern their common borders stretching from the 2,300 kilometer land boundary from Lake Chad to the peninsula and the maritime boundary which lies in the Gulf of Guinea, the major "issues at stake are rights over the oil-rich land and sea reserves and the fate of local populations in Bakassi"². It has both created tension and also reenergized friendliness. At its height, it brought confrontations between both countries. The seed of contention over the peninsula was sown with the Anglo-German Accord signed on April 12, 1913. In the accord, titled, 'The Regulation of Navigation on the Cross River', the British ceded the Bakassi peninsula to the Germans, not unmindful that ninety-percent of people domiciled in the area were Nigerian nationals. All through the colonial period when Cameroon moved from being a mandate territory of the League of Nations, to the trusteeship of the United Nations and split between Britain and France, the ownership of the Bakassi peninsula did not attract any special attention.

The first sign of a difficult period ahead in terms of border issues came to the fore with the UN-organized plebiscite of 1961. By 1962, the Balewa government in Nigeria exchanged diplomatic notes with President Ahidjo of Cameroon acknowledging the new structural pattern consequent upon the result of the plebiscite, and by extension, the existence of Bakassi outside of the Nigerian territory. Following the actions of some of the immediate neighbors during the civil-war (1967-1970) the Nigerian government was encouraged to seek the determination of Nigeria's maritime border with Cameroon because of the vagueness of the 1913 Accord. This is because the offshore boundary was unclear since there was no demarcation of the 'navigational portion' of the approach channel to the Calabar estuary. The issue was addressed and laid to rest in Yaoundé with the signing on 4th April, 1971 of the "Coker-Ngoh Line" on British Admiralty Chart NO. 3433³ "as far as the 3-nautical-mile limit". This was followed by the much maligned Maroua Declaration of 1st June, 1975, which was merely for the partial extension of the 1971 maritime boundary. As at this period, the most volatile of the issues concerning the tussle on the ownership of the Bakassi peninsula occurred on May 16th, 1981, when five Nigerian soldiers on three canoes were ambushed and killed by Cameroonian

¹ Ate, B. 1992. Issues in Nigeria's Security Relations with its Immediate Neighbours. In B. Ate & B. Akinterinwa(Eds.)*Nigeria and Its Immediate Neighbours: Constraints and Prospects of Sub-Regional Security in the 1990s*. Lagos: Nigeria Institute of International Affairs.

² Issaka, M. & Ngandu, K. 2008. Pacific Settlement of Border Disputes: Lessons from the Bakassi Affair and the Greentree Agreement. *International Peace Institute*, October, p. 2.

³ Fieta, S. & Cleverly, R. 2016. *Practitioner's Guide to Maritime Boundary Delimitation*. Oxford: Oxford University Press, 401.

soldiers¹. There was outrage and condemnation from the Nigerian side, leading to a demand for an apology from the Cameroonian government, rather than reprisal attacks, as a result of government's policy of 'Good Neighborliness'. An apology eventually came on July 20, 1981. This was however not sufficient to douse the tension generated over the ownership disputations. Such tensions were also played out in 1993 when the Abacha government invaded the peninsula and attempted to formally create an administrative set-up in the region².

It was perhaps this action that made Cameroon file a petition with the International Court of Justice (ICJ) at The Hague in 1994 for a determination of the true ownership of the entire region. Relying on the Anglo-German Agreement of 1913, the ICJ on 10th October, 2002, ruled in favor of Cameroon's claim over the region; the most significant being Cameroon's sovereignty over the oil-rich Bakassi peninsula³. The Nigerian authority accepted the judgment in good faith and agreed to work with the Cameroonian authorities in implementing the judgment of the ICJ. The two countries thereafter established the Cameroon-Nigeria Mixed Commission (CNMC) which had the mandate to "consider the ways of following up on the ICJ ruling and moving the process forward"⁴. As expected, the CNMC worked towards the handover of the region by Nigeria to Cameroon in June 2008, through the Greentree Agreement signed in New-York by both governments in 2006. These efforts have culminated in the final settlement of a lingering border dispute that led to the antagonism between two immediate neighbors whose harmonious relationship portends great opportunities for their peoples and the sub-regions (West for Nigeria and Central for Cameroon).

Role of External Actors in the Resolution of Nigeria-Cameroon Boundary Dispute

In the course of Nigeria's relations with Cameroon, there have been a wide range of actors who have gone beyond passive shows of interest to actual involvement in the resolution of the dispute between both countries. The most essential actors are however those that have impacted directly on the two specific issues being addressed here; actors instrumental to the political sovereignty of Cameroon and Nigeria as presently constituted, and by extension, actors instrumental to the intrigues and settlement of the border disputations at the Bakassi peninsula. In large part, both state and non-state actors have played the role of external actors in Nigeria-Cameroon relations. These actors include; Britain, Germany, France, United Nations, League of Nations and the International Court of Justice at The Hague. The major actors that brought peace in the case of the border disputations between both countries are the United Nations under the ICJ and the Secretary General's Good Offices.

As can be expected, the external state actors that contributed to a relatively speedy resolution of the dispute are; France, Britain and Germany. It was reported that Nigeria never wanted to surrender itself to the jurisdiction of the International Court of Justice (ICJ) because of the involvement of these foreign powers. Nigeria feared that it will not receive a fair judgment from the ICJ because of the overbearing influence of these powers in the court, except for Britain who appeared to have maintained a neutral position. Ironically, Nigeria was aware of the implication of surrendering itself to the jurisdiction of the court, especially at a time when a French citizen Gilbert Guillaume was the President of the ICJ. Nigeria considered France an interested party in the dispute, as such, had doubts about a fair judgment. On the other hand, Cameroon was ready to surrender to the judgment of the ICJ ostensibly because of the knowledge of France's involvement at the highest level. Nigeria's decision-makers eventually took the decision to submit to the authority of the ICJ with the full knowledge of Article 36, Paragraph 2 of the Statute of the Court which states that: "both parties to a conflict must declare their acceptance of the jurisdiction of the Court before it can accept the application".

¹ Shagari, S. 2001. *Beckoned to Serve*. Lagos: Heinemann Publishers, p. 358.

² Lukong, H. 2011. *The Cameroon-Nigeria Border Dispute: Management and Resolution, 1981-2011*. Bamenda: Langaa RPCIG, p. 52.

³ Oduntan, G. 2015. *International Law and Boundary Disputes in Africa*. New York: Routledge, p. 116.

⁴ Issaka, M. & Ngandu, K. 2008. Pacific Settlement of Border Disputes: Lessons from the Bakassi Affair and the Greentree Agreement. *International Peace Institute*, October, p. 3.

France, though appeared not to be directly involved in the dispute, but from the onset took a stance that Bakassi belonged to Cameroon by citing relevant treaties signed at, and after independence was granted to Nigeria and Cameroon. One of the members of Nigeria's legal team during the court proceedings, Chief Richard Akinjide expressed his reservation about the influence of external actors in the dispute, especially in the process of resolving the conflict. According to him, "we must accept that ICJ judgment is 50 percent international law and 50 percent politics. And as far as the case between Nigeria and Cameroon was concerned, the dispute was really between Nigeria and France"¹. By extension Nigeria saw France as a three-pronged actor in the conflict; defendant, prosecutor and judge.

Another foreign actor that got itself involved in the conflict at a much later period was the Republic of Equatorial Guinea. The Republic filed a case at the ICJ to observe the legal process at the Hague in order to safeguard its territorial interests but not to directly get involved in the proceedings. The decision of Equatorial Guinea to intervene in 30 June 1999 was borne out of the desire to protect the legal rights of the country in the Gulf of Guinea by a legal means and to inform the Court of the nature of the legal rights and interests of Equatorial Guinea that could be affected by the Court's decision in the light of the maritime boundary claims advanced by Nigeria and Cameroon before the Court². This is not to suggest that Equatorial Guinea sought to become a party to the dispute.

The International Court of Justice as a non-state actor played a significant role in the resolution of the conflict. On March 29, 1994, after many years of pockets of skirmishes and low key sporadic attacks on both sides, Cameroon adopted a judicial settlement as the peaceful way of resolving the conflict. Firstly, the country presented the case to the United Nations for arbitration in order to prevent greater human and material loss and in its pursuit of peace, stating unequivocally in its application that the delimitation of the maritime borders with Nigeria was incomplete and that the two parties have been unable to complete it. From all indications, the various Nigerian administrations must held on to the belief in both bilateral or multilateral approaches for resolving the impasse. Upon failure to resolve, the Nigerian authorities was compelled to subject itself to the Court's jurisdiction. Cameroon's decision to act in such manner and at that time must have been strategic. The action must have been prompted by the possibilities of the loss of goodwill of the Nigerian government from the international community. The internal political crisis generated by the annulment of the Presidential Election in 1993 and the subsequent overthrow of the Interim National Government by General Sanni Abacha marked one of the lowest points of Nigeria's image in the international community³. Cameroon acted on the firm belief that she will enjoy the support of the European powers in the contestation against an undemocratic government in Nigeria. Arguably, Nigeria exhibited legal naivety and ignorance by acceding to submit itself to the ICJ ruling at that period of political uncertainty. On June 16, 1994, Nigeria indicated its willingness to appear before the ICJ.

The ICJ accepted its responsibility of ensuring the peaceful settlement of international dispute. The Court based its decision on the Anglo-German Agreement of 11th March, and 12th April 1913 and the Thomson-Marchand Declaration of 1929-1930. The ruling of the Court is final and binding on both parties, thereby averting the possibilities of war between the neighbors. The ICJ was the only competent institution to take decisions in accordance with international law in respect of any inter-state dispute brought before it. The judgment of the Court was backed by the United Nations Charter which allows sanctions or the use of force to implements its decisions. In the circumstance, Nigeria had to accept the judgment of the ICJ and any action to the contrary would be viewed as a violation of international law and may also be construed as an act of aggression with severe consequences.

¹ Egeran, T. 2015. International Law, Boundary Dispute and Territorial Redistribution between Nigeria and Cameroon on Bakassi Peninsular: Limits and Possibilities for Nigeria. *European Journal of Business and Management*, Vol. 7, No. 7, pp. 201-202.

² International Court of Justice. 2002. Land and Maritime Boundary between Nigeria and Cameroon (Cameroon v. Nigeria: Equatorial Guinea Intervening), *Press Release*. 2002/26, online: <http://www.Icjcij.Org/docket/index.Php?Pr=294&code=cn&p1=3&p2=3&p3=6&case=94&k>. (07 November 2016).

³ The various failed efforts of the Nigerian government to democratize pitched the authorities against Western powers.

The final judgment of the Court on Bakassi peninsular was passed on the 10th October, 2002¹. In a verdict of 13 to 3 votes, it was found that sovereignty over the peninsula rests with Cameroon. Nigeria was ordered to expeditiously and without condition withdraw its forces and civil administration and transfer possession of the peninsula to Cameroon within two years. Likewise, Cameroon was mandated to expeditiously withdraw its forces and administration from territories which in accordance to decision now fall within the territory of the Federal Republic of Nigeria. The ICJ judgment received approval from former colonial powers of Cameroon-Britain, France, and Germany and of course, the United States that currently enjoys the position of an international hegemon. The approval given to the judgment by these powers further added moral and legal impetus, concreteness and legitimacy to the judgment.

Another important actor in the process of legal settlement of the dispute was the office of the Secretary General of the United Nations under Kofi Annan. Through the 'Good Offices', the Secretary General was able to play a significant role. It is very clear that the Court alone could not have guaranteed a peaceful settlement of the dispute, especially in view of the historical complexity of the border conflict. While anticipating the final decision of the Court, the UN Secretary General Kofi Annan invited the Presidents of both countries, Paul Biya of Cameroon and Chief Olusegun Obasanjo of Nigeria to a summit meeting in Paris on 5th September, 2002. At this meeting, he was able to convince both Presidents to commit themselves to respect and implement whatever decision the Court may arrive at. He was able to secure their assurances through an agreement that will give effect to the Court's decision. Mr. Annan did not stop at just securing the agreement with the two leaders but went a step further to ensure that the great powers France, the United States and Britain backed the initiative.

The Secretary General appealed to both countries to respect and implement the Court's judgment and reaffirmed the readiness of the United Nations to assist both countries. The Secretary General's intervention did not end as mere rhetoric, but it was backed by concrete follow up. He invited both leaders to a seminal meeting in Geneva on November 15, 2002 where they agreed to request the Secretary General to set up a Cameroon-Nigeria Mixed Commission made up of representatives of both countries and United Nations experts chaired by a special representative of the Secretary General². The function of the Mixed Commission among others was to work out ways of implementing the ruling of the Court and moving the process forward. On accepting this proposal, the Secretary General's approval of his special representative for West Africa, Mr. Ahmedou Ould Abdallah from Mauritania to chair the Mixed Commission was considered acceptable by both sides. The mandate of the Mixed Commission included:

- i. Demarcation of the land boundary;
- ii. Withdrawal of civil administration, military and police forces and the transfer of authority;
- iii. Eventual demilitarization of the Bakassi peninsula;
- iv. Protection of the rights of the affected population;
- v. Promotion of joint economic ventures; and
- vi. The reactivation of the Lake Chad Commission

In addition to the Mixed Commission, the United Nations also deployed a team of civilian observers to the region to monitor and assess the transfer of authority according to the Court's ruling and ensure that the rights of the affected population were guaranteed.

In furtherance of the commitment of the UN Secretary General to peace between both countries, a final peace deal was brokered between the two leaders at Green Tree just outside New York on 12 June 2006. This last tripartite meeting sealed off the implementation of the Court's ruling of October 2002. According to Kofi Annan, the signing ceremony "crowns a remarkable experiment in conflict prevention by Cameroon and Nigeria". The signing of the agreement was witnessed by representatives of France, the United States and Great Britain. In a nutshell, the roles of the two leaders of Cameroon and Nigeria, and the Secretary General of the United Nations remain indelible in the annals of modern diplomacy.

¹ Merrills, J. 2003. Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (*Cameroon v Nigeria: Equatorial Guinea Intervening*), Merits, Judgment of 10 October 2002. *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol. 52, No. 3, pp. 788-797.

² United Nations. 2002. Joint Communiqué Establishing the Cameroon-Nigeria Mixed Commission (CNMC), *Press Release*, SG/SM/8495, AFR/515.

Conclusions

The ICJ as one of the principal organs of the United Nations established by the Charter in 1945 charged with the sole responsibility of adjudicating in cases of international law submitted to it by member-states lived up to its responsibility and played an active role in the case between Cameroon and Nigeria. After about eight years of consideration, the final judgment as it concerns the ownership of Bakassi reads in part: “In Bakassi, the Court decides that the boundary is delimited by the Anglo-German Agreement of 11th March 1913 (Arts. XVIII-XX) and the sovereignty over the Bakassi peninsula lies with Cameroon”. With its hearing and eventual determination of the case, the ICJ also played the role of an external actor. This role averted the possibilities of relationship breakdown between the two neighbors.

This article has attempted to analyze the roles played by external actors in the centuries old Nigeria-Cameroon relations. The piece focused on the two unarguably most volatile aspects of their relationships that have attracted input from external actors. These are the determination of political sovereignty over some regions in parts of present-day northern and southern Cameroon on the one hand, and south-south and parts of northern Nigeria on the other hand. The second issue is the disputation over the ownership of the oil-rich Bakassi peninsula. In the final analysis, the point is made that both state and non-state actors have played major roles as external actors in Nigeria-Cameroon relations.

The UN however played a most significant role in the run-up to the pacific settlement of the dispute. After the ICJ judgment and the willingness of Nigeria to abide by the judgment, the UN through the Secretary-General’s office, and using the mandate of the ‘Good-Offices’ initiated various arrangements and provided the enabling environment that ensured the implementation of the content of the judgment.

NATIONAL INTERESTS VERSUS DUE DILIGENCE FOR GLOBAL SECURITY: A RETHINK OF STATES’ ACTIONS IN THE 21ST CENTURY

*Olusegun Paul Adesanya*¹

Introduction

National Interest and Global Security: A Conceptual Clarification

*Nur die Harten Kommen in den Garten
(Only the strongest survive / only the hard getting into the garden) –German proverb.
To not fix our faults is the same as committing new mistakes – Confucius.*

National interest is the major reason for states’ actions within the international system. Without it, states may not really get concerned about much of what makes up for the international system. Some of the issues that constitute national interests are core to the existence of states, while a few others are secondary; and as such, states are most willing to sacrifice so much for the actualization of their interests. As such, events within the international system are mostly driven by selfish aspirations of states; hence the pursuits of power for the actualization of such ambitions.

Beyond this, states do not always crave to satisfy the totality of their interests at the expense of other entities. Rather, like man, who in spite of selfishness, suspends some of his aims and channels

¹ *Olusegun Paul Adesanya* - Department of Political Science and International Studies, Afe Babalola University, Ado-Ekiti, Ekiti State, Nigeria. E-mail: segunpaul11@gmail.com

his resources (energy, time and wherewithal) towards those interests that paramount, states suspend some interests for those that are vital. Indeed, man will mostly seek the opportune duration to unfurl his mundanity; only that either the thought or reality of the control from the government would limit such unfurling of actions from becoming crisis. Drawing from this perspective, certain restraints are noted to exist within the international system. These mostly are in the form of international sanction, international norm, international laws and international organizations. Indeed, certain matrixes serve either as limitation to or opportunity for states' interests; but even at this, states may not be desirous of clashing with others simply because of secondary interests. Man is known to have willingly let go of some personal interests in his bid to avert unnecessary altercations; at some points, states equally suspend some of their interests because of such considerations. This notion seems to underlie the existing security community among the core zones of capitalist power. According to Deutsch, Burrell et.al, "security community refers to a group of states that do not expect, or prepare for, the use of military force in their relations with each other."¹

Aspirations to satisfy the core national interests may however hinder states from taking due diligence for international security. States, major powers especially, mostly act as their egocentric natures suggest. Hence, such countries decline the principled orientation or the trending normative framework that sustains relationships among the Western countries of Europe, the United States, Canada to mention a few. An instance is the battle ready form, particularly with capacity of fighting within the terrain of the Arctic Ocean that the five countries that share boundaries with the Ocean have insisted that their military assume. For instance, Norway had a large joint air force exercise with eight NATO member states in the Arctic Challenge Exercise in the skies of the Barents Sea region. In the same vein, Russia's Defense Minister, Sergey Shoigu argued after the completion of some network of radar stations in the Arctic, that in 2015, Russia will be ready to 'meet unwelcome guests' coming from any direction. By February 2015, he said, "Russia may consider protecting its national interests in the Arctic with military means if necessary."² Really, these displays are because of the availability of immense deposits of highly desired energy and mineral resources, some of which form part of the strategic input for the military and economic sectors of these countries, and the ownership of spaces at the Arctic; both of which are significant parts of the national interests of the five countries.

It is realized that certain interests are sacrosanct to states, while they easily let go of some. Morton Kaplan thus observes that the "interest of a nation is to satisfy national needs."³ Given the relativeness of a state's interests however, some national interests are subjective, wrapped in serious egotism, and often impair the aspirations of other states. Really, the attainment of a state's interests is necessary for its survival within the international system, but beyond the interests such a state might project are other interests, the contravention of which might hamper the actualization of the state's desires.

More so, the things regarded as national interests could be the interests of the elites and/or the bureaucrats whose Departments are responsible for the formulation of the policies of the states. The pursuit of interests within the global system is contingent upon the capacity a state can muster. Nevertheless, some interests might not be achieved. This could be the consequence of the aspirations of other countries.

States' interests mostly determine global security. This is because the collision of the interests of two or more opposing countries can cause or intensify cataclysmic crises, and threaten the stability of a region. The implosion of a state can encourage mass emigration; and thereafter, burden the international system. A notable instance is the Syrian crisis that had produced many emigrants, who had had to seek asylum in other parts of the world. In this light, the growing interconnectedness of the world serves as the highway through which events in one country are having direct and immediate

¹ Karl W. Deutsch, Sidney A. Burrell and Robert A. Khan, *Political Community and the North Atlantic Area* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1957).

² "Joint Viking: Norway Buzzes Russian border with biggest military drill since Cold War," *RT News*, (March 10, 2015), accessed at www.rt.com/news/239209-nato-norway-viking-drills

³ Morton Kaplan, *System and Process in International Politics* (Colchester: ECPR Press, 141).

impact on the lives of other nationals; even as the decisions and actions taken by other people and/or governments can affect the “choices and possibilities available to other states and societies.”¹ It thus becomes necessary to regard international security from the varying intersections shared by states. This concerns the economic, ecological, identity, military, political, and societal aspects of their existence; even as it could be observed from state to groups and individuals (human security), and from the state to the international and supranational system, especially when freedom from threats and threats to global stability cover these spectra. Emma Rothschild perceptibly submits that:

The ubiquitous idea, in the new principles of the 1990s, is of security in an “extended” sense. The extension takes four main forms. In the first, the concept of security is extended from the security of nations to the security of groups and individuals: it is extended downwards from nations to individuals. In the second, it is extended from the security of nations to the security of the international system, or of a supranational physical environment: it is extended upwards, from the nation to the biosphere. The extension, in both cases, is in the sorts of entities whose security is to be ensured. In the third operation, the concept of security is extended horizontally, or to the sorts of security that are in question. Different entities (such as individuals, nations, and “systems”) cannot be expected to be secure or insecure in the same way; the concept of security is extended, therefore, from military to political, economic, social, environmental, or “human” security. In a fourth operation, the political responsibility for ensuring security (or for invigilating all these “concepts of security”) is itself extended: it is diffused in all directions from national states, including upwards to international institutions, downwards to regional or local government, and sideways to nongovernmental organizations, to public opinion and the press, and to the abstract forces of nature or of the market.²

As a term really, security invokes attention because of the values arrogated to it. Threat to any of these values might engender awareness and tangible counter approach may be explored to address the threat arising. Thus, Ole Wæver claims that it is in “language theory called a speech act: it is the utterance itself that is the actæ. By saying ‘security’ a state’s representative moves the particular case into a specific area; claiming a special right to use the means necessary to block this development.”³ There is a serious literary and/or opinion contestation over the conceptualization of security, hence the several attempts made at explicating what it is and/or entails. In this sense therefore one agrees with Gottlob Frege’s opinion that the “sense of a term is determined by the properties we associate with it, (since) sense determines reference.”⁴

Hence, the various opinion of security is based on the properties that each individual conceptualizing security ties to it. In properly conceptualizing however, Oppenheim explains that:

Concepts should be operational in the broadest sense, although this should not be interpreted as requiring quantification. Concepts that establish definitional connections with other terms are to be preferred. Concepts that draw attention to the theoretically important aspects of the subject matter that might easily be overlooked are desirable. Concepts should not preclude empirical investigation by making true by definition what should be open to empirical inquiry. Concepts should remain reasonably close to ordinary language. ‘Ordinary language’, however, does not necessarily mean the way most people would define the term, but rather the ‘set of rules they implicitly follow when applying it to a given situation.’⁵

¹ Department of International Development (DFID), *Eliminating World Poverty: Making Globalisation Work for the Poor: White Paper on International Development* (London: DFID, 2000).

² Emmanuel Rothschild, “What is Security?” in *International Security: Widening Security Vol III*, ed. Barry Buzan & Lene Hansen (London/Los Angeles: Sage Publications, 2007): 1-34.

³ Ole Wæver, “Security, the speech act: analyzing the politics of a word,” unpublished second draft, Centre for Peace and Conflict Research, Copenhagen (1989).

⁴ Gottlob Frege, “On Sense and Reference,” in *Meaning and Reference*, ed. A. Moore (Oxford: Oxford University Press, 1892/1993): 23-42.

⁵ F. E. Oppenheim, “The Language of Political Inquiry: Problems of Clarification,” in *Handbook of Political Science: Scope and Theory*, Vol. I, ed. Fred I. Greenstein & Nelson W. Polsby (Reading, MA: Addison-Wesley Pub. Co, 1975): 297-301.

Based on this, the properties arrogated notwithstanding, some definitions of security are by no means objective, and deviate from reality; even as the concept itself is in no way an “objective condition but the outcome of a specific social process.”¹ In this stead, a respondent, with disregard for happenstance, hinted that it is the condition of being safe and having access to basic human needs without fear. One then wonders about the availability and/or functionality of basic amenities in a situation of natural disaster, which might destroy properties, and threaten or claim humans’ lives. Another understanding of the concept is its being the guarantee or sustenance of everything that the fate/aspiration of human collectivities entails. Examining this however exposes its concern with the guarantee of the personal security of individuals. Transposing this orientation to the global society, security should concern the guarantee of the whole aspirations of the state, and the total freedom of each state from threats. Rather than this, the rationality of states and the anarchical international system serve as matrixes limiting the achievement of all of states interests within the global arena. This is understandable since the milieu either proffers opportunity for or poses as limitation to the achievement of states’ aspirations. It is thus necessary for the conceptions of security to comprise a range of systemic considerations. To this extent, Hedley Bull called for a broader understanding in which common interests and linkage among national securities receive greater attentions.²

In the context of this study, security is regarded as the process to guarantee and/or reality of the safety of humanity from threat of harm or existential harm in all the ramifications entailed in man’s existence and/or societies. Following from this, global security is regarded as the guarantee of safety, both for states and their inhabitants, from threat and/or reality of harm in regards to all the sectors that sustain human existence within the international system. It thus entails the comprehensive protection of lives, properties and/or political entities from a comprehensive list of threat to their existence. The process or the reality of security thus involves costs, for which several other meaningful purposes, depending on perspectives, situation and duration, might have to be sacrificed.

Theoretical Framework

The primary reason for countries’ actions within the international anarchy concerns their aspirations for the fulfillment of their various national interests. Opinions differ on how to actualize these aspirations. Granted the prevailing anarchy, which engenders hierarchy within the international system, the realists’ perspective has only assisted in getting a handle on some aspects of international relations; while some dimensions of the gap in study and praxis have been explained by the liberal orientation. Realists celebrate the constraints that egoism imposes on politics and the absence of a government within the international system as the preferred methodology for explaining the actions of states. Each state seeks to satisfy its interests, particularly by striving to situate itself properly –in socio-economic, politico-diplomatic or military relations. This dichotomizes the global order into the ‘one state and other states, with the one state contesting against the other states; hence bringing to fore the divergence between the domestic order and the global system. Thus, “rationality and state-centrism’, as Robert Keohane argues, ‘identified as the core realist premises’³; even as anarchy “assures the centrality of the struggle for power in the absence of aggressivity or similar factors.”⁴

Had states given full vent to the malignity that mostly comes with their varying national interests, then the extent of stability we presently witness globally might have been destructed. The director-less global system in this sense presents an enigmatic format of order that scholars are still attempting to explain. Thus, the liberalists explain that states would not always take up arms against each other; even Africa that, because of the inherited ill-delineated frontiers, should have been a boiling cauldron of crises has only witnessed very few interstate collisions and some intrastate crises. In view of this,

¹ Rita Abrahamsen, “Blair’s Africa: The Politics of Securitisation & Fear,” in *Conflict & Security in Africa*, ed. Rita Abrahamsen (Suffolk: James Currey in association with Review of African Political Economy, 2005/2013): 127-145.

² Hedley Bull, *The Control of the Arms Race* (London: Weidenfeld & Nicolson, 1961): 28-29.

³ Robert O. Keohane, “Theory of World Politics: Structural Realism and Beyond,” in *Neo-Realism and Its Critics*, ed. Robert O. Keohane (New York: Columbia University Press, 1986):164-65.

⁴ John Herz, *The Nation-State and the Crisis of World Politics: Essays on International Politics in the Twentieth Century* (New York: David McKay Company Inc, 1976): 10.

the English School claims that the international political system is more civil and orderly than realist and neo-realist suggest. In addition, the liberalist's opinion is regarded as utopian. This is because violence cannot be totally eradicated within the international community. Indeed, the likelihood of the international system witnessing the dimension of integration and the high-level security format that some states boast of seems elusive.

The existence of an unbridgeable gap between domestic and international politics, well substantiated by the impracticality of the format of compelling obedience witnessed domestically, at the international level; and the intensification of the liberalist's view of the existence of a world order that enhances the practicality of moral principles of the rule of law, open diplomacy and collective security in the comity of countries are the two extremes that the School embraces. These inform the School's via media position, meant to enhance the quick detection of threats to the international system; and source avenues through which the aspirations of individuals and their varying associations can be guaranteed within the international society without affecting global stability.

Further still, the study adopts the Postmodernist's approach in rethinking states' actions in the twenty-first century. Really, international relations are multi-dimensional, and each section of it is assessed from multiple ways. There is nothing like the truth; only contending perspectives. The verity of this is explained by David Campbell's analysis of the Bosnian War, through which he explains that the same events can be represented in markedly different ways with significantly different effects.¹ The English School explains that both realism and liberalism possess some truth about international politics, the Postmodernist even regards the School as a competing perspective to the two: realism and liberalism. Thus, this study believes that arguments on and the realities of the international system are hinged upon oppositional structuring. This is simply because the global system neither boasts of any overarching perspective in which all opinions could be lumped together, nor do events happen without being shrouded in ambiguity. From national interests of states to the encompassing global security therefore, only differing perspectives about terms and realities are available. Nietzsche thus insisted that there is only a perspective seeing, only a perspective "knowing"²; and which still leaves only perspectives, (and) only interpretations of interpretations.³

One thus needs to ask if states are really making due diligence to ensure international security or are simply pursuing their national interests without serious regard for global security? If the former inquiry holds, what reasons could then be adduced for the unfolding events of terrorism; forced migration of Syrians and Afghans who, until Germany decided to open its borders to host, were turned down by some other major powers; prevalent and growing poverty in Africa, and the unholy, asymmetrical relations that the continent is falling into again in the 21st century? If the latter question is right, how then should Germany's, Austria's and Iceland's prompt (if their actions could be regarded as such) kind gestures be regarded? In what light should African states' decisions to resolve the existential border questions between or amongst them through means other than war be seen? In critically understanding the interdependence of national interests and the global security, the deconstructive approach becomes necessary for explaining the "reversing of hierarchy and undoing of pairing"⁴ that needs to take place.

North-South Dichotomy

North and South are not meant by geographical definition only. Both refer to the levels of development and the living standards of the inhabitants of each of the countries so regarded. Generally, the development of the countries regarded as North seems light years away from those of the South. Hence, these terms, while not ordinarily set in opposition to each other, they bear different

¹ David Campbell, *National Deconstruction: Violence, Identity and Justice in Bosnia* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998): 33.

² Friedrich Nietzsche, *On the Genealogy of Morals, and Ecce Homo* (New York: Vintage Books, 1969): 12.

³ Friedrich Nietzsche, *Twilight of the Idols and the Anti-Christ* (Harmondsworth: Penguin Books, 1990): 50-51.

⁴ Donna U. Gregory, "Foreword" in *International/Intertextual Relations: Postmodern Readings of World Politics*, ed. James Der Derian & Michael J. Shapiro (New York: Lexington Books, 1989): xiii-xxi.

weights, one possessing more power than the other in global affairs. The deconstructionists thus perceptively observe that:

a hierarchical struggle attends such terminological exchanges. The denigrated term essentially functions to highlight the other term's significance; its formal function is to signify, or identify, the dominant term. The very differentiation and exclusion of this subordinate "opposite" defines the dominant term, which, as it were, draws a boundary around itself and declares: "This I am, and not that." "That," outside the boundary, is the Other, the not-self, upon which "This" depends for its identity.¹

In the light of this, the study considers the phenomena in regards of how the asymmetry in the relations drives global affairs, and even determines the menu of complex factors that states' aspirations encounter, the direct and broad consequences of which defy accurate prediction and assessment.

Power politics, egotism, low morale and lack of initiatives are some of the factors that are in part responsible for the existing dichotomy amongst states. These deepen the anarchical form of the international system, especially when those ahead seemingly exploit such avenues to further their interests; the level of order existing within the international arena however contradicts and counters arguments of wholesale display of selfishness and its fallouts, even as it encourages determination and innovation. Indeed the desires that states display within the international arena drive achievements; which motivates such states to do more. In the bid to achieve more, units lacking in capacity are either subsumed or left to wriggle out of the trappings. The process of advancing however, on one hand, impels the North to continue relying on the South, both as supplier of strategic resources and sphere of influence, more of which are necessary to further activities in their factories and to bolster their stance in international affairs respectively. France, for instance, has relied on "Africa as a source of strategic raw materials, as a market for her manufactured goods, and as an outlet for capital investment."² On the other hand, the South depends on the North for the technologies that drive most things within their confines, and some dimensions of financial assistances. In this stead, the relationship is supposed to be symbiotic.

The international arena is however neck deep in complexity. The relationships that should be mutual has for most part of history been burdensome for the countries of the South; particularly as it engenders dangerous consequences of foreign interference in sovereignty, price manipulations, fluctuations in demand for the export materials, squeezes on credit and dimensions of ecological challenges. Recently however, the tide is flowing North-wards as consequences of the fallouts of their activities in the South; and these are in the forms of terrorism, narcotic and pharmaceutical psychotropic trafficking, and maritime piracy, climatic condition alteration; as well as the present deluge of refugees in Europe.

It is in this stead especially that one feels a serious rethink of states' actions is necessary in the 21st century. Indeed, the states of the North are self-reliant. Economic performance is crucial to their relative status in international arena. They however rely on access to key strategic materials; some of which they possess limited deposits of or grossly lack. In order to get constant supply, they are mostly prepared to interfere in the domestic politics of countries of the South that possess immense deposits of such or find reasons that justify attacks on such countries. Therefore, the likelihood of discouraging the acquisition of knowledge: of the relevance, to exploit and of the diverse usages of such resources in the South is always high. This is mostly framed as encouragement for governments in the South to liberalize their economies in order for their citizens to access cheap supplies of the finished products of such raw materials and/or for the government itself to access overseas development aid (ODA), and be able to provide more social amenities and employment opportunities. Though these are regarded, in certain quarters, as good for the countries of the South, but they are worth less compared

¹ Ibid, Xvi.

² Guy Martin, "The Historical, Economic, and Political Bases of France's African Policy," *Journal of Modern African Studies*, (1985), 23, 2, 189-208.

to these countries' processing such materials by themselves. As such, the deceitful encouragement is so subtly couched to dissuade the South from posing broad spectrum of threats to the North's national security position, by offers (advices and funds) meant for subsuming the challenges of poverty and underdevelopment.

Beyond this, the South cannot go the whole journey alone. Being in possession of strategic raw materials does not translate into power status. Rather than think of how to turn such resources into advantages, both for their countries and citizens, leaders in the South are mostly concerned about using such to further their interests; hence their distasteful dispositions to governance issues, and conniving in over-exploiting their countries' resources. It is observed that most countries of the South are grossly lacking in the will, wherewithal and knowledge capacity that are necessary for the proper exploitation and usage of their resources. This limits them from fully engaging their vast population, especially the youths, which should have served as demographic dividend. This is because companies engaged in the exploitation often bring their expatriates who earn more than all the locals on the same job ranking; while constructions, particularly those being undertaken by the Chinese, are inundated by Chinese migrants.

Furthermore, the disposition of the North towards the destruction of the ecosystems in the South, often caused by the activities of multinational companies from the North in the process of exploring and exploiting resources in the South is disheartening. Really, there are innumerable processes of degrading nature, but this is done more through the over-exploitation of natural resources and unethical methods of disposing waste in the South, which in part drives climate change and continues to destabilize earth's ecosystem. It is thus noted that:

The Earth is one but the world is not. We all depend on one biosphere for sustaining our lives. Yet each community, each country, strives for survival and prosperity with little regard for its impacts on others. Some consume the Earth's resources at a rate that would leave little for future generations. Others, many more in number, consume far too little and live with the prospect of hunger, squalor, disease, and early death.¹

Thus, while one agrees that the global system is made up of processes of differentiation, marginalization, and domination, the forces driving North/South dichotomy deserves correction. Hence, while encouraging the leadership of each country, especially in the South, not to engage in acts that engender or further human insecurity, the study subscribes to former Chinese Prime Minister, Li Peng's opinion that:

[The] new order of international politics means that all countries are equal, and must mutually respect each other ... regardless of their differences in political systems and ideology. No country is allowed to impose its will on other countries, seek hegemony in any regions, or pursue power politics to deal with other countries. They are not allowed to interfere in the internal affairs of the developing countries, or pursue power politics in the name of 'human rights, freedom and democracy'.²

Global Oil Politics in Africa

Power is generated through access to and exhaustion of energy. Thus, crucial to global power status is crude oil or petroleum, which is the energy lynchpin that buoys globalization and international security. Africa's fraction of global oil reserve, because of growing demand and decreasing supply (that compelled search for: energy resources of oil and gas in dangerous terrains, for instance the Arctic Ocean; alternative to fossil fuel as the major source of energy; and fierce scramble for available stable sources) became a serious source of attraction for the major powers. Thus, Africa

¹ World Commission on Environment and Development, 1987, cited in Ulrich Beyerlin, "Bridging the North-South Divide in International Environmental Law," *ZaöRV* 66, (2006): 259-296.

² Xinhua Domestic Service (March 12, 1990), cited in Ian Taylor, "The 'all-weather friend'? Sino-African interaction in the twenty-first century," in *Africa in International Politics: External Involvement on the Continent*, ed. Ian Taylor and Paul Williams, (Abingdon, Oxon: Routledge, 2004): 82-101.

was hurriedly moved from the regard-bracket of a ‘hopeless continent’¹ to a strategic partner, both to the major and emerging powers. As such, oil-rich African countries have entered (or were dragged) into what Ferguson regards as “complex and opaque transnational ties with global powers based largely on the joint exploitation of oil ‘enclave investments’.”² Indeed, extra-regional powers have cravings for some other mineral resources within the continent, the energy resources however remain the leading sources of attractions to the continent. Thus, it is regarded as the ‘Mecca’ of investment for those that seek serious returns on investment.

In this stead, from the north to the south, and from the east to the west of the continental space, exploration and exploitation are ongoing; though at a slower pace presently than when the scramble newly began. The unfolding slow-down is largely the consequence of the cut in the US’ oil intake from Africa, which resulted from the American government’s decision to focus on the exploitation of its domestic shale oil since July 2014. And in part by low demand in many countries witnessing insipid economic growth; and oil crude sales through the backdoor of black-markets; the sales conducted by the Islamic State of Syria and Iraq (ISIS)³ and oil thieves in Nigeria’s Deltaic zone are instances. This led to global oversupply and the subsequent decline in global oil price; a situation presently posing serious challenge to the oil exporters of Africa, Nigeria for instance.⁴

Indeed, the said desperation is primarily because of these reasons: first, Africa that possesses about 9 percent of global proven oil reserves, which is a minute fraction compared to the Middle East that boasts of about 62 percent oil deposit, is not bedeviled with the dimensions of security challenges that the Middle Eastern countries have had to contend with. Second, exploration and exploitation of the oil resource in African countries are yet to be tied to the format of stringent frameworks that other spaces within the international system have in place for such activities to take place. Third, none of the African oil sellers poses as a hater of any of the neo-scramblers for the continent. Fourth, some of the crude gotten from Africa contains low sulphur content, which makes the demand for such crude to be very high by extra-continental scramblers. Lastly, most of the oil producers are close to the international market. Cyril Obi thus hints that:

Since the late 1990’s, Africa has rebounded in the geo-strategic and security calculations of the world’s dominant powers. A key element of Africa’s importance particularly after the 9/11 attacks on the United States is its centrality to global energy security. This has been boosted by the growing global demand for oil and gas, in the wake of shrinking or unstable supplies, and the entry of oil companies from emerging Asian powers such as China and India into the African oil scene –long regarded as the preserve of Western oil interests.⁵

The foregoing is in part responsible for both the politicization of the acquisition of permission to explore and exploit oil in Africa, and the security priority confer on Africa as a source of energy supply. This is particularly because of extra-regional oil investments and shipping; as well as being the fillip for the height of corruption surrounding oil exploitation in some of the crude-sellers in the continent. There are some evidences that most, if not all, oil multinationals, representing economic interests of highly placed stakeholders in some of the extra-regional powers, scramble to get the right of exploration and exploitation at all cost. For this, and since most oil companies often act in consonance with the state, the multinationals covertly or otherwise, enlist the support of their governments, since the energy or mineral resources that would be exploited and the gains therein would both satisfy the yearnings of their governments and stakeholders/investors for raw materials

¹ *The Economist*, 2000

² J. Ferguson, “Seeing Like Oil Company: Space, Security and Global Capital in Neoliberal Africa,” *American Anthropologist* 107, 3, (2005): 377-382.

³ T. Bowler, “Falling Oil Prices: Who are the Winners and Losers?” *BBC News*, (January 19, 2005).

⁴ I. Ifedobi, “The Falling Price of Crude Oil, and the Impact on Developing Economies like Nigeria,” *Vanguard News*, (January 03, 2015), accessed January 16, 2015, www.vanguardngr.com/2015/01/the-falling-price-of-crude-oil-and-the-impact-on-developing-economies-like-nigeria/

⁵ Cyril Obi, “Democratising the Petro-State in West Africa: Understanding the Challenges,” in *Fuelling the World – Failing the Region? Oil Governance and Development in Africa’s Gulf of Guinea*, ed. Michael Roll & Sebastian Sperling (Abuja: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011): 102-120.

and profits respectively; even as it assists in deepening the influence of their home governments in Africa. To this, Sorbara hints that the “critical need of raw materials to enhance its booming economy invoked the Chinese government’s readiness to shoulder most of the risk involved in investing in Africa for Chinese companies seeking to invest in the continent.”¹ China is thus neck deep in relations meant to enhance easy access to precious natural resources with African leaders; particularly through its, as Michael Klare hints, “multibillion-dollar drive to acquire a significant stake in the offshore energy operations of other countries.”²

Merits and demerits of extra-continental powers’ scramble for Africa’s oil resource, and its present reduced dimension notwithstanding, it is necessary to realize that there are arguments, both for and against such pursuits within the continent. It has been claimed that the new pursuit of extra-continental powers’ purposes in the continent would drive a win-win atmosphere, thus engendering a confluence of advantages for African countries; even as it satisfies the resource-hunger of the major and emerging powers. Across the divide is the opinion that the ‘third scramble’ (so to say) would deepen Africa’s standing in the quagmire produced by the drivers of poverty and underdevelopment within it. The reality of the already witnessed duration of the 21st century in part supports the win-win submission; this is because of the humongous funds already expended on the purchase of rights to drill oil, as soft loans to African states and for Community Social Responsibility (CSR) within the continental space. The mirroring of the counter-submission against events in the 1980s proves right the latter submission that the neo-scramble is a trap to limit the continent’s rise. It is from the latter standpoint that the resource curse thesis partly evolved. The push-point of which is the orientation that paradox of plenty drives conflict and insurgency³, especially within the confines of the resource rich communities.

It is thus necessary to examine the social structure of relations that underpins the current aspirations for Africa. Since scenarios surrounding the exploitation of oil are complex and decided by many factors, the penetration of the world of things so as to expose the underlying relations between persons and entities becomes necessary. Really, there is an implicit and explicit alliance of interests between oil multinationals and their home governments. While responding to an interview question, Soremekun argues that ExxonMobil, British Petroleum, Shell, Chevron, Texaco and Total can be fully appreciated only in a context that respectively takes on board countries like the United States of America, Britain and France.⁴ This claim is substantiated by oil multinationals: Sinopec, CNOOC, CNPC, and OMEL from the emerging powers of China and India respectively, enjoy the backings of their home governments. This explains the ease with which, aside from the wave of the cash wand, such oil multinationals access the right to exploit, and equally escape punishment, if any, that might have been intended for companies running counter of international performance.

Oil spillages around the Gulf of Guinea (GoG) for instance, are mostly, beyond the foul cry in the newspaper and social media, swept into time’s dustbin or explained away as the fallouts of oil pipelines vandalism by the local militias or oil thieves. Examining the prompt response of and the substantial US\$14 billion+ that the British Petroleum (BP) expended in cleaning up (minus other settlements) the oil spill that resulted from the explosion of the Macondo well, situated at the Mississippi Canyon 252 block, located some fifty miles south of the Louisiana coastline; one wonders about the drivers of and the lackadaisical disposition towards the continued oil spill within the locations of African oil producers, the GoG in particular.

¹ M. Sorbara, *The Nation* (Kenya), (April 14, 2006), cited in S. Naidu & M. Davies, “China Fuels its Future with Africa’s Riches,” *SAIIA*, 2006, 13, 2, Winter/Spring.

² Michael T. Klare, *Rising Powers, Shrinking Planet: The New Geopolitics of Energy* (New York: Metropolitan Books, 2008): 73-77.

³ Paul Collier, *The Bottom Billion* (Oxford: Oxford University Press, 2007): 18; Paul Collier & Ank Hoeffler, “Greed and Grievance in Civil Wars,” *Oxford Economic Papers*, (2004): 56, 4, 563-595; Michael Ross, “The Natural Resource Curse: How Wealth Can Make You Poor,” in *Natural Resources and Violent Conflict: Options and Actions*, ed. Ian Bannon & Paul Collier (Washington D. C.: World Bank, 2003).

⁴ Interview with Professor Kayode Soremekun at Covenant University, Ota, on 19 January, 2012.

More than the ecological destruction is the tax evasion and profit expropriation conducted by the multinationals. There have been shouts of the misappropriation of funds earned from the sale of oil crude by the oil sellers of Africa. While one is not excusing the leadership of these African oil sellers, it is necessary to be concerned about the alarming low tax paid (in some instances tax was evaded outright) by the oil multinationals, and their complicity in nurturing corruption-driven networks that benefit only a tiny elite as the Halliburton and Siemens cases have shown.¹ Really, the weak institutions that most, if not all of Africa's oil producers have in place merely play along in order to guarantee financial gains for the members of the managements, combines or committees that represent the leviathan in such institutions, and their bosses in government; while the oil multinationals take away funds more than what the continent receives as development aids through foreign direct investment. In view of this, Kar and Cartwright-Smith observe that the "darkest side of the illicit outflow of cash from Africa results from the proceeds of tax evasion conducted through trade mispricing."² This position is well buttressed by the African Union (AU) high-level panel on illicit financial flows, when it explains that:

The bulk of Africa's losses to illicit financial flows annually were through various schemes by multinational companies to evade and avoid the payment of corporate tax in their areas of operations ... Some of the mechanisms used by multinationals to defraud countries of tax revenues include trade or transfer mispricing, exploitation tax treaties to stash their profits in places offering very low tax rates or harmful tax incentives.³

In very recent time, there were several submissions about Africa's status of being the epicenter of global scramble for resources. For instance, Walter Kansteiner III, erstwhile U.S. Assistant Secretary of State for Africa opined that "African oil is critical to the U.S., and it will increase and become more important as we go forward."⁴ And such claims came shortly after the continent had witnessed certain intra and inter states' crises, which actually occurred in pockets. For instance, Liberia and Sierra-Leone in West Africa and Democratic Republic of Congo (DRC) in Central Africa and Rwanda in East Africa, representing the imploded faces of crises in the continent; while the full-fledged clashes between Somalia and Ethiopia, Eritrea and Ethiopia, Burkina Faso and Mali represented the inter-state wars. The imploded dimension festered mostly because of selfish aspirations of individuals for resources, while those between the states were for territories. But the imploded dimension came subsequent to the Cold War, a period when there was low or no buoying funds from the two sides to the Cold War. Thus, the continent was regarded as falling off the global map, particularly when African countries, mostly the resources laden ones that had earned a lot of revenue from such in time past, could barely support modicum living standard of their citizens.

The complicity of the oil multinationals in crises in Africa, the sudden reduction of the U.S. oil intake from Africa immediately its shale oil production kicked; the sudden discovery of an onshore site in "south England, near Gatwick airport"⁵; and the economic situations in the African oil producers, where the leaders have overtime fiddled the earnings, one fears a repeat of the convoluted economic situation that stoke crises within the continent some time ago. The concern is because of the necessity

¹ *The Vanguard*, (May 12, 2009); *The Daily Champion*, (April 10, 2009).

² D. Kar & D. Cartwright-Smith, *Illicit Financial Flows from Africa: Hidden Resource for Development. Global Financial Integrity Report* (Washington, D. C.: Center for International Policy, 2010), accessed on May 18, 2014, http://www.gfip.org/index.php?option=com_content&task=view&id=300&Itemid=75

³ B. Udo, Oil Multinationals, others stash Africa's tax billions yearly – AU, *PremiumTimes*, (March 30, 2014), accessed on June 14, 2015, www.premiumtimesng.com/business/157767-oil-multinationals-others-stash-africas-tax-billions-yearly-au.html/

⁴ Cyril Obi, "Oil, U.S. Global Security and the Challenge of Development in West Africa," *CODESRIA Bulletin*, (2008), 3 and 4, 38; R. Traub-Merz & D. Yates, ed., *Oil Policy in the Gulf of Guinea: Security Conflicts, Economic Growth, Social Development* (Bonn: Friedrich-Ebert Stiftung, 2004).

⁵ J. Moyla, "Oil discovery near Gatwick airport 'significant'," *BBC News*, (April 9, 2015), accessed on May 10, 2015, <http://www.bbc.com/news/business-32229203>; R. Midgley, "Billions of barrels of oil discovered near Gatwick airport," *The Telegraph*, (April 9, 2015), accessed on May 10, 2015, <http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/11525129/Billions-of-barrels-of-oil-discovered-near-Gatwick-airport.html>

to see beyond the 'façade' -depending on perspective- that Africa is on the move, (and) is one of the fastest growing regions in the world; in order to "distinguish the superficial", as Horkeimer argues, 'from the essential so that proper rational community can be in place.'¹ This might salvage the continent from witnessing the sliding of some of its units into deadly economic and security abyss.

Growing Insecurity in Africa

Security and insecurity in Africa are two sides of a coin, with each being if the other is low in appearance or nonexistent, within a space and/or duration. Threats to security are diverse in nature, hence the opinion that such threats cover the political, economic, military, environmental and societal landscapes. Buzan thus insists that:

... the military security concerns the two-level interplay of the armed offensive and defensive capabilities of states and states' perceptions of each other's intentions. Political security concerns the organizational stability for states, systems of government and the ideologies that give them legitimacy. Economic security concerns access to the resources, finance and markets necessary to sustain acceptable levels of welfare and state power. Societal security concerns the sustainability ... of traditional patterns of language, culture, and religious and national identity and custom. Environmental security concerns the maintenance of the local and planetary biosphere as the essential support system on which are all other human enterprises depend.²

The landscapes of considering in (security) in Africa are intertwined, with happenings in one capable of impacting others. However, the major security challenge occurs at the mind level, where many African men and women are losing the battles of survival. Really, the challenges within African societies are daunting, but guarding the mind against low morale is quite necessary to countering poverty and low existence. More so, African citizens have mostly trivialized their opportunity of bringing their countries out of the trappings of underdevelopment and poverty by electing wrong candidates for the job. In lieu of buying into René Descartes maxim of *Cogito ergo sum* and think deeply about moving their varying countries to new heights in international politics, many a leader in Africa (who would pass for mis-leaders anyways) only seek self-aggrandizement and elongation of tenure. Hence, the earnings that should have been used for necessary socio-economic frameworks for the development of the African units and better living standards of the citizens are laundered by the leaders or their cronies to their foreign accounts or employed in personal schemes meant to further their holds on the State's apparatus. Office holding in most of Africa has come to mean opportunity for amassing illicit gain; hence, elections are

seen by the candidates as scramble for enrichment. Because of this, most politicians have self-created pool of guards, who are well armed.

Since necessary socio-economic facilities are grossly lacking, most companies that should have been established and/or deepen their footings within the continent moved elsewhere. More so, cottage industries died naturally because of the dearth of these infrastructures. This creates a cesspool of unemployed or underemployed citizens who are willing to render their services to anyone or institution that is capable of paying. Some of these persons get engaged in illicit activities of oil theft, kidnapping, hostage taking, arson, narcotics and pharmaceuticals traffic, cybercrime, fraud, armed banditry, prostitution, piracy in all its ramifications, but majorly maritime piracy, and lately terrorism; all of which pose immense threats to peaceful existence on the continent. Nnamdi Obasi thus affirms that:

From Senegal where human traffickers seek to ship thousands into Europe annually, to Guinea-Bissau through which drug traffickers trans-ship narcotics from South America into

¹ Horkeimer, *Critical Theory*, 16.

² Barry Buzan, *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*, (Boulder: Lynne Rienner; Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991): 19-21.

Europe, to Nigeria where oil-related crimes are continually big business, the region (continent) is emerging as a new frontier of organized crime.¹

More so, the aspiration for portions of the continent increases as extra-regional powers make attempts to avoid geo-political tussle between them in the Middle East, the Caspian Sea and elsewhere, as events are revealing. By serving as supplies alternative, Africa in part is regarded as a salvage zone for the world; hence assisting in averting major powers engaging in gunboat diplomacy that might result from the scramble for space in an already chaotic zone. What major powers aim to avert may happen in Africa. If this occurs, how would the stability of the continent be guaranteed? This is because major powers might engage themselves through proxy, which could translate to spate of crises in the continent since Africa represents patches of allegiance. This might equally lead to unnecessary meddling in the domestic affairs of the African units by external powers. Such foreign interference, perhaps in the form of advice or support to the ruling family, might turn the government against the citizens; since the ruler may want to satisfy the yearnings of his benefactor(s).

There are concerns about the sequence of terrorism in the continent; since it threatens lives and properties, as well as statehood. Through prompt announcements and instant jostling for the continent, the major powers inadvertently accentuated the zone, particularly for terrorists. In 2003 for instance, the late kingpin of al-Qaeda – Osama bin Laden – instructed terrorists to focus on Nigeria, which was (as at then) having good rapport with the West, particularly the US. Osama is dead; there has however been an unhealthy upsurge in terror incidences in the continent. These cover the activities of al-Qaeda in the Maghreb (AQIM), Boko Haram in Nigeria, Tuaregs in Mali, and so on.

Further still, the major powers want Africa to become a perpetual market for their produces. Deconstructing this seeming innocuous offer reveals that it heralds serious dangers for the region. Its capacity to enervate the resolve to achieve technological mastery in the continent; serving as an avenue to turn the zone into a dump for the mass produced consumer goods from factories in the major powers; and deepening the proliferation of small arms and light weapons in the continent would become daunting for the units of the continent as time passes by. At a point, African Growth and Opportunity Act (AGOA) was for instance, adopted by the US government in order to access African markets. Adopting and extending this policy, the former Presidents Bill Clinton and George W. Bush administrations underscored the place of Africa to US' trading relations. The AGOA trading relationships were however predominated by US exports, particularly manufactured high technology goods and machineries, meant for African markets in return for the import of oil, strategic minerals and other natural resources, which must, as Melber explains, "meet the demands of US industries."² In another stead, the Chinese equally see in Africa a major market for their goods, and thus exports about 45% of manufactured products and 31% machinery and transport equipment to Africa. These include a considerable amount of weaponry.

Equally on the list of countries desiring Africa as a market are Britain, France, Brazil, Russia, Germany, Japan and India. This inordinate crave for market is also characterized by the desire to sell small arms and light weapons (SALW) as they perceive African units as (potential) buyers of the arms products. This is more so as "Germans and Britons have been identified as masterminds of arms deal ... meant for Nigeria.' In this stead, the Nigerian former President, Goodluck Jonathan 'pleaded with the European Union and other Western leaders to help Nigeria address the scourge of proliferation of small arms and light weapons"³, which had undermined its security and economy. Some of these arms are legally imported by African governments so as to guarantee their states

¹ Nnamdi K. Obasi, "Organised Crime and Illicit Bunkering: Only Nigeria's Problem?" in *Fuelling the World – Failing the Region? Oil Governance and Development in Africa's Gulf of Guinea*, ed., Michael Roll & Sebastian Sperling, (Abuja: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2011): 55-72.

² Helen Melber, "Global Trade Regimes and Multi-Polarity: The US and Chinese Scramble for African Resources and Markets," in *A New Scramble for Africa? Imperialism, Investment and Development*, ed., Roger Southall & Helen Melber, (South Africa: University of KwaZulu-Natal Press, 2009): 61.

³ C. Nwankwo, J. Alechenu, A. Adepegba, & A. Okpi, "Mystery Bombs: Police disown explosives imported in their name," *Sunday Punch*, (February, 12, 2012): 2.

military capacity; while illegal civilian importation is also continuing. Given its capacity to either invoke or enhance armed robbery and some of the other societal vices already mentioned, all of which negatively impact Africa's stability, the use that such illicit arms would be put to is better imagined than witnessed.

Conclusion

The anarchical milieu will always compel states to continually pursue individual agendas. This will drive development within the global system. An extreme of the state's egotistic push should be avoided so that selfish agenda would not lead into zero-sum race amongst states. Instead, they should think about how their actions are heating up the global system; thus, making the international arena an unsafe place for all. States need not continuously think of the ideological and developmental divide between them, which mostly pit them as North against South, or as rich/powerful and developed states against poor / weak and developing states. Instead, the thought should be of an extended family system in which states would pursue their different national agendas, and also take into consideration the inherent benefits that other states can derive in the process. It is only in this light that the negative challenges bedeviling our world daily can be holistically addressed; hence making the necessity of working together as one to dawn in our world. Thus, it is observed that if states would jointly pursue global interests and/or security, they would have a framework that would guarantee each state's national interests and security.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДЕТЕКТИВ

**ГИБЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ООН
ДАГА ХАММАРШЕЛЬДА:
НОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ**

А.Мезяев

17 сентября 1961 года тогдашний Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд и сопровождавшие его лица погибли в авиационной катастрофе, когда самолёт с указанными лицами на борту упал в районе г.Ндола (Замбия). Несмотря на то, что уже в то время имелись основания полагать, что катастрофа была спланированной акцией, официальные власти ООН предпочли всё списать на «трагические обстоятельства». Гибель Хаммаршельда, тем не менее, стала объектом среди следственных журналистов и общественно-политической литературы, в том числе, советской.¹

Первое расследование смерти генсека ООН было проведено Следственным комитетом Департамента гражданской авиации правительства Родезии и Ньясаленда в период с 19 сентября по 2 ноября 1961 года. Это расследование было продолжено Федеральной следственной комиссией, доклад которой был опубликован 19 февраля 1962 года. После этого во исполнение своей резолюции № 1628 от 26 октября 1961 года Генеральная Ассамблея ООН создала международную комиссию, которая сделала вывод о том, что доказательств насильственной смерти Хаммаршельда. ... Хотя свидетельства о том, что он был убит уже после собственно катастрофы самолёта, имелись. Однако эти свидетельства были названы «не подтвердившимися». Имелись и многие другие свидетельства, которые также были объявлены «неубедительными», но само существование которых с одной стороны, и очевидные пробелы и нестыковки в официальной версии, всё-таки привели к попытке заново рассмотреть это дело.

В 2013 году вопрос о новом расследовании обстоятельств гибели Д.Хаммаршельда был включён в повестку дня 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако на этой сессии вопрос не был рассмотрен, и его обсуждение было перенесено на 2014 год, когда была создана

¹ См.: Лесиовский В. М., Тайна гибели Хаммаршельда. - М.: Мысль, 1985. - 351 с.

«Независимая группа экспертов для изучения новой информации», касающейся гибели бывшего генсека. Обратим внимание: группе была поставлена задача всего лишь «изучения новой информации», но не проведения нового расследования. Свой первый доклад эта комиссия представила на 70-ю сессию ГА ООН в 2015 году.

Доклад завершился весьма неожиданными выводами. Группа экспертов заключила, что «с учетом всей совокупности новой информации и ее доказательственной ценности в том, что касается возможных причин гибели Хаммаршельда ... можно утверждать, что она не ставит под сомнение обоснованность, выводы и заключения первоначального отчета о посмертном обследовании тел пассажиров и членов экипажа самолета SE-BDY». ¹ Более того, Группа заявила, что «если Генеральная Ассамблея одобрит проведение каких-либо дополнительных расследований по этому вопросу, дополнительный опрос оставшихся в живых свидетелей, проживающих в Замбии, даст мало результатов» (!) Неожиданность данного вывода связана с тем, что в докладе содержится достаточно информации, чтобы прийти к прямо противоположным выводам. Не случайно, в полном противоречии с рекомендацией экспертов, Генеральная Ассамблея ООН постановила продолжить расследование.

В параграфе 18 группа экспертов отмечает, что появившаяся новая информация служит основанием для тщательного изучения причин смерти лиц, находившихся на борту самолета, которые были установлены в результате патологоанатомических исследований, проведенных родезийскими властями. Также существует связь между причинами смерти и авиакатастрофой в смысле того, в какое время они возникли – в момент или после крушения самолета.

При оценке доказательной ценности новой информации Группа сгруппировала материалы по двум категориям причин смерти, а именно:

- a) смерть от множественных травм или предположительно множественных травм, полученных в результате авиакатастрофы, и
- b) смерть, предположительно наступившая по какой-либо другой причине или причинам.

В том, что касается первой категории, результаты патологоанатомических исследований, проведенных в Северной Родезии в период с 21 по 24 сентября 1962 года в соответствии с Указом о следственных действиях, свидетельствуют о том, что, за исключением сотрудника по вопросам безопасности Организации Объединенных Наций (ААА), который скончался 23 сентября 1961 года и причина смерти которого была обусловлена почечной недостаточностью в результате обширных ожогов, полученных после авиакатастрофы, причиной смерти 15 других лиц, находившихся на борту самолета, стали, как это было установлено, множественные травмы или предположительно множественные травмы, полученные в результате авиакатастрофы.

Протоколы результатов вскрытия следует рассматривать вместе с докладом о медицинском расследовании крушения самолета «Трансэйр» DC6B в ночь с 17 на 18 сентября 1961 года, подготовленным докторами Х. Дугласом Россом, П. Дж. Стивенсом и Дж. Хиллсдоном Смитом для Родезийской следственной комиссии. В том, что касается второй категории, утверждение в отношении причины смерти, сделанное в связи с новой информацией, основывается на том, что Хаммаршельд получил смертельное огнестрельное ранение в лобную часть головы после авиакатастрофы, а также том, что в левой ноге одного из сопровождавших его шведских солдат (ВВВ), тело которого было сильно обожжено, было обнаружено пулевое ранение.

Ниже рассматриваются основные версии причин смерти Хаммаршельда.

Огнестрельные ранения и другие телесные повреждения

Новая информация, касающаяся утверждения о том, что в лобовой части головы Хаммаршельда было обнаружено круглое отверстие, была обнародована в интервью, опубликованном в номере шведской газеты «Афтенпостен» за 28 июля 2005 года. В этом интервью ныне покойный генерал-майор норвежской армии Бьёрн Эгге, который во время трагической гибели находился в составе Операции Организации Объединенных Наций в Конго (ООНК) и которого Организация Объединенных Наций конкретно направила в Ндолу сразу же после

¹ См. Письмо Генерального секретаря ООН, препровождающее Доклад Независимой группы экспертов, учрежденной резолюцией 69/246 // Документ ООН: A/70/132.

авиакатастрофы, с тем, чтобы он забрал шифровальный аппарат и портфель Хаммаршельда, утверждал, что, когда он увидел необработанный труп Хаммаршельда в больнице Ндолы, у него во лбу имелось круглое отверстие. Вывод, сделанный на основании вышеизложенного, сводился к тому, что бывший Генеральный секретарь не умер во время или в результате авиакатастрофы, а остался жив и был застрелен после этого. Согласно информации, содержащейся в книге *“Drommenes palass: Trygve Lie og Dag Hammarskjöld-en berating”* (Бодил Катарина Ньюваль «Дворец мечты: история Трюгве Ли и Дага Хаммаршельда», 2000 г.), Эгге также заявил, что на одной из фотографий трупа это отверстие было сильно отретушировано, так что его практически не было видно.

Ни в докладе Родезийской следственной комиссии, ни в докладе Комиссии Организации Объединенных Наций не указывается, было ли им известно об утверждении Эгге и рассматривали ли они его. Также нет никаких свидетельств того, что Эгге рассказывал какому-либо должностному лицу Организации Объединенных Наций об отверстии в лобовой части головы Хаммаршельда, увиденном им в больнице Ндолы, в тот момент или сразу же после этого.

Убийство на месте наемниками

Помимо этой информации имеются также утверждения, сделанные рядом бывших наемников, которые якобы говорили или признавались в том, что они застрелили Хаммаршельда или некоторых из членов сопровождавшей его группы на месте авиакатастрофы сразу же после крушения самолета. Один из элементов новой информации, представленной Китом Ховардом Осмондом, касается того, что в июне 1999 года после встречи выпускников Школы Герцога Йоркского, состоявшейся 12 августа 2013 года, он повстречал своего одноклассника Колина Джона Купера в гостинице «Холидей инн» в Тонтоне (Великобритания). Последний сообщил ему о том, что авиакатастрофа была инспирирована и что ему и еще одному южноафриканскому наемнику по имени Сванепул было поручено обеспечить, чтобы Хаммаршельд погиб в авиакатастрофе. Он далее заявил, что после того, как он услышал звук падения самолета, он и несколько его сослуживцев сели в машину «Лэндровер» и приехали на место катастрофы, причем они были первыми. Сванепул заявил, что Хаммаршельд и два его телохранителя были живы после авиакатастрофы и что он якобы застрелил Хаммаршельда и двух других оставшихся в живых людей. После этого Сванепул и его сослуживцы предположительно изрешетили обломки самолета пулями. Купер якобы также заявил, что за свои услуги он получил бутылку «Кока-колы», наполненную алмазами.

Ранее в ноябре 2005 года Купер был допрошен норвежской полицией в участке в Оппегард-Байлифф, где он рассказал о том, что решил наняться наемником в Катанге и что во время пребывания в Элизабетвиле он жил в одном номере с южноафриканским наемником по имени Сванепул, у которого имелся опыт службы в полиции или вооруженных силах. Как-то вечером, когда Сванепул находился в состоянии алкогольного опьянения и у него «развязался язык», он похвастался тем, что участвовал в убийстве Хаммаршельда после авиакатастрофы и застрелил его оставшегося в живых телохранителя, который пытался выбраться с места аварии, и что у всех, кто находился на борту, включая Хаммаршельда, имелись множественные огнестрельные ранения. Предоставленная Группе информация указывает на то, что во время авиакатастрофы власти Катанги имели в своем распоряжении приблизительно 500 наемников. 17 сентября 1961 года наемники также находились в аэропорту Ндолы.

В материалах, предоставленных Группе Хаммаршельдской комиссией, содержится информация о том, что 26 декабря 1962 года человек по имени Джон Бенжамин Эбрнезар Сванепул был допрошен сотрудником Организации Объединенных Наций по проведению расследований майором А. Эриксоном. Дж.Сванепул сообщил следователю о том, что он является сотрудником катангской жандармерии и что он вернулся в Катангу в середине июля 1961 года и находился там до октября 1961 года, после его госпитализировали в Колвези вследствие телесного повреждения, полученного во время охоты. В этих материалах также имеется справка о том, что 21 марта 1963 года Дж.Сванепул был репатриирован Организацией Объединенных Наций из Элизабетвиля. На основании представленной ей информации Группа не в состоянии

определить, является ли Дж.Сванепул тем же лицом, о котором говорили Колин Джон Купер или Кит Ховард Осмонд.

В связи с проведением оценки доказательной ценности новой информации Группа обращалась к правительству Южноафриканской Республики за помощью в определении и оценке достоверности информации, касающейся Сванепула. В частности, 23 апреля 2015 года Группа обратилась с просьбой о том, чтобы компетентные власти Южной Африки попытались отыскать и представить ей любую имеющуюся в их распоряжении информацию, касающуюся этого утверждения, а также любую другую имеющуюся у них соответствующую информацию о существовании и деятельности одного или нескольких южноафриканцев по имени Сванепул, которые работали в качестве наемников в Катанге в 1961 г. На момент подготовки настоящего доклада Группа еще не получила ответа.

С учетом этого и принимая во внимание противоречивые и весьма различающиеся показания Осмонда и Купера, касающиеся существа вопроса; неконкретное и расплывчатое определение ими наемника по имени Сванепул, которое весьма распространено в Южной Африке; и поскольку мы должны вскоре изложить выводы и заключения, сделанные по итогам патологоанатомических исследований, включая заключение судебно-медицинских экспертов, Группа пришла к выводу о том, что доказательная ценность новой информации о том, что наемники по имени Сванепул или Купер застрелили Хаммаршельда на месте авиакатастрофы, является ничтожной.

Был ли Хаммаршельд найден живым или мертвым?

В октябре 2010 года Джон Нгонго, один из очевидцев трагических событий, сделал заявление шведскому ученому Горану Бьоркдалю о том, что в момент авиакатастрофы он находился в лесу вместе со своим ныне покойным коллегой и учился изготавливать древесный уголь. Он сообщил, что самолет разбился в 300 метрах от их шалаша. На рассвете они пришли на место катастрофы и увидели прислоненного к муравейнику человека, у которого руки были отведены за голову. Он, по-видимому, был жив, но находился на грани смерти. Каких-либо повреждений на его теле заметно не было.

В заявлении, сделанном шведским исследователям Х.Сименсену и К.Хаммеру более года спустя, 15 декабря 2011 года, он сказал, что человек, которого он видел, был мертв. Позднее, 23 февраля 2011 года, он сказал Бьоркдалю, что расстояние между ним и обломками самолета составляло около 500 метров и что человек, которого он видел, был мертв. В еще одном заявлении, сделанном теперь уже для Хаммаршельдской комиссии 13 июня 2013 года, Нгонго заявил о том, что человек, которого он видел, лежал на спине с отведенной за голову рукой и, несмотря на приличное расстояние между ними, он понял, что этот человек мертв.

Нельзя отрицать то, что Нгонго находился на месте авиакатастрофы; учитывая, что он оказался там приблизительно в 05 ч. 00 м., т.е. приблизительно через пять часов после катастрофы; существенные противоречия между его первым заявлением и последующими заявлениями по поводу того, был ли человек, которого он видел, живым или мертвым; то, что обломки самолета находились в процессе тления, что в результате этого происходили взрывы, и что приближаться к обломкам было опасно; то, что в то время он вряд ли знал, кем был Хаммаршельд; и медицинскую информацию о том, что он скончался мгновенно, Группа считает, что его первоначальное заявление о том, что человек, которого он увидел на рассвете на месте авиакатастрофы, был жив или находился на грани смерти, не имеет никакой доказательной ценности.

Огнестрельное ранение, полученное одним из солдат

25 января 2013 года Адриан Иден Бегг, который во время трагических событий являлся младшим инспектором полиции Северной Родезии, сообщил Хаммаршельдской комиссии о том, что 19 сентября 1961 года во время посещения места катастрофы для оказания содействия в поисках фрагментов самолета он обнаружил тело шведского солдата, спрятанное под обломками, которое, как он считает, принадлежало военнослужащему (ВВВ) и которое он сфотографировал. Тело было сильно обожжено, а на левом бедре, по-видимому, имелось

огнестрельное ранение. Среди находившихся поблизости обломков самолета лежали остатки автомата калибра 9 мм. По его мнению, ранение бедра могло стать результатом либо взрыва, либо детонации боеприпасов, имевшихся у солдата.

Бегг также утверждал, что во время пребывания на месте авиакатастрофы он сфотографировал тело солдата. В действительности на сделанной им фотографии изображено не тело шведского солдата (ВВВ), а тело другого погибшего в результате авиакатастрофы (ССС), у которого на левой руке была бело-голубая повязка Организации Объединенных Наций.

По итогам патологоанатомического исследования трупа человека, которого Бегг фактически видел и сфотографировал (ССС), в качестве причины его смерти были указаны множественные травмы, полученные вследствие авиакатастрофы. У него был зафиксирован перелом правого бедра, на нижней части правой ноги (внутри, в середине и сбоку) отсутствовала значительная часть ткани, а в районе голеностопного сустава был перелом со смещением. На левой ноге имелась обширная рана на боковой части середины бедра, но само бедро повреждено не было.

Патологоанатомические исследования

При оценке доказательной ценности новой информации, касающейся причины смерти, Группа отметила, что и Родезийская следственная комиссия, и Комиссия Организации Объединенных Наций придавали большое значение результатам патологоанатомических исследований и докладу о медицинских исследованиях, подготовленному докторами Россом, Стивенсом и Смитом. Родезийская следственная комиссия пришла к выводу о том, что Хаммаршельд, тело которого было выброшено из самолета за пределы зоны пожара, и еще восемь человек, находившихся на борту, погибли во время авиакатастрофы. Некоторые другие (за исключением ААА), кто не погиб в результате удара о землю, по крайней мере, потеряли сознание и были не в состоянии покинуть место крушения. Вывод Родезийской комиссии заключался в том, что Хаммаршельд скончался мгновенно. Было установлено, что патроны и осколки других боеприпасов, обнаруженные в телах двух шведских солдат (DDD и ВВВ), попали в них в результате детонации боеприпасов от вспыхнувшего пожара. В результате проведения баллистической экспертизы также было установлено, что ни один из них не прошел через нарезной ствол. Комиссия Организации Объединенных Наций высказала аналогичные мнения по этому вопросу.

После изучения имеющейся медицинской информации и в заключении, вынесенном 11 мая 2011 года для д-ра Уильямса, научного сотрудника Королевского патологоанатомического колледжа (Великобритания), д-р Роберт Ян Ванхеган высказал мнение о том, что на рентгеновских снимках Хаммаршельда не было обнаружено никаких инородных предметов с металлическими фрагментами, таких как патроны, и что не существует никаких медицинских свидетельств того, что у него имелось проникающее ранение головы. Д-р Ванхеган заявил, что траектория движения пуль, обнаруженных в тканях двух солдат (DDD и ВВВ), не свидетельствует о том, что они были выпущены из огнестрельного оружия, и что на них не имеется каких-либо следов от нарезов. Он пришел к выводу о том, что патологоанатомические исследования всех трупов не позволили получить доказательства того, что какое-либо лицо было застрелено преднамеренно или что применение огнестрельного оружия стало одной из причин авиакатастрофы.

Хаммаршельдская комиссия также запросила экспертные мнения трех выдающихся патологоанатомов, в частности профессора Леннарта Раммера из Линчепинга; профессора Кристера Буша из Уппсалы и д-ра Дерика Джеймса из Кардиффа. В своем совместном заключении, вынесенном 24 июля 2013 года, они (после изучения медицинской и другой соответствующей информации, но, не имея в своем распоряжении рентгеновских снимков, сделанных при вскрытии) пришли к выводу о том, что в протоколах результатов вскрытия не имеется никаких доказательств того, что Хаммаршельд был застрелен или что он погиб в результате взрыва или задымления. По их мнению, патологоанатомические исследования в значительной степени свидетельствуют о том, что наиболее вероятной причиной смерти стала травма

в виде разможнения груди с множественными переломами ребер, грудной кости и грудного отдела позвоночника и кровотечением в полости плевры; все это могло привести к остановке дыхания вследствие нарушения стабильности грудной стенки («флотация грудной клетки»). По их мнению, внешний вид повреждений со всей очевидностью говорит о том, что они стали результатом действия тормозящей силы при выбрасывании из самолета и последующего удара тела о землю. Наличие травм также свидетельствует о том, что Хаммаршельд был жив в тот момент, когда они были получены. По их мнению, в этом случае время выживания могло быть весьма коротким, хотя дать точную оценку этого не представляется возможным, а Хаммаршельд, по всей видимости, потерял сознание от травмы головы в результате удара о землю.

Принимая во внимание утверждения, связанные с новой информацией в отношении причины смерти, и связь этого вопроса с авиакатастрофой и вопросами, касающимися уместности первоначальных патологоанатомических исследований, проведенных докторами Россом, Стивенсом и Смитом, Группа сочла целесообразным запросить мнение трех независимых и авторитетных судебно-медицинских экспертов.

Заместитель главного судебно-медицинского эксперта Института судебно-криминалистической экспертизы при Университете Южной Дании профессор Петер Юэль Тиис Кнудсен пришел к выводу о том, что имеются если не доказательства, то веские свидетельства в пользу того, что Хаммаршельд был жив в тот момент, когда он получил телесные повреждения, и что вероятность получения им огнестрельного ранения в голову, в частности до крушения самолета, весьма невелика. Он высказал мнение о том, что с учетом полученных им телесных повреждений Хаммаршельд мог оставаться в живых только в течение нескольких секунд и что получение огнестрельного ранения в голову после того, как он скончался, также является весьма маловероятным и противоречит результатам вскрытия. Он высказал также мнение о том, что подозрение в отношении выстрела в голову имеет чисто спекулятивный характер и никак не поддерживается результатами вскрытия. В заключение он сделал оговорку о том, что отсутствие огнестрельных ранений на теле Хаммаршельда или других погибших людей, за исключением ранений от взрыва боеприпасов, не исключает возможности того, что самолет был сбит.

Главный судебно-медицинский эксперт Онтарио и профессор лабораторной медицины и патобиологии в Торонтском университете профессор Майкл С. Полланен также высказал мнение о том, что все находившиеся на борту люди, возможно, погибли от травм, полученных в результате авиакатастрофы или вспыхнувшего в ее результате пожара, что не имеется никаких медицинских свидетельств того, что Хаммаршельд получил одно или несколько огнестрельных ранений в голову и что обнаружение металлических осколков в телах двух солдат, находившихся на борту самолета, в том числе пуль и фрагментов гильз, объясняется тепловым воспламенением находившихся в самолете боевых патронов после его крушения, а не применением огнестрельного оружия. Кроме того, он высказал мнение о том, что смерть наступила не до момента крушения самолета, поскольку пассажиры получили ставшие причиной их смерти телесные повреждения во время крушения, когда они были еще живы. Он выразил также мнение о том, что в протоколах результатов вскрытия не содержится никаких данных, которые позволили бы определить причину крушения самолета. Он пришел к выводу о том, что не существует каких-либо медицинских или научных оснований для эксгумации тела Хаммаршельда или тел других погибших. Полланен согласился с выводами и заключениями, сделанными докторами Россом, Стивенсом и Смитом, к которым они пришли на основании результатов патологического исследования, проведенного на месте авиакатастрофы, рентгеновских обследований, внешних и внутренних обследований и лабораторных анализов (гистология и токсикология).

Новая информация, полученная, в том числе, от Эгге, также имеет своей целью поставить под сомнение уместность протоколов результатов вскрытия, которые, согласно утверждению Эгге, были изъяты из материалов дела во время посещения им больницы в Ндоле сразу же после авиакатастрофы. По мнению Группы, проверенное наличие протоколов результатов

вскрытия среди документов Роя Веленски в архивах Бодлеянской библиотеки; протоколов результатов вскрытия в архивах д-ра Дж. Хиллсдона Смита в Канцелярии главного судебно-медицинского эксперта Онтарио в Торонто; и в архивах д-ра Хью Дугласа Росса в Дандийском университете полностью лишает указанное утверждение какой-либо доказательной ценности. В том что касается наличия и доступности медицинских архивов, Группа хотела бы выразить признательность правительству Швеции за принятое им решение снять гриф секретности с доклада о медицинской информации, хранящегося в Национальном архиве Швеции. Также, Группа высоко оценила решение Дандийского университета разрешить выдачу и предоставить в распоряжение Группы свой обзор соответствующих медицинских документов, хранящихся в его архивах.

При изучении по поручению Группы архивов д-ра Росса, хранящихся в архивной службе Дандийского университета, директор Центра судебной медицины при Дандийском университете профессор Стюарт Флеминг обнаружил два элемента первичных судебно-медицинских документов, а именно: полный комплект подлинных рентгеновских снимков, включающий 200 рентгеновских снимков всех 15 жертв авиакатастрофы и рентгеновские снимки перелома голеностопного сустава у сержанта Джулиена; и большую диаграмму под названием «Анализ результатов вскрытия жертв крушения самолета Организации Объединенных Наций в Ндоле в ночь с 17 на 18 сентября 1961 года» («диаграмма»), представляющую собой отчет патологоанатома о результатах вскрытия всех 16 жертв, который, как считается, был составлен одновременно с протоколами результатов вскрытия.

После изучения первичных материалов, в частности 200 рентгеновских снимков, и сверки информации о травматических повреждениях с соответствующей информацией, содержащейся в диаграмме и отчете о медицинском исследовании, профессор Флеминг высказал мнение о том, что во время проведения патологоанатомических исследований все повреждения были зарегистрированы правильно. Кроме того, в том что касается Хаммаршельда, он высказал мнение, что рентгеновские снимки со всей очевидностью доказывают серьезность травмы его грудной клетки и то, что она была получена в результате удара самолета о землю. На основе этих выводов и описания грудной клетки, позвоночника, шеи и головы покойного, составленного д-ром Россом после вскрытия, он сделал вывод о том, что смерть наступила в результате остановки дыхания, обусловленного повреждением грудной клетки во время авиакатастрофы. По его мнению, жертва такой катастрофы могла оставаться в живых только в течение короткого периода времени и практически наверняка находилась без сознания вследствие травмы головы, описание которой содержится в отчете о медицинском расследовании. После изучения рентгеновских снимков черепа Хаммаршельда он с уверенностью сделал вывод о том, что, вопреки утверждению Эгге, на лобовой части головы Хаммаршельда не имеется следов огнестрельного ранения.

В отчете о медицинском расследовании признается, что Эгге официально опознал труп Хаммаршельда в больнице в Ндоле. Его труп был также опознан его племянником – Кнудом Хаммаршельдом. Принимая во внимание соответствующую информацию; тот факт, что Эгге немедленно не информировал органы ООН, специально направившие его в Ндолу, или своих норвежских военных руководителей о том, что он предположительно видел на лобовой части головы Хаммаршельда в больнице в Ндоле; необъяснимые задержки с разглашением якобы новой информации; совпадающие мнения судебно-медицинских экспертов, с которыми провела консультации Шведская королевская медицинская комиссия (д-р А. Фрикхольм и д-р Н. Рингертц) в ходе расследования, проводившегося Следственной комиссией ООН; и мнения соответствующих экспертов, с которыми провели консультации д-р Сюзан Уильямс, Хаммаршельдская комиссия и данная Группа и которые в целом подтверждают правильность и обоснованность первоначальных протоколов о результатах вскрытия, составленных докторами Россом, Стивенсом и Смитом, а также содержащиеся в них выводы, Группа считает, что утверждение Эгге о том, что в лобовой части головы Хаммаршельда имелось пулевое отверстие, какой-либо доказательной ценности не имеет.

Кроме того, принимая во внимание ошибку, допущенную Беггом при опознании личности жертвы, и утверждение о том, что на теле человека, которого он видел, имелись следы пулевых ранений, что противоречит протоколу о результатах вскрытия, Группа пришла к выводу о том, что представленная им информация имеет ничтожную доказательную ценность.

Для полноты можно добавить, что, несмотря на то, что соответствующие судебно-медицинские эксперты, с которыми провели консультации Хаммаршельдская комиссия и Группа, в целом также согласны с тем, что патологоана-томические исследования, проведенные докторами Россом, Стивенсом и Смитом, были довольно короткими и что описание внешнего вида, размера и расположения некоторых телесных повреждений было более кратким по сравнению с тем описанием, которое следовало бы составить в соответствии с современными стандартами судебно-медицинской экспертизы, они также отметили их высокое качество и профессиональный уровень и то, что в них точно и полностью задокументированы все телесные повреждения, которые также можно видеть на соответствующих рентгеновских снимках, и что они, вероятно, соответствовали действовавшим в то время стандартам.

В том что касается еще одного утверждения Эгге о том, что одна из фотографий была сильно отретуширована с тем, чтобы скрыть пулевое отверстие в лобовой части головы Хаммаршельда, Группа не смогла отыскать подлинные негативы или снимки лба или тела Хаммаршельда, сделанные на месте катастрофы или в морге больницы в Ндоле, и поэтому она не может произвести техническую оценку такого утверждения. Кроме того, в связи с отсутствием полной идентифицирующей информации Группе не удалось выяснить авторитетность и уровень квалификации специалиста, который упоминался в статье газеты «Афтенпостен» и на мнении которого Эгге основывал свое утверждение. Д-р Ванхеган, который проанализировал три фотографии Хаммаршельда, высказал мнение о том, что определить, в каком положении находилось тело в тот момент, когда оно было обнаружено, или на каком расстоянии оно находилось от места падения самолета, не представляется возможным. Принимая во внимание все вышеизложенное и характер необоснованного утверждения, Группа пришла к выводу о том, что доказательная ценность новой информации о том, что одна из фотографий Хаммаршельда была сильно отретуширована, является незначительной.

Несмотря на очевидную попытку членов группы экспертов отклонить любые новые свидетельства, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун настоял на продолжении следствия. На текущую, 71 сессию ГА ООН он представил специальную записку о состоянии дел с новым расследованием. Данная записка также содержит ряд интересных моментов, которые следует отметить.

Во-первых, генсек ООН отметил, что, хотя Группа экспертов и заявила несостоятельность ряда гипотез относительно возможных причин крушения самолета, в конечном итоге был обнаружен значительный объем новой информации, которая имеет достаточную доказательную ценность для проведения дальнейшего расследования гипотезы о воздушном нападении или каком-либо другом вмешательстве в качестве возможной причины крушения.

Пан Ги Мун обратил внимание на то, что в докладе группы экспертов содержится информация, которая «может также представлять собой важный след для нахождения истины в отношении возможной причины или причин авиакрушения и трагической гибели людей».¹

Рассмотрев доклад Группы, Генеральная Ассамблея в своей резолюции №70/11 вновь призвала государства-члены к полному раскрытию имеющейся у них информации и к сотрудничеству, а также просила генсека продолжать добиваться представления государствами-членами информации Группе в соответствии с теми направленными им просьбами, на которые пока не было получено полного ответа. Пан Ги Мун решил действовать «точечно» и направил запросы конкретным государствам: Бельгии, Южно-Африканской Республике, Великобритании и США. Однако полученные ответы не привнесли дополнительной ясности. Ответ

¹ Записка Генерального секретаря ООН «Расследование условий и обстоятельств, приведших к трагической гибели Дага Хаммаршельда и членов сопровождавшей его группы» // Документ ООН: A/70/1017 от 17 августа 2016 года.

Бельгии не дал никакой новой информации. Ответ Соединенного Королевства лишь повторяет информацию, представленную Группе экспертов. Ответ Соединенных Штатов не содержал ответов на все поставленные вопросы и по-сути, выглядел отпиской.

Но вот ответ Южной Африки оказался существенно иным.

Note No. 373 / 2016

The Permanent Mission of the Republic of South Africa to the United Nations presents its compliments to the Office of Legal Affairs and Legal Counsel of the United Nations, and has the honour to refer to the letter dated 18 November 2015 requesting assistance from the South African authorities in acquiring possible new information relating to the death of former UN Secretary-General Mr Dag Hammarskjöld in 1961.

The Republic of South Africa wishes to assure the Office of Legal Affairs of its full support of the investigation and for the request to provide the Secretary-General with relevant information related to the death of Mr Dag Hammarskjöld and the members of the party accompanying him. The Republic of South Africa has taken note of the Report of the Independent Panel of Experts, which, amongst others, notes a revelation made during the Republic of South Africa's Truth and Reconciliation Commission (TRC) hearings in 1990s pointing to the possible involvement of an "SA Institute for Maritime Research (SAIMR)" in the death of Mr Hammarskjöld.

The Department of Justice and Constitutional Development has directed that a search be undertaken for any documents, records or information in compliance with the above UN General Assembly resolution. The Secretary-General, through the Office of Legal Affairs will be kept abreast of developments once the documentation has been located and the request from the Office of Legal Affairs will be considered in-line with the relevant constitutional and legal requirements of the Republic of South Africa.

The Permanent Mission of the Republic of South Africa to the United Nations avails itself of this opportunity to renew its highest consideration to the Office of Legal Affairs and Legal Counsel of the United Nations.

1 July 2016
New York

Office of Legal Affairs and Legal Counsel
United Nations
New York

Как заявил генсек ООН, некоторые документы – при условии, что речь идет об оригиналах, – ранее не рассматривались в рамках ни одного из расследований. В копиях этих документов, на которые ссылается Группа, якобы говорится об операции под названием «Челеста», целью которой было «устранение» Хаммаршельда. Поскольку Группа располагала лишь «копиями плохого качества», она не смогла установить подлинность этих документов. Если Южная Африка теперь представит их оригиналы, то, вероятно, можно будет провести их криминалистический анализ и другие виды экспертной оценки, чтобы установить их подлинность. На основе вывода о том, являются ли они подлинными, можно будет констатировать состоятельность или несостоятельность гипотезы, касающейся операции «Челеста», что в любом случае стало бы вкладом в установление исторической истины.

Генеральный секретарь ООН подчеркнул, что для целей любого дальнейшего исследования обстоятельств или расследования целесообразно провести оценку потенциально новой информации, включая любую информацию, имеющуюся у Южной Африки. Соответственно, Пан Ги Мун предложил, чтобы Генеральная Ассамблея поручила ему назначить «видного деятеля» для изучения такой потенциально новой информации, включая информацию, которой может располагать Южная Африка. После этого это видное лицо смогло бы определить масштаб такой работы по исследованию обстоятельств или такого расследования.

23 декабря 2016 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию № 71/260 «Расследование условий и обстоятельств, приведших к трагической гибели Дага Хаммаршельда и членов сопровождавшей его группы».

Данная резолюция поручила Генеральному секретарю назначить «видного деятеля» в целях изучения потенциально новой информации, включая информацию, которая может быть получена от государств-членов, для оценки ее доказательной ценности, определения масштабов любого дальнейшего следствия или расследования и, по возможности, формулирования выводов по результатам уже проведенных расследований.

Резолюция также призвала все государства-члены ООН предать огласке любые значимые материалы, имеющиеся в их распоряжении, и предоставить Генеральному секретарю соответствующую информацию, касающуюся гибели Дага Хаммаршельда и членов сопровождавшей его группы. Текст содержит также призыв к государствам обеспечить, чтобы любые соответствующие материалы, имеющие отношение к гибели Дага Хаммаршельда, которые и сейчас, спустя более 50 лет после рассматриваемых событий, остаются засекреченными, были рассекречены или каким-либо иным образом представлены для рассмотрения. Вопрос будет вновь рассмотрен на следующей сессии ГА ООН.

Совершенно очевидно, что новая попытка расследования гибели Д.Хаммаршельда натывается на мощное противодействие как со стороны отдельных государств, так и, вероятно, иных акторов. В этом контексте стоит обратить внимание на то, что гибель генсека ООН непосредственно связана с тригическими событиями в Демократической Республике Конго, включая убийство премьер-министра Патриса Лумумбы и ролью самого Хаммаршельда в этих событиях. В 1960-1961 годах советское правительство прямо указывало лично на Хаммаршельда как на виновника и самого конголезского кризиса и убийства П.Лумумбы. И такой оценке имелись самые серьезные основания. Не случайно впервые в истории нашей дипломатии СССР отказался признавать Хаммаршельда в качестве генерального секретаря ООН.

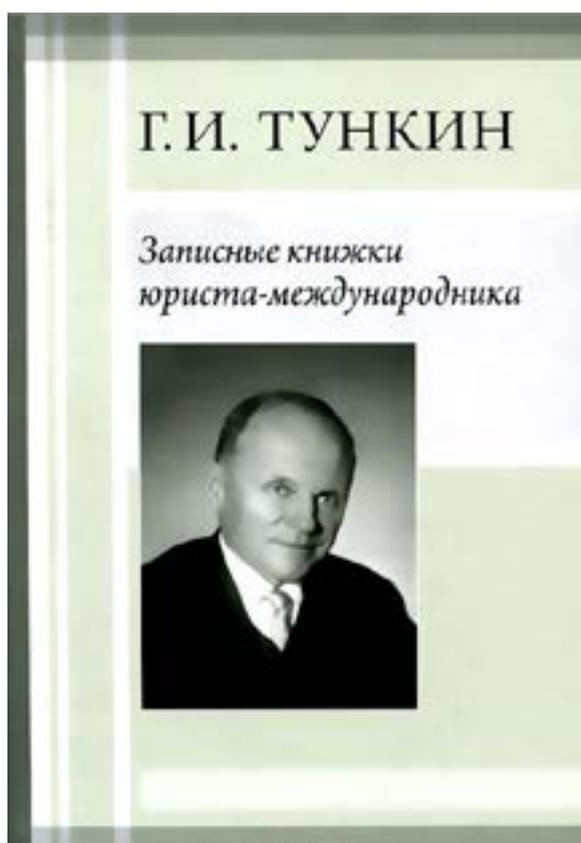

Даг Хаммаршельд в сопровождении Мобуту Сесе Секо и других лиц, совершивших государственный переворот и убийство П.Лумумбы

Тем не менее, попытки нового расследования гибели Хаммаршельда в отрыве от расследования событий в Конго и роли самого генсека в них, вряд ли приведут к успеху. Пожалуй, будут получены новые доказательства, ещё больше ставящие под сомнение официальную версию событий, но под теми или иными предлогами («Группа считает, что утверждения о том, что в лобовой части головы Хаммаршельда имелось пулевое отверстие, какой-либо доказательной ценности не имеет») они не получают своего логического завершения. Всё будет представлено как «свидетельства имеются, но доказательственной силы они не имеют». Причём, почему они такой силы не имеют – сказано не будет, потому как у группы экспертов нет правил процедуры, которые устанавливают стандарты доказательств. Группа просто «считает». Она же «независимая». Закрытость архивов по «делу Хаммаршельда» на самом деле является следствием грязной игры этих государств в отношении Конго. И такие архивы никто открывать не будет. В значительной части это подтверждают и новые исследования отдельных авторов-энтузиастов, потративших многие годы работе в архивах, в частности, профессора С.В.Мазова. Его недавно изданный фундаментальный труд «Холодная война в «Сердце Африки». СССР и Конголезский кризис», собранный по крупицам доступных архивных материалов США, убедительно показывает, что данный «кризис» был международным преступлением, в котором участвовали многие государства.¹ Таким образом, перспективы установить истину по делу о гибели Хаммаршельда без решимости ООН установить истину по делу о Конго и убийстве Лумумбы, выглядят не только маловероятными, но и лицемерными.

¹ См. подробнее рецензию на данную книгу профессора Ю.Н. Винокурова, опубликованную в настоящем номере нашего журнала.

**ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ ТУНКИН.
ЗАПИСКИ ЮРИСТА-МЕЖДУНАРОДНИКА**

Я пишу свои работы по международному праву не только головой, но и сердцем.

Меня утешает мысль о том, что тем самым я что-то делаю для самого главного: сохранения и упрочения мира. Часто я буквально «выстрадаваю» теоретические положения, продумываю их десятки раз. Иногда на это уходят не месяцы, а годы.

В 2012 году вышли на английском языке,¹ а в 2014 и на русском языке записки Григория Ивановича Тункина.² Данные записи являются расшифровкой его дневников, которые Г.И.Тункин вёл с 1962 года и до конца жизни.

Большую роль в подготовке публикации сыграл профессор Уилльям Батлер, являвшийся редактором английского варианта издания, которое включало также избранные лекции Григория Ивановича, прочитанные им в Гаагской академии международного права. Книга открывается его предисловием и выражает дань уважения советскому учёному: «Он представ-

¹ The Tunkin Diary and lectures. The Diary and Collected Lectures of G.I.Tunkin at the Hague Academy of International Law. Ed. By W.E.Butler, V.G.Tunkin. Hague. Eleven International Publishing.201

² Тункин Г.И. Записные книжки юриста-международника. Москва – Санкт-Петербург. Коло. 2014. – 224 с.

лял тот подход к теории публичного международного права, который признавал существование международного права, в равной степени обязательного и для Востока, и для Запада ... У него не было серьёзного конкурента, кто мог бы претендовать на роль ведущего юриста-международника в Советском Союзе».

Тяжёлое впечатление оставляет предисловие, написанное президентом Института международного права Р.А.Мюллерсоном. Свысока пишет он о своей бывшей родине: *«Но чего он не мог принять – это то, что вся советская система не поддавалась какой-либо результативной реформе и должна была быть демонтирована. ... В конце 1989 г. или в начале 1990 г. Григорий Иванович однажды позвонил мне и объяснил, что политика Бориса Ельцина приведёт к развалу Советского Союза. Поэтому он предложил мне вместе с ним написать статью, раскрывающую всю опасность политики Ельцина. Но к тому времени я уже пришёл к выводу о неизбежности конца советской системы и распада СССР, и хотя я старался объяснить свою точку зрения моему Учителю в довольно осторожной, вежливой форме, избегая прямолинейности, этот эпизод значительно охладил наши отношения»*. И так, по г-ну Мюллерсону СССР «неизбежно» должен распасться! Подобные «гениальные» мысли в книге памяти Г.И.Тункина по меньшей мере, неуместны.

Впрочем, главная часть книги, конечно, дневники самого Григория Ивановича. В настоящем номере мы публикуем выдержки из его дневниковых записей, которые, на наш взгляд, отражают наиболее яркие события международно-правовой жизни того времени.

1962 год

27 октября

Лондон. Вопрос о Комитете по мирному сосуществованию занял на Совете часа два. Я выступал очень мягко, в примирительном тоне, имея в виду выступить более резко, если понадобится. Сказал, что Ассоциация международного права стала мировой организацией. Это соответствует предмету, каким она занимается, – общее международное право. В текст (решения) мы должны быть готовы включить различные тенденции. Однозначно желательно продолжить работу по мирному сосуществованию, чтобы закончить её. Почему не удовлетворить это желание?

Другие хотят изучать иные вопросы. Пожалуйста. Можно взять те два вопроса, которые упомянул Мак-Нейр. Можно поручить всё это одному Комитету, можно создать дополнительный Комитет.

Американцы настаивали на своём. Перед заседанием я говорил с Мак-Нейром. Сказал, что ситуация серьёзная, но что он может способствовать её разрешению. На заседании я предложил взять за основу предложение Мак-Нейра, добавив из брюссельской резолюции пункт о составлении списка принципов мирного сосуществования.

Моя примирительная речь и предложения были хорошо встречены. Кошо фактически отрёкся от проекта резолюции, который ему навязал Олмстид. Видя такое настроение, Мак-Нейр, поговорив со мной, внёс предложение: Комитету довершить работу к конференции 1964 года, после чего его можно выдать. Создать для изучения двух вопросов новый комитет. Результат голосования: 25 за, 3 (американцы) против.

После Совета заседаний нет. Окончилось в 16-15. Шварценбергер пригласил меня к себе в гости в Боег (Дания).

Подписание Совместной декларации социалистических стран по обеспечению мира и безопасности в Европе.

Г.И.Тункин и В.М.Молотов. Москва, 1954 год.

26 ноября

Москва. Я пишу свои работы по международному праву не только головой, но и сердцем. Меня утешает мысль о том, что тем самым я что-то делаю для самого главного: сохранения и упрочения мира. Часто я буквально «выстрадываю» теоретические положения, продумываю их десятки раз. Иногда на это уходят не месяцы, а годы.

1963 год

24 января

Поезд Женева – Вена. Скоро Вена. Хорошо выспался, отдохнул. Зато вчера спал всего 5 часов. Долго провозился со статьёй «Le droit international de la coexistence pacifique» для «Melange Rolin». Вздумал написать сразу по-французски, ну а это трудно. Правда, это уже вторая статья, написанная по-французски. Первая – «La guerre froide et le droit international» для «Revue Comprendre»¹². Статью закончил только вчера утром. Надо было закончить, т. к. я уже опаздывал со статьёй.

Уехал я из Женевы несколько раньше срока – подкомитет по правопреемству государств и правительств должен закончить работу 25 января. Но по существу всё уже сделано. Я торопился, т. к. 31 января начинается ежегодное собрание Советской ассоциации международного права, к тому же будут перевыборы.

Подкомитет по ответственности государств закончил работу 16 января, выработав программу для будущего докладчика. Аго очень умело выполнял функцию председателя. Подкомитеты, созданные по моему предложению, по общему мнению, оправдали себя. Они отмечены даже в резолюции Генеральной Ассамблеи.

¹ См.: *Tunkin G.I. La guerre froide et le droit international // Revue Comprendre XXV. 1962. P. 25-32*

Читаю Лиллиан Росс «Portrait of Hemingway». Пил он много, видимо, а это свидетельство неудовлетворённости. Становится жаль его.

18 мая

Женева. Началась третья неделя нашего пребывания в Женеве. Сессия Комиссии международного права, на которую я приехал с Игтой, началась в мае. Главный вопрос – право договоров.

Очень интересный; но и трудный вопрос. Придётся много читать; продумывать; готовиться. Вот в понедельник; например, будет обсуждаться вопрос о недействительности договоров; противоречащих принципам международного права, имеющих характер *jus cogens*. Я писал об этом в книге «Вопросы теории международного права»; и это; конечно; значительно облегчает дело. Но готовиться к обсуждению всё равно надо.

Несколько дней тут стояла сырая; холодная погода. Однако сегодня великолепный день. Я пишу эти строки в парке Perl du Lac. Рядом озеро, чуть-чуть взрыхлённое слабым ветерком. Знаменитый женеvский фонтан выбрасывает воду на высоту около 100 м., она рассыпается и дождём падает вниз. Иногда ветер относит брызги фонтана далеко-далеко. Огромные каштаны Женевы расцвели белыми и розовыми гроздьями. Розовые очень красивы. Много цветов, особенно тюльпанов.

14 июля

Брюссель. Вот и закончилась ещё одна XV сессия Комиссии международного права. Сегодня прилетели в Брюссель. Остановились в отеле Atlanta. Всюду американский говор, так что если закрыть глаза; то можно подумать; что находишься в Нью-Йорке. Говорят, они всегда громко и даже те, кто не может отличить их по произношению (а теперь уже следует говорить: по языку) — не будут в затруднении узнавать их по этому. Ещё легче определить американцев по одежде дам: разноцветность; помноженная на поразительную безвкусицу.

Я уже третий раз в Брюсселе, но многого не видел здесь. В 1958 г. я был здесь два дня проездом в Гаагу для чтения лекций в Академии международного права. Всё время посвятил осмотру Международной выставки. В августе 1962 г. на конференции Ассоциации международного права я был так занят, что ничего не успел посмотреть. Правда; я был в домике Эразма, где был устроен чай. А в 1958 г. я ездил в домик Рубенса. На этот раз очень хотелось сходить в музей фламандской живописи. Но сегодня понедельник и музей закрыт.

Сейчас в Бельгии очень обострились национальные противоречия. До сих пор французская часть была господствующей и в экономике, и в политике. Сейчас фламандцев 51%, а французов всего около 35%. Фламандцы требуют реформ. Недавно во Фландрии были настоящие черносотенные антифранцузские погромы. Били стёкла во французских магазинах. Правительство подало в отставку, но король её не принял. Говорят, что правительство удержалось только потому что никто не хочет, чтобы выборы в парламент проходили летом: испортят отпуска.

16 июля

Амстердам. Самолёт вылетел из Брюсселя в 17-30. Через 15 мин. посадка в Амстердаме. Отсюда без остановки в Москву. Последние дни в Женеве были очень загружены. Последнее заседание Редакционного комитета; в один день два заседания Комиссии. Кроме того, по моему предложению в Женеве собрался Комитет по мирному сосуществованию Ассоциации международного права. Было три заседания и это тоже в последнюю неделю.

Этот Комитет американцы пытались ликвидировать – не нравилось им «мирное сосуществование», но удалось его отстоять. Американцы на октябрьском заседании Исполнительного совета в Лондоне остались в изоляции. На заседании Комитета подготовили проект перечня юридических принципов мирного сосуществования, т. е. основных принципов международного права. Впечатление: американская позиция в отношении мирного сосуществования несколько изменилась.

1964 год

4 июня

Женева. Снова Женева. XVI сессия Комиссии международного права. В комиссии проект конвенции о праве договоров. Вчера на завтраке Ляхе говорил: «Я считаю вас примером. Вы представляете великую державу, одну из двух ныне существующих великих держав. Но в ваших выступлениях не чувствуется, что вы защищаете интересы великой державы против малых стран». Я сказал, что я представляю не просто великую державу, но социалистическую державу, которая придерживается принципа равноправия. У нас, сказал я, нет компаний, заинтересованных в подавлении и эксплуатации других народов.

Было приятно слышать, как проф. Гуггенхайм говорил, что сейчас важно знать русский язык, т. к. советская наука международного права приобрела важное значение («est devenue importante»).

23 июля

Вена. Сажу в кафе, что около гостиницы Imperial и пью пиво «Gosser Marzen». Возвращаюсь из Женевы после сессии Комиссии международного права. Смотрю на Imperial и вспоминаю май 1955 г. 30 апреля мы с М. Г. Грибановым, тогда заведующим 3-м Европейским отделом МИДа, прилетели в Вену на помощь верховному комиссару И. И. Ильичёву. Задача была нелёгкая – за две недели согласовать и подготовить для подписания Австрийский договор. Заседали в здании комендатуры, а затем до полуночи в этом «Империале», где помещался верховный комиссар; строчили телеграммы в Москву. Подписание заранее было назначено на 15 мая. Хоть в лепёшку, но будь готов.

Договор согласовывался с трудом. Австрийский министр иностранных дел каждый день приходил на заседание крепко выпивши, но дело знал. Вот и день подписания – воскресенье. Вся Вена – праздник. Мы ехали в Бельведер вслед за Молотовым среди сплошной стены людей, цветов. Каждому министру были подготовлены авторучки. Говорили, что эти авторучки предназначены для музея. Но вот Даллес, подписав Договор, сунул авторучку в карман. Произошло замешательство. Австрийцы забегали, зашущукались. Потом подходили к другим министрам и просили не брать авторучки на память.

А сейчас? Австрия рвётся в общий рынок – хочет зарабатывать. На улицах полно машин. В центре небольшой площади полицейский с рацией. Он не суетится, переключает светофор. Но его намётанный взгляд видит любую неоправданную задержку, и он немедленно вмешивается. Интересно так сидеть и наблюдать людей. Сколько их, и у каждой своей жизни, свои радости и горести. Вот несколько туристов с фотоаппаратами, молодые, видимо студенты. Перешли улицу и остановились в нерешительности: куда двинуть – вправо или влево; видимо, для них всё равно. Вот мама в ярком платье с дочкой лет восьми. Дочка что-то спрашивает, мать отвечает, но явно не успевает, т. к., видимо, её ответы порождают в маленькой головке девочки новые вопросы.

1967 год

9 сентября

Ницца. Уже три дня как я здесь, у сентября, в четверг, открылась сессия Института международного права. Меня избрали членом Института. Жаль, что Жоурек не прошёл. Обсуждаем вопрос о прекращении договоров и об инвестициях в развивающиеся страны.

В Институте пока что полное засилье западников. И не мудрено. Мы с Корецким впервые на сессии. До этого один раз участвовал С. Б. Крылов. Я стал первым советским действительным членом института. В Ассоциации международного права наше влияние несравненно больше. Думаю, выступить по праву договоров и, вероятно, по программе работы.

Очень интересно установить личный контакт и иметь возможность поговорить. Познакомился с Райтом, с Роланом, с которым уже имел переписку. Шарль де Вишер сказал, что скоро выходит его книга «Les effectivites en droit international public», в которой он часто ссылается на мою работу «Droit international public».

Жаль, что Итта не смогла приехать. Сейчас сижу на берегу моря напротив Hotel Westminster. Уже 8-00 вечера. В. М. Корецкий куда-то исчез. Я был на завтраке у Шарвяна, потом побродил по магазинам. Пришёл усталый, лёг. Надо ещё пойти купить «Le Monde».

16 сентября

Набережная Ниццы. Сегодня в 11-30 закончилась сессия Института. Многие уехали раньше: Ляхе с женой и дочкой – вчера; Гро, Ролан и др. Не знаю, куда так торопятся судьи, ведь им всё равно нечего делать сейчас.

В.М. Корецкий тоже улетел вчера в Гаагу. Ему надо видеть президента, который улетает в Нью-Йорк, а он остаётся.

После скандального дела Ю.-Зап. Африки в 1966 г.,¹¹ в суде не много зашевелились. Одно из решений: либо президент, либо вице-президент (Корецкий) должен быть в Гааге. Как будто это поможет. Пересматривают процедуру. Но всё это больше, кажется, для видимости.

Нет там сил, которые могли бы бороться по-настоящему. Корецкий лучше всех наших предыдущих судей, но он тоже «не борец». Ляхе никогда не хотел «портить отношения с западниками».

Представитель Африки сенегалец Форстер состоит в Институте международного права. За всю сессию он не произнёс ни слова, хотя были вопросы, такие как инвестиции, которые непосредственно касаются Африки.

Шарль де Вишер – почётный президент (President d'honneur) института пригласил меня на завтрак. Предложил мне быть докладчиком по теме droit intertemporel (межвременное право). Я сказал, что подумаю. Вчера сказал Бастид, что не могу, т. к. эта тема выходит за рамки вопросов, которыми я сейчас занимаюсь. Вишеру что-то вроде 87 лет. Но исключительно живой и светлый ум. Мы говорили о многих проблемах международного права, и он проявлял живой и творческий интерес.

Дискуссия была довольно интересной, особенно по праву договоров и по инвестициям. По первому вопросу приняли резолюцию, мало что дающую, а второй отложили. То, что было подготовлено, отражало интересы монополий.

Я выступал коротко, но раза четыре-пять. Порядки тут такие, что, если выступаешь по-английски, следует перевод на французский, а с французского перевода нет. Доклады распространяются на французском языке. Джессап и ещё 12 человек, в том числе и я, предложили, чтобы доклады, подготовленные на английском языке, распространялись на английском. Решение отложили до следующей сессии. Следующая сессия будет в Англии. Фитцмориса избрали президентом – доволен страшно.

Последний вечер в Ницце. Был в Ницце несколько раз в январе 1965 г., когда Комиссия международного права заседала тут поблизости, в Монте-Карло. Затем в мае 1965 г., когда тут был коллоквиум, организованный l'Association pour le developement de droit mondial.

1975 год

7 января

Аэропорт Дели. Вчера был тоже нелёгкий день. В 13-00 lunch. Были два члена Верховного суда, миссис Гош, генеральный секретарь общества Индия – СССР и др. Был Наджендра

¹ В 1966 г. Международный суд отказал в иске Эфиопии и Либерии о лишении ЮАР мандата на управление Юго-Западной Африкой (Намибией) (Ethiopia v. South Africa, Liberia v. South Africa) на том «основании», что «государства-заявители не могут рассматриваться как доказавшие в своих исковых требованиях какое-либо юридическое право или интерес в предмете спора».

Сингх, который пригласил меня и Богданова на чай. После чая лекция в Индийском обществе международного права. Председательствовал Сингх – президент общества. Людей было немного, человек 40-50. Я говорил 40 мин. и столько же заняли вопросы: запрещение использования силы, ситуация в Кашмире, етс. Подарил библиотеке общества «Theory of International Law», переведённую на английский язык Уильямом Батлером и вышедшую в 1974 г., и учебник, выразив надежду, что в скором времени индийские юристы-международники смогут его прочесть.

Сумели всё-таки посмотреть Дели: дом Неру, знаменитый столб из нержавеющей стали, индуистский храм, Красный форт, где Неру поднял флаг независимости Индии. Дом Неру (сейчас это музей) двухэтажный. На первом этаже большая гостиная и столовая, кабинет и спальня на втором. Никакой роскоши, но и нет аскетизма.

В пятницу в 16-15 было заседание конференции, посвящённое сообщению Коню, который предлагает грандиозный проект «Новая формулировка международного права» (Restatement of International Law) или что-то в этом роде. Я выступил и подчеркнул, что проекты должны быть более международными, чем они есть. Указал, что осуществление такого проекта, сам процесс работы уже способствовал бы взаимопониманию между юристами различных стран. Речь закончил под аплодисменты, что бывает очень редко. Кошо был весьма доволен.

В субботу на заседании Полного Совета председатель лорд Вилберфорс поздравил меня с избранием членом-корреспондентом АН СССР, причём это чествование было включено в повестку дня. Откуда они узнали об этом — мне неизвестно, но это было очень любезно с их стороны.

Разрядка на конференции вообще чувствовалась очень сильно.

19 марта

Женева. Hotel Mon Repos. 22-00. Работаю, но уже клонит ко сну. Прошлую ночь спал неважно. Проснувшись в 5-00, стал думать, как быть с Конвенцией Международной организации труда (МОТ) №29 о принудительном труде.

Сегодня были с Иттой на коктейле у Валтикоса, директора департамента норм. Днём я пригласил его на завтрак, чтобы поговорить о том, как быть, что можно сделать с замечаниями Комитета по Конвенции № 29. Сегодня с помощью Валтикоса и докладчика Комитета удалось значительно изменить проект замечаний СССР, БССР и УССР по вопросу о распределении студентов на работу.

Но по Конвенции № 29 дело зашло очень далеко, и сделать, по-видимому, ничего не удастся. Придётся ограничиться заявлением.

Прилетели мы в Женеву 12 марта и будем здесь до 29 марта.

25 марта

Женева. Международная организация труда. Заседание Комитета экспертов. Сейчас переводчики читают вступление к документу «Европейский кодекс социальной безопасности». Доклад и применение этого кодекса Комитет готовит в соответствии с соглашением между Бюро Международной организации труда и Советом Европы. Все члены Комитета присутствуют. Это последний день работы. Была такая гонка, что трудно себе представить. Вчера был бой по Конвенции № 29 о принудительном труде — упрёки в адрес Советского Союза, обвинения в наличии принудительного труда. Искусственные проблемы, созданные для идеологической борьбы против социализма. Но мы дали несколько поводов для этого.

1976 год

9 января

Москва – Париж. Самолёт ИЛ-62. Лечу на заседание Кураториума. Три года не был в Париже, пропустил два заседания Кураториума: в 1974 г. не мог, в 1975 г. был в Индии.

15 января читаю лекцию по приглашению Виралли в Университете Париж 2. Есть ещё приглашение прочесть лекцию от проф. Боска (Католический университет), но вряд ли я его смогу принять из-за недостатка времени.

11 января

Париж. Hotel Saugé. Встретил меня секретарь консульства М.М. Бирюков, который окончил международно-правовой факультет Института международных отношений и, конечно, знает меня.

Вчера заседали с 9-30 до 17-00. Кастберг как президент, конечно, слаб, и ещё и стар (82 г.). Но в мае он уходит в отставку. Договорились, что изберём Аго, а Ляхса, который как судья будет в Гааге ещё 9 лет, вице-президентом. Финансовое положение Академии отчаянное. Если ничего не изменится, то Академия потухнет к 1978 г. Американские фонды денег не дают, наверное, считают её полукоммунистической организацией. Правительства дают очень мало. Я предложил продумать вопрос о том, чтобы добиться одобрения деятельности Академии Генеральной Ассамблеей ООН. Это помогло бы получить ассигнования, например через Университет ООН.

По предложению Ляхса и моему на 1977 г. в перечень курсов включён вопрос о Хельсинки. Я настоял на том, чтобы одним из докладчиков был советский профессор (А. П. Мовчан), а вместо канадца, как было предложено Комитетом, европеец. Итак, будут три докладчика: Мовчан, Нинчич (Югославия) и Аранжио-Руиз (Италия).

Вчера вечером был на обеде у супругов Лавинь. Был ещё Ко-льяр с женой. Засиделись до полуночи.

Перед обедом был в Лувре. Как всегда, с благоговейным трепетом вижу далеко впереди по коридору – Венера Милосская. Ничего более совершенного создать невозможно. Сижу и любуюсь.

23 марта

Женева. Заседание Комитета экспертов МОТ. Обсуждаются замечания по Конвенции № 80 относительно свободы организаций и пр. Киркалди (Англия) повторил все предыдущие измышления, и я намерен выступить очень резко. Сначала выступает проф. Губинский (Польша).

Сегодня были интересные события. Я выступил с получасовой речью (что совершенно необычно) по замечаниям, касающимся Конвенции № 87 о свободе организаций, и показал полную несостоятельность выводов Киркалди, которые повторяются из года в год. Киркалди пытался мне ответить, но я показал несостоятельность его рассуждений ещё раз. Была перепалка между ним и мной. Произошло замешательство, т. к. было очевидно, что предложения Киркалди несостоятельны. Выступил только американец, сказав, что «замечания тщательно сформулированы». Председатель (нигериец) сказал, что нет оснований что-либо менять в тексте и что проф. Тункин может включить в доклад своё заявление о несогласии, как делалось раньше. На большее я, конечно, не рассчитывал, но думаю, что моё выступление сыграет свою роль в будущем.

Генеральный директор МОТ (Director-General of ILO) Блан-чард давал lunch. Перед этим Валतिकос информировал его о том, что произошло. Им надо было поддержать Киркалди, и Бланчард в своей речи очень лестно отозвался о Киркалди и даже предложил тост за его здоровье. Кроме того, призывал к тому, чтобы все вели себя примерно, т. к. США могут выйти из МОТ.

30 марта

Женева. Hotel Mon Repos. Завтра последний день работы Комитета. Вчера было обсуждение замечаний по Конвенции № 29-Проект, представленный Ван дер Веном, был неплохой, но Губинский по моей договорённости с ним предложил перенести замечания в Direct

Requests (прямые запросы). Югослав поддержал, египтянин тоже. Англичане и американцы были против, но не сильно. Председатель клонил к компромиссу. Была создана комиссия из Ван дер Вена, Вильфана и Дугласа. Получился компромиссный проект.

Интересно, что, когда после выступления Губинского развернулась дискуссия, я сидел и молчал. Ван дер Вен вёл себя хорошо, соглашаясь на компромисс. Есть дальнейший прогресс.

14 мая

Москва – Лондон. Лечу в Лондон на заседание Исполнительного совета Ассоциации международного права, а затем в Гаагу на заседание Кураториума. Объединил две поездки, хотя вначале думал, что это не удастся сделать. Еду по линии АН СССР.

Как всегда перед отъездом, был цейтнот. Но всё сделал, отдал печатать в бюро переводов (Н. М. Чугуновой) очередную порцию Гаагского курса. Передал первые 54 стр. учебника «Международное право» редактору издательства «Прогресс» (Л. В. Мехва-ладзе). Они его переводят и очень торопят. Пишу вступительную статью – это необходимо для иностранцев. Надо показать нашу теорию международного права. Кое-что уже продиктовал. Вот сейчас появилась мысль, что надо объяснить те пункты нашей концепции, которые вызывают криво-толки на Западе, а именно:

1. Базис и надстройка применительно к международному праву.
2. Понятие мирного сосуществования – две идеологии, две концепции и единое международное право.

В 20-00 я уже был на обеде в Ассоциации международного права. В письме не было указано время, я думал, в 20-00, и опоздал на полчаса. Когда я пришёл, все уже были за столом. Лорд Вилберфорс – председатель Совета, Рэй – президент Ассоциации международного права и председатель Верховного суда Индии, лорд Ходсон, Эдварде встали, подошли ко мне поздороваться, потеснились, дали место. Только американец Олмстид, вице-председатель Совета, не подошёл. Но позднее, уже во время десерта, видимо, понял, что поступил не лучшим образом, всё-таки подошёл. В своих выступлениях лорд Вилберфорс, Рэй обращались не только к официальным лицам, но и ко мне. А потом попросили выступить.

1977 год

28 октября

Москва. Аэропорт Шереметьево. Направляюсь в Лондон на заседание Исполнительного совета Ассоциации международного права. Прочту также лекцию в Лондонском университете. Вчера был трудный день, только утром узнал, что надо собираться. Накануне провёл заседание рабочей группы по проекту закона о международных договорах. Просматривали его в свете Конституции. Проект был готов в конце июня, и я доложил его депутатской комиссии. Конечно, за четыре месяца появились новые мысли. Но я думаю, что мы быстро закончим работу. Одновременно идёт доработка проекта закона о гражданстве.

28 октября

Лондон. London Embassy Hotel. На том же самолёте, что и я, прилетела в Лондон делегация во главе с Терешковой. Как мне сказал член корреспондент АН СССР Трухановский, делегация направляется в Лондон для чтения лекций в связи с 60 - летием Октября.

Меня никто не встретил, кажется, впервые за все годы. Нет, случилось такое уже однажды в Париже. Хотя две телеграммы были посланы и мной, и Академией наук. Номер не заказывал, номеров свободных нет. Оставил вещи, пошёл в посольство – оно рядом. Там 3-й секретарь, который работает в отделе науки, сказал, что о телеграммах ничего не слышал. Говорит, что он знает менеджера отеля. Поехали в отель, и действительно ему удалось достать номер.

Вечером позвонил проф. Батлеру, которому я вчера дал телеграмму. Потом позвонил проф. Шварценбергеру, который прислал мне в Москву письмо с приглашением приехать к нему за город.

30 октября

Лондон. London Embassy Hotel. С утра поработал над лекцией. В 10-00, как условились, пришёл проф. Батлер. Посмотрели собор Святого Петра, церковь великолепна. Шло богослужение. Затем зашли в старинную церковь Темпла. Там захоронен Селден. Там тоже шло богослужение: прекрасный детский хор.

Вышли на набережную; прошлись, сели на паром и доехали до Тауэра. Я никогда там не был, Батлер тоже. Было около 13-00, Тауэр открывается в 14-00, но очередь за билетами была около полкилометра. Мы решили не стоять и пошли в ресторан ланчевать. Потом гуляли возле Тауэра, видим, открываются новые билетные кассы. Батлер парень бойкий, быстро купил билеты, и мы осмотрели Тауэр. Теперь это музей, вернее, несколько музеев. Самый интересный – Музей драгоценностей: короны, мечи с отделкой из золота, скипетры и др. Всё это, правда, не даёт представления о том, как там содержались узники, в частности Мария Стюарт.

Затем поехали на машине за город (1 час езды) к Шварценбергеру. Георг показал свою коллекцию старинных изданий Греция, Пуффендорфа и др.

1980 год

6 февраля

Брюссель. Hotel Bedford. Только что вернулся после обеда у Поля де Вишера. Туда меня отвёз Мазов (представитель ССОД), обратно Вишер. Интимный обед: он, жена и я. Беседа была очень приятной. Он хорошо настроен и понимает, что надо бороться за разрядку. Оказывается, Жоурек умер в Женеве. Он уже не был на сессии Института международного права в Афинах и умер вскоре после сессии.

Когда я ему сказал, что был удивлён, что А. П. Мовчан снова не прошёл, он ответил мне откровенно, что это в значительной мере потому, что меня не было на сессии. Надо было провести некоторую работу, и потом само моё длительное отсутствие расценивается как отсутствие у советской стороны интереса к Институту.

Сегодня прочитал лекцию в Брюссельском свободном университете (французская часть) о советской доктрине международного права, конечно, на французском языке. Было много вопросов, затем обед с профессорами.

7 февраля

Брюссель. Hotel Bedford. Сегодня была встреча в Брюссельском университете – вопросы и ответы на тему «разрядки». Я сделал краткое вступление: разрядка. Вопросы: почему Советский Союз вооружается, Афганистан, Сахаров, положение евреев. Многие из вопросов были злобные, и часть аудитории была настроена враждебно и именно она была наиболее активна. Могло сложиться впечатление, что аудитория вообще была враждебна. Но теперь я пришёл к другому выводу. Председательствовал проф. Салмон. И когда он поблагодарил присутствующих и нас и очень умно сказал, что разрядка начинается с того, что выслушиваются различные мнения, то зал очень дружно аплодировал.

А вообще уже поздно и пора спать. Смотрели по телевизору «For Whom the Bell Tolls»

9 февраля

Брюссель. Hotel Bedford. Вчера была вторая встреча с послом Романовским С. К. Он производит впечатление очень вдумчивого человека. Ведёт себя просто, спокойно.

С утра была пресс-конференция с представителями двух испанских газет «El Pais» (Мадрид) и каталонской газеты (Барселона) по вопросу о предстоящей встрече в Мадриде. Конечно, я подчеркнул, что главной целью является спасение разрядки. Отметил особую роль европейских государств.

9 марта

Женева. Hotel Mon Repos. В Женеве Комитет по конвенциям МОТ. Приехал один. Встретил меня Игорь Хохлов. Колеснику наверное, не сказали, а телеграмму я не послал. В отеле дали апартаменты – обе комнаты на Rue de Lauzanne.

21 марта

Женева. Ботанический сад. Впервые я сидел на этой самой скамейке в 1957 г., когда первый раз был на сессии Комиссии международного права. Это было в конце апреля. Я ехал поездом, плохо спал. Пошёл после дороги в этот сад, сидел, дремал. Вообще я тогда спал плохо.

Сегодня было два заседания. Интересный случай произошёл вчера. Обсуждался доклад по трудящимся-мигрантам. Когда я его просматривал, то ничего особенного не заметил. Уже на заседании, просматривая ещё раз оглавление, вижу: «меры против эксплуатации» (measures against exploitation). Взял слово и сказал следующее: «Я известен среди моих коллег как сторонник мирного сосуществования, и, как мне кажется, это моя миссия – поднимать эту проблему всегда, когда это необходимо. Мирное сосуществование предполагает, что мы не должны включать в международное право, в международные соглашения идеологические проблемы. Действительно, в соответствии с марксистско-ленинской теорией капиталистическое общество основано на эксплуатации трудящихся классов теми, в чьих руках находится собственность. Конечно, многие в капиталистическом мире не согласятся с этим. Давайте подберём какое-нибудь нейтральное слово, которое не будет противоречить двум идеологиям».

Валтикос сказал, что в конвенции можно использовать «практика злоупотребления» (abusive practices) и предложил вернуться к этому вопросу после кофе-брейка. Приняли формулу «measures against abusive practices».

1982 год

7 июля

Гейдельберг. Hotel Naarlass. 5 июля во Франкфурте нас встретили Швайсфурт с двумя коллегами.

Первый советско-западногерманский семинар по международному праву в Гейдельберге, Max-Planck Institut. Тема: морское право.

1. Влияние 3-й конференции ООН по морскому праву на развитие международного морского обычного права.
2. Концепция общего наследия человечества (Concept of the common heritage of mankind).
3. Улаживание споров.

Делегация: Барсегов, Гуреев, Старжина, Шинкарецкая, Гицу.

Вчера был интересный обмен мнениями по двум докладам. При открытии после Бернхардта я выступил с речью минут на двадцать: сделал упор на том, что мы создали цельную теорию международного права. Тем самым ударил по реакционным советологам, из которых тут главным является Мейснер. Он присутствует.

10 июля

Аэропорт Франкфурта. Промелькнули 5 дней. Семинар прошёл интересно. Доклады наши были неплохие. Гуреев говорил по-немецки, Старжина и Барсегов — по-английски.

Вчера была экскурсия. Посмотрели Ротенбург, затем переехали в Вюрцбург, там переночевали и утром поехали во Франкфурт. Бернхардт был с нами вчера. Сегодня нас провожали Швайсфурт, Хофман, Мюнх.

Общее впечатление: немцы настроены в отношении Конвенции по морскому праву весьма критически. Их беспокоит вопрос, что получится, если она вступит в силу. А она соберёт 60 ратификаций. А что нам делать? Ратифицировать? Это было бы положительно оценено

развивающимися странами. Но это бы связало нас, в то время как США не были бы связаны Конвенцией. Что лучше?

После заседания Исполкома Советской ассоциации международного права. Год не указан

1983 год

7 января

Аэропорт Шереметьево. Лечу в Париж. Завтра заседание Кураториума. Через три дня совместное заседание Бюро Института и Рабочей комиссии (Сотпшзюп с1е5 Трауаих). Валтикос ввёл это новшество. Я член Комиссии.

Уже второй раз еду по служебному паспорту. 40 лет ездил с дипломатическим. МИД ввёл новое правило – только действующим дипломатам. Это соответствует международному праву.

Теперь расслабиться и немного отдохнуть. В декабре был в отпуске и порядочно устал, т. к. кончаю книгу «Право и сила в международной системе».

8 января

Париж. Hotel Saint-Germain. Недавно закончилось заседание Кураториума. То, что я не был в мае 1982 г., сказалось. В общем, в связи с тем, что я за 3 года был на одном заседании вместо 6, ни в 1982 г., ни в 1983 г. наших профессоров нет. В 1985 г. будет Садииков и в том же году Фельдман, хотя он был намечен на 1983 г. На 1984 г. включён Грейфрат (ГДР). В Кураториуме ряд новых членов вместо умерших Волдока, Лесина, Соренсена. Это Ф. Валлат вместо Волдока, Бутрос-Гали вместо Лесина, датчанин (фамилия не указана. – В. Т.) вместо Соренсена. Дополнительно – бывший министр иностранных дел Мексики Кастанеда, назначенный Послом во Франции. Кастанеда очень доволен этим назначением.

В разговоре со мной Бутрос-Гали, зам. министра иностранных дел Египта, напомнил о нашем разговоре 8 лет назад, когда он ещё не был зам. министра. Тогда он сказал о своём несогласии с проводимой Садатом «односторонней ориентации на США». Египет, говорил он, должен поддерживать хорошие отношения как с США, так и с СССР. Напомнив об этом разговоре, Бутрос-Гали сказал, что он и сейчас придерживается этой позиции и делает в этом направлении всё что может. Я надеюсь, сказал он, что 1983 г. будет поворотным. Бутрос-Гали участвовал в части заседаний Кураториума, он на пути в Никарагуа для участия в Конференции неприсоединившихся стран. Вечером радио сообщило, что он сегодня встретился в Париже с зам. премьер-министра Ирака.

7 октября

Брюссель. Hotel Bedford. С 14-00 до 16-00 лекция на юридическом факультете Брюссельского свободного университета (французская часть). Вёл заседание проф. Салмон. Читал я лекцию по статье для «Melange Chaumont» – «Droit International et modele juridiquement reconnu du System International». Это вообще было ново, а для них тем более. Было около 60 человек.

1984 год

6 мая

Лондон. London Embassy Hotel. Прибыл в Лондон на заседание Исполнительного совета Ассоциации международного права. Из Лондона в Гаагу на заседание Кураториума. На прошлом заседании Исполнительного совета я не был, и мой приезд явно вызвал удовлетворение у руководства Ассоциации. Как бы там ни было, но они заботятся об авторитете Ассоциации, в частности и потому, что с этим связан их собственный авторитет. Никаких особенных решений принято не было. Главный вопрос – конференция в Париже. Ассоциация почти не растёт. В развивающихся странах дело не движется и, по-видимому, в основном из-за финансовых затруднений.

Я решил сегодня, в воскресенье, немного отдохнуть, не думать о науке. В начале дня вместе с А. К. Жудро, его женой и Г. Г. Ивановым, который находится в Лондоне в командировке, поехали смотреть Виндзорский дворец. Всё было закрыто, потому что летом внутрь не пускают. Зимой часть дворца доступна посетителям. Но всё равно было интересно. К вечеру приехали на квартиру Жудро. Обед был великолепный. В отель я вернулся в 20-30 и нашёл послание от Батлера. Он с женой приглашают завтра поехать за город и пообедать у них.

1985 год

22 августа

Хельсинки. Прибыл поездом в Хельсинки на 62-. Сессию Института международного права. ...

Бестолково работает Бюро: начали с доклада Риго – что-то о последствиях развода.

Открытие сессии состоялось 20 августа в 16-00 в старом здании университета. Присутствовал президент Финляндии Койвисто. Открыл сессию весьма бледной речью министр иностранных дел Пааво Вайринен. Затем выступили и. о. президента П. Рейтер (президент Е. Кастберг умер) и генеральный секретарь Валти-кос – оба с блестящими речами.

Выборы проходили туго: 4 тура. Ни Ханна Бокор-Сего (Венгрия), ни Вольфке (Польша) не были снова избраны.

Сегодня меня пригласил на Lunch Мак-Винни. По его словам, министр иностранных дел Канады Кларк поручил ему поехать в Москву и встретиться с рядом наших людей. Якобы они ищут пути решения некоторых частных вопросов (объединение семей, e.g.). Это якобы нужно Кларку, чтобы оправдать некоторый его отход от политики США. Мак-Винни уезжает

в Москву 25 августа, хотя сессия заканчивается 29 августа. Многие уезжают раньше. Около 30 человек после сессии едут в Ленинград.

Работа Института нуждается в обновлении.

Имел обстоятельные разговоры с Ляхсом и Янковым.

В 10-15 состоялась лекция в университете, организованная фактически посольством. Правда, декан юридического факультета подходил ко мне во время приёма в университете 20 августа, и мы договорились о времени. Тема: «International Law and Antiwar Movemen». Говорил я примерно о том, о чём говорил на Конгрессе МАЮД в октябре 1984 г. Затем обмен мнениями. Было около 15 человек. Среди них: Антти Сувиранта – председатель Верховного административного суда Финляндии, Эрки Айлио – Верховный суд, проф. М. Хайден – декан юридического факультета.

24 августа

Хельсинки. Отель. Вчера, когда в 9-20 я зашёл в университет, Аго мне говорит: у меня сногшибательная новость – Морозов подал в отставку как член Суда. Председатель Суда Сингх подтвердил, сказав, что, когда в июле он уезжал в Москву, состояние здоровья Морозова было плохое. Жаль Платона.

Тут много разговоров о том, кто же будет новым советским судьёй. Многие мне говорили, что все в Институте хотели бы, чтобы это был я. На что я отвечал, что этого не будет, т. к. у меня нет желания.

1993 год

Последняя запись дневника

27 мая

Гаага. Europa Hotel. Эти дни немного поработал в библиотеке. Просмотрел все журналы международного права. Сколько их в США! Громадный охват проблем. Куда там нам. Чуть ли не каждый университет в США издаёт журнал международного права. Во всяком случае, мнение, что в США политические науки почти вытеснили международное право, неверно.

Сегодня иду из библиотеки к Дворцу к Тарасову и вдруг слышу: проф. Тункин. Смотрю, Ода с 3-го этажа машет рукой. Спрашивает: «Не к Тарасову ли?» – «Да». – «Я тоже туда приду». Побеседовали с полчаса. Потом Тарасов пригласил меня на 1-й этаж с Швобелем. Мы с ним старые знакомые.

РОССИЙСКИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

РОССИЙСКАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ЗАПРОСУ КОНСУЛЬТАТИВНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

На апрельской сессии Специального комитета по Уставу ООН и усилению роли Организации, Российская Федерация представила рабочий документ, содержащий проект резолюции Генеральной Ассамблеи, в котором было рекомендовано запросить у Международного Суда консультативное заключение относительно юридических последствий применения силы государствами без предварительного решения Совета Безопасности, кроме случаев осуществления права на самооборону. На той же сессии по завершении обсуждений Россия совместно с Белоруссией представила пересмотренный вариант этого проекта. В 2001 году был представлен вновь пересмотренный вариант.

Наконец, в 2016 году на заседаниях Специального комитета 16 и 17 февраля и на 2-м заседании Рабочей группы полного состава, был рассмотрен дополнительно пересмотренный рабочий документ,

Представитель Российской Федерации напомнил о предыстории внесения этого предложения и особо отметил, что тема пересмотренного рабочего документа сохраняет актуальность и что он имеет важное значение для выработки общего понимания правовых последствий применения государствами силы без предварительного разрешения Совета Безопасности. Делегация-автор выразила сожаление по поводу того, что по данному предложению, которое первоначально было внесено на рассмотрение на сессии Специального комитета 1999 года, до сих пор не достигнуто консенсуса. Авторы предложения высказались за его сохранение в повестке дня Специального комитета.

Несколько делегаций вновь высказались в поддержку этого предложения и за продолжение его рассмотрения. Было отмечено, что данное предложение остается актуальным, и было указано, что консультативное заключение Международного Суда могло бы способствовать уточнению положений Устава, касающихся применения силы. Было указано также, что в предыдущих постановлениях Международного Суда содержались руководящие указания лишь по отдельным аспектам данного вопроса.

Несколько других делегаций вновь заявили о том, что они не могут поддержать это предложение. Было указано, что Международному Суду уже предоставлялась возможность высказаться по вопросу о правовых принципах, регулирующих применение силы, и, поскольку в действующих нормах международного права даны достаточно четкие указания, вынесение дополнительного консультативного заключения не принесет особой дополнительной пользы. Специальному комитету было предложено рассмотреть вопрос об исключении этого предложения из его повестки дня.

Было также предложено провести неофициальные консультации по этому вопросу. Ряд делегаций вновь заявили о том, что они не могут поддержать это предложение.

В ходе общего обмена мнениями на 272-м заседании Специального комитета 18 февраля 2014 года и на 1-м заседании Рабочей группы полного состава Специальный комитет вновь рассмотрел предложение Российской Федерации и Белоруссии. Соавторы предложения особо отметили, что тема рабочего документа сохраняет актуальность, и что он имеет большое значение, особенно в контексте системы коллективной безопасности, для установления четких

правовых пределов для применения силы в международных отношениях и выработки общего понимания правовых последствий применения силы государствами без предварительного разрешения Совета Безопасности. Поскольку вопрос о таких последствиях не затрагивается в Уставе Организации Объединенных Наций, а применение силы (в том числе по гуманитарным соображениям) по-прежнему является предметом горячих споров, было отмечено, что консультативное заключение Суда могло бы способствовать уточнению положений Устава ООН, касающихся применения силы, и укреплению принципа неприменения силы. Соавторы предложения высказались за его сохранение в повестке дня Специального комитета и предложили делегациям принять участие в неофициальных консультациях по тексту этого предложения с тем, чтобы достичь консенсуса в этой области.

Несколько представителей вновь высказались в поддержку этого предложения и за продолжение его рассмотрения. Было подчеркнуто, что предложение поможет прояснить правовые принципы применения силы в соответствии с Уставом. Было также высказано мнение о том, что это предложение будет способствовать укреплению предусмотренного Уставом принципа неприменения силы или угрозы силой, особенно в связи с недавними случаями применения силы государствами без предварительного разрешения Совета Безопасности и усилиями ООН по поощрению соблюдения верховенства права в международных отношениях. Ряд других представителей указали, что это предложение является нецелесообразным. Вновь было отмечено, что оно не может быть поддержано, поскольку вопрос о применении силы адекватно и четко регулируется соответствующими положениями Устава.

На 3-м заседании Рабочей группы полного состава представитель Российской Федерации, также от имени Белорусии, представил информацию об итогах неофициальных консультаций по пересмотренному рабочему документу и внес в него дополнительные устные изменения. Дополнительно пересмотренный рабочий документ, который должен быть рассмотрен на следующей сессии Специального комитета, гласит следующее:

«Генеральная Ассамблея,

подтверждая, что, согласно Уставу Организации Объединенных Наций, поддержание международного мира и безопасности и развитие дружественных отношений и сотрудничества между государствами являются одними из основных целей Организации,

ссылаясь на Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Декларацию об укреплении международной безопасности, определение агрессии, Декларацию об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях и Итоговый документ Всемирной встречи на высшем уровне 2005 года, выражая свою решимость содействовать реализации принятой всеми государствами-членами Организации Объединенных Наций, Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций от 8 сентября 2000 года, в которой подтверждается приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, которые доказали свою неподвластность времени и универсальный характер,

подтверждая принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости государств, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций, а также что такая угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава Организации Объединенных Наций,

напоминая вновь, что никакие соображения, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут использоваться в качестве оправдания угрозы силой или ее применения в нарушение Устава Организации Объединенных Наций,

напоминая о главной ответственности Совета Безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций за поддержание международного мира и безопасности,

ссылаясь на главу VIII Устава Организации Объединенных Наций, в которой признается роль региональных соглашений и учреждений для разрешения вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с целями и принципами Организации Объединенных Наций,

напоминая, что Генеральная Ассамблея может запрашивать от Международного Суда консультативное заключение по любому юридическому вопросу,

1. Подтверждает, что действия воздушными, морскими или сухопутными силами всеми членами Организации Объединенных Наций или некоторыми из них в целях поддержания мира и безопасности допустимы лишь по решению Совета Безопасности в соответствии с главой VII Устава Организации Объединенных Наций либо в порядке неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава;

2. Подчеркивает, что в соответствии с положениями пункта 1 статьи 53 Устава Организации Объединенных Наций никакие принудительные действия не предпринимаются в силу региональных соглашений или региональными органами без полномочий от Совета Безопасности;

3. Запрашивает в соответствии с пунктом 1 статьи 96 Устава Организации Объединенных Наций от Международного Суда консультативное заключение по следующему юридическому вопросу:

«Каковы правовые последствия применения вооруженной силы государством или группой государств без решения Совета Безопасности, принимаемого по главе VII Устава Организации Объединенных Наций, кроме случаев осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава?».

Интересно отметить, что первоначальный проект России содержал совершенно иную формулировку вопроса:

«Какие юридические последствия может иметь применение государством или объединением государств вооруженной силы против суверенного государства, либо без решения СБ ООН, принимаемого в соответствии с главой VII Устава, либо вне контекста осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону согласно статье 51 Устава, для сохранения международного мира и стабильности, а также той роли, которую ООН играет в обеспечении системы коллективной безопасности на глобальном и региональном уровнях согласно её Уставу».

После представления данного предложения в качестве совместного с Республикой Белоруссия, один вопрос превратился в три:

«- Согласно современному международному праву, имеет ли государство или группа государств право применять вооруженную силу без решения Совета Безопасности, принимаемого по главе VII Устава ООН, кроме случаев осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 устава?»

- Является ли такое применение вооруженной силы нарушением обязательств этого государства или группы государств по Уставу ООН?»

- Имеют ли государства, не являющиеся объектом применения вооруженной силы, право на компенсацию ущерба, который был им причинен вследствие такого применения вооруженной силы ввиду невозможности пользования ими в полной мере своими правами в соответствии с современным международным правом, прежде всего Уставом ООН?»

Наконец, непосредственно перед последней редакцией запроса, формулировка была следующей:

«- Имеет ли государство или группа государств право применять вооруженную силу без решения Совета Безопасности, принимаемого по главе VII Устава Организации Объединенных Наций, кроме случаев осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава?»

-Является ли такое применение вооруженной силы нарушением обязательств этого государства или группы государств по Уставу Организации Объединенных Наций?»

Как видим, эволюция формулировки запроса довольно существенная и постоянно меняется. Последняя формулировка – *«Каковы правовые последствия применения вооруженной силы государством или группой государств без решения Совета Безопасности, принимаемого по главе VII Устава Организации Объединенных Наций, кроме случаев осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава?»* - исключила весьма существенные аспекты, которые Российская Федерация предлагала прояснить. Судьба консультативного запроса будет обсуждаться на следующей сессии Комитета ООН по Уставу ООН и усилению роли Организации в 2017 году...

А.Мезяев

СТРАНИЦЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

**ВETERАН КОНГОЛЕЗСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР
АНТУАН ГИЗЕНГА**

*Винокуров Ю.Н., Антуан Гизенга: Патриарх государственной и общественно-политической жизни Демократической Республики Конго.....	86
*А.Гизенга, бывший премьер-министр Конго, Мемуары «Моя жизнь и моя борьба»	
*A.Gizenga, former Prime-Minister of the Congo (DRC), Memoirs «My Life and My Buttles». Extracts.....	105
*С.В. Мазов. Холодная Война в «Сердце Африки». СССР и Конголезский кризис. Москва, 2015 г., 311 с. Рецензия доктора исторических наук Ю.Н.Винокурова	123

АНТУАН ГИЗЕНГА: ПАТРИАРХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ КОНГО

Ю.Н. Винокуров

«Конголезский вопрос типичен для всей Африки. То, что сегодня происходит в Конго, может случиться в любой части Африки, и поэтому Объединённые нации должны теперь же рассматривать это как прецедент того, что может случиться завтра. Объединённые Нации должны определить, нынешняя конголезская ситуация это успех или поражение?».

Кваме Нкрума. ООН 23 сентября 1960 г.

1. Современная политическая эволюция африканских государств рождает порой события, кажущиеся несоответствующими логике становления глобализирующегося мира, частью которого эти государства, несомненно, являются. Одним из таких событий стало назначение премьер-министром ДРК Антуана Гизенги, патриарха антиколониального движения и независимой государственности в Тропической Африке, самого известного и стойкого приверженца социалистических идей, человека высокой порядочности, ближайшего соратника Патриса Лумумбы. Когда в 2006 г. он стал главой конголезского правительства, киншасские острословы шутили: у нас государство особое – самый молодой в мире президент (в 2001 г. пришедшему к власти Жозефу Кабиле не было и 30 лет) и самый старый премьер-министр.

2. Антуан Фунжи Гизенга родился 5 октября 1925 г. в маленькой деревушке Мбанзэ дистрикта Квилу, провинции Леопольдвиль. Он был первым ребёнком в семье Мишеля Гизенги Тамбве и Луизы Хетега. По материнской линии он унаследовал принадлежность к касте вождей своего народа бапенде, называвшейся «Akwa manda («Обладатели власти»)). В Мбанзэ его отец был катехистом, что означало в Африке тех лет – человеком весьма образованным. Вскоре его, как личность вполне интеллигентную и смышлённую, пригласили служить в католической миссии города Киквит, где он освоил ещё и столярное ремесло. Гизенге было тогда три года и родители отдали его в детский сад «Сестёр милосердия»¹.

3. Деревня, в которой жила семья Гизенги, находилась в 260 километрах от Киквита. Своё первое «путешествие» в этот город Гизенга изобразил так. Пошли мы туда, отец и я, пешком и преодолели это расстояние за четыре дня, проходя в день по 65 км. В свои 12 лет

¹ Antoine Gizenga. Ma Vie Et Mes Luttes. Kinshasa, 2011. P. 11.

мальчик вряд ли мог рассчитывать на поступление в среднюю школу, но отец рассуждал по своему: «Сегодня он ещё мал, но завтра будет большим человеком». С юных лет Антуан уважал своих родителей, ценил доброту матери и ум отца, которого считал мудрым человеком. В учебный 1937-1938 год я узнал, вспоминает Антуан, три феномена, о которых прежде не имел никакого представления – полёт на самолёте, электрическое освещение в жилище и немое кино для учащихся миссионерской школы¹.

4. Сразу после назначения Гизенги главой правительства (но возможно, и несколько ранее) в его имени появилось новое, никем и никак не объяснённое слово Фунджи (Funji). Сходное с этим словом имя, точнее прозвище, мне однажды встречалось. Во главе восставшего против колониальных порядков народа бапенде (1931 г.) стоял крестьянин по имени Матему-а-Каления, прозванный соплеменниками Мунделе Фунджи, что в переводе с языка пенде означало «Ураган» или «Тот, кто налетает и исчезает подобно ветру»². Есть ли какая-либо связь между добавлением этого слова к имени Гизенги и прозвищем вожака самого значительного в истории бельгийской колонии крестьянского восстания, сказать трудно, но менее всего оно кажется случайным.

5. За всю многолетнюю политическую деятельность Гизенга не проявил себя трибуном, пламенным революционером, предводителем масс. Флегматичный от природы, он был и, похоже, остаётся личностью закрытой, немногословной, антиподом пылкому Патрису Эмери Лумумбе, велеречивому Сесе Секо Мобуту, упрямому Лорану-Дезире Кабиле. Однако это не помешало ему утвердиться в представлении соотечественников человеком устойчивых демократических принципов, последовательным в своих взглядах и поступках.

6. С назначением Гизенги в 2006 г. премьер-министром журналисты стали больше писать о нём. Только тогда появились кое-какие сведения о его молодых годах. Решив стать священником, он какое-то время был семинаристом католической миссии в Кинзамби, затем учеником средней школы одной из монашеских общин – миссии «отцов-шойтистов» в Киквите. По окончании этой школы Гизенга служил клерком в отделении Банка Бельгийского Конго в том же городе, присвоил себе небольшую сумму денег, за что был заключён под стражу. Выйдя на свободу, он перебрался в административный центр колонии г. Леопольдвиль (ныне Киншаса), смог получить место чиновника в охранной службе города, однако был уволен, когда стало известно, что он подвергался аресту.

7. «Заимствование» африканцами незначительных сумм из кассы того или иного предприятия не считалось в их среде чем-то очень предосудительным и практиковалось едва ли не повсеместно. Устроившись кассиром в один из столичных универмагов, Гизенга взял в его кассе 2 тыс. конголезских франков, был за это задержан, но вскоре освобождён, поскольку деньги вернул. В городке Болombo-Юмби он служил начальником почтового отделения, возвратился в Леопольдвиль, где сменил род деятельности: стал преподавателем в школе миссии отцов-шойтистов, руководил капеллой в греко-римской приходской церкви³. В местных газетах сообщалось ещё, что через всю жизнь Гизенга пронёс два пристрастия: к музыке и женщинам. Женился он только в 1953 г. Тогда же познакомился с Мобуту, – раньше, чем с Лумумбой.

8. Общественно-политической деятельностью Гизенга занялся в 1958 г. Тогда в Бельгийском Конго начались массовые протесты против колониальной власти. Вместе с Клеофасом Камитату и Пьером Мулеле он основал прогрессивную и демократичную для своего времени Партию африканской солидарности (ПАС) и возглавил её по их предложению. ПАС прежде всего заявила о своей приверженности единому Конго, и осудила замысел лидеров Абако, партии президента Касавубу, создать в будущем особую федерацию для народа баконго. В 1958-1959 гг. в качестве генерального секретаря ПАС Гизенга посетил несколько социалистических

¹ Antoine Gizenga. Op. cit. P. 17, 19.

² Mulamba-Mvuluya F. Introduction à l'étude de la révolte des Bapende (mai-septembre 1931) // «Les cahiers du CEDAF». Bruxelles, 1971. № 1; Винокуров Ю.Н. Из истории антиколониальной борьбы народов Республики Заир: восстание бапенде 1931 г. // Африка в новое и новейшее время. М., 1976. С. 94.

³ Kimona Mambu. La vérité sur le mythe Gizenga Antoine de Prahe // La Conscience. 29.04.2007. P. 3. – http://www.laconscience.com/article.php?id_article=6033

стран, в том числе СССР. На агитационном плакате ПАС к выборам 1960 г. в конголезский парламент была помещена его фотография в зимней шапке-ушанке советского производства.

9. По случаю создания ПАС Гизенга организовал 31 мая 1959 г. митинг, на котором присутствовали первые члены партии, лица, симпатизировавшие ей, и любопытные соотечественники. Он пишет, что взял слово, чтобы впервые выступить на митинге, рассказать о первостепенных и перспективных целях партии, призвать конголезцев вступать в неё и сообща «вырвать у Бельгии как можно быстрее нашу свободу». Ему бурно аплодировали. Но колониальная пресса не приветствовала это, полагая, что всё это «пахнет коммунизмом». Европейцы даже стали подыскивать новое название моей партии, чтобы стала именоваться не Партией Африканской солидарности, а почему-то, Африканской социалистической партией (Parti Socialiste Africain)¹.

10. Гизенга, один из самых близких к Лумумбе политических деятелей, в своих уникальных для книжного рынка ДРК «Воспоминаниях. Моя жизнь и мои сражения» пишет, что они впервые встретились именно в том, 1959 году. Случилось это в Леопольдвиле на совещании лидеров ведущих политических партий Конго. Лумумба настаивал тогда на том, чтобы Бельгия немедленно и без каких-либо условий предоставила своей колонии независимость, обеспечив её целостность и закрепив за всеми гражданами, достигшими 18-лет, избирательные права. Лумумба произвёл тогда на Гизенгу впечатление деятельного и интеллигентного лидера, однако в начале своей политической карьеры он оказался в рядах оппонентов Лумумбы, выступавших против унитарного государства, за федеральное Конго. Но всё же он разошёлся с ними: многие «федералисты» стали врагами Лумумбы, причастными к его убийству, а он – его сподвижником и последователем².

11. Они особенно сблизились год спустя, в июле 1960 г., после беседы в леопольдвильском офисе Лумумбы. Внимательно выслушав Гизенгу, Лумумба заявил, что полностью разделяет программу ПАС и приложит все силы в рамках своих властных полномочий, чтобы претворить в жизнь «наши планы». Они тогда же обсудили ситуацию с предстоящими выборами премьер-министра и президента Конго. Так и случилось, обе партии – лумумбовская Национальное движение Конго и ПАС выступали в дальнейшем единым фронтом³.

12. Гизенга был очень обеспокоен выступлением Лумумбы на торжественном заседании конголезского парламента 30 июня 1960 г., по-видимому, даже и после того, как обе стороны подписали документы о признании независимости Конго. Бельгийский король и его правительство, пишет Гизенга в своих мемуарах, были шокированы и оскорблены этой речью. В непродолжительном перерыве между заседаниями парламента он с трудом смог отыскать своего премьера, чтобы сказать ему, что политика всегда была и остаётся политикой, и если Вы, Патрис, хотите успокоить короля и его правительство, вам следовало бы сделать это при других обстоятельствах и не компрометирующим образом. Лумумба, конечно, думал о происшедшем, как и я, но второпях он сказал мне: «Не волнуйтесь, мой дорогой Антуан, я хочу лишь убедить, думаете ли вы так, как я. Нет проблем. У нас ещё будет возможность вернуться к моей речи, она должна стать исторической по духу и по содержанию»⁴.

13. Беспokoила Гизенгу и проблема становления армии независимого Конго. Он пишет в своих мемуарах, что именно он первым предложил Лумумбе, как премьер-министру, немедленно выслать из Конго бельгийского генерала Янссенса, командовавшего в колониальном Конго отрядами «форс публик». В день провозглашения независимости этот генерал в провокационных целях организовал в военном лагере «Леопольд II» митинг и заявил военным: «Конголезские солдаты остаются в том же статусе, что и были до независимости. Независимость и свобода только для гражданских и привилегированных. Жалование солдата не изме-

¹ Antoine Gizenga. Op. cit. P. 100-108.

² Antoine Gizenga. Op. cit. P. 111.; Verhaegen B. Parti Solidaire Africain (P.S.A.) Documents 1959 – 1960, Bruxelles, 1960.

³ Antoine Gizenga. Op. cit. P. 178-179, 181.

⁴ Antoine Gizenga. Op. cit. P. 188.

нятся. Бельгийские офицеры в национальной армии сохраняют свои посты и привилегии. Конго стало независимым, но в армии белые останутся выше чёрных»¹.

14. Провокационное поведение Янсенса вызвало возмущение солдат, особенно после того, как он умышленно заявил, что передаёт им то, что ему сказал «сам Лумумба». По стране прокатились солдатские волнения. Лумумба сместил Янсенса, передав всё руководство «конголезской национальной армией» и её «генеральным штабом» своему родственнику, бывшему младшему сержанту медицинской службы «форс публик» Виктору Лундуле, с присвоением ему генеральского звания. Лундула приступил к африканизации офицерского корпуса и попыткам улучшить условия жизни военнослужащих и их семей, в чём немного преуспел. Однако противостоять общей военной силе колонизаторов, располагавших вооружёнными бельгийскими парашютно-десантными и морскими подразделениями, созданными ещё в колониальный период европейским добровольческим корпусом и отрядами самообороны, новые конголезские власти не могли².

15. Гизенга был близко знаком с Томасом Канзой, членом первого конголезского правительства, представлявшего Конго в ООН в ранге посла с июля по август 1960 г. и в январе – 1961 года – в Нью Йорке повстанческое стэнливийское правительство. Именно Канзе принадлежит хрестоматийное определение понятия «лумумбизм»: «Мы называем лумумбизмом идеал, который поставил перед собой Лумумба, и путь, следовать которому он советовал, чтобы достичь этого идеала. Лумумбизм появился в Конго, но его влияние распространилось за пределы этой страны. В наши дни идеи Лумумбы известны всей Африке. Патрис Эмери Лумумба стал символом для всех националистов, для всех революционеров. Не будет преувеличением сказать, что лумумбизм олицетворяет во всём мире борьбу за освобождение народов, и Патрис Лумумба является знаменем самого чистого национализма»³.

16. Гизенга соглашался с Канзой. Он говорил, что Лумумба необычайно быстро созрел в политическом отношении, чему способствовали и бурный подъём национально-освободительного движения на африканском континенте, и всемерная поддержка со стороны СССР. Существенно изменились его взгляды на сотрудничество с Бельгией уже в ходе самих конголезских событий. Идея тесного сотрудничества с метрополией из-за вероломства Бельгии побудила его стать инициатором разрыва дипломатических отношений с Брюсселем. Гизенга особо подчёркивал, что своей светлой деятельностью Лумумба возвысил престиж политического лидера Конго и всей суверенной Африки. Лумумба встал в ряд выдающихся государственных умов современности. Как политический боец он был бесстрашен. Меня лично, говорил Гизенга, в характере Патриса всегда покоряли две особенности – кристальная ясность его логики и предельно доброе сердце⁴.

17. В августе 1961 г. т.н. «Согласительное совещание представителей ведущих политических партий Конго» сформировало общеконголезское правительство во главе с Сирилом Адулой, политиком весьма умеренных взглядов, обвинившего Лумумбу в том, что «его партия обслуживает только его личные амбиции». Гизенга был заочно избран заместителем премьер-министра этого правительства, однако к этой работе так и не приступил. В дальнейшем Гизенга был вице-премьером в правительстве С. Адулы (июнь-август 1961 г.), в сентябре 1961 г. вице-премьером в правительстве Лумумбы, созданном ещё при провозглашении независимости Бельгийского Конго. Он всегда замещал Лумумбу, когда премьер посещал США, Канаду, африканские страны. В августе 1960 г. Гизенга входил в состав конголезской делегации в Совете безопасности ООН. Из правительства Адулы его пытался отозвать первый президент не-

¹ Antoine Gizenga. Op. cit. P. 189. Tshimanga wa Tshibangu. Histoire du Zaïre. Kinshasa, 1976. P. 109. Pierre Artigue. Qui sont les leaders congolais? Bruxelles, 1960. P. 184-185.

² Винокуров Ю.Н., Орлова. А.С., Суботин В.А. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 203-205; «La Libre Belgique» Bruxelles 12.VII.1960.

³ <http://istmira.com/istnovei/patrice-lumumba/page96/>

⁴ <http://persons-info.com/persons/GIZENGA>

зависимого Конго Жозеф Касаубу, но без санкционирования парламента этот отзыв не вступил в силу¹.

18. В Заявлении Советского правительства в связи с убийством Патриса Лумумбы (от 14 февраля 1961 г.) говорилось: «Как известно, законное правительство Конго, возглавляемое исполняющим обязанности премьер-министра Антуаном Гизенгой, обратилось ко всем странам с просьбой о помощи для того, чтобы спасти республику Конго. Советское правительство считает оказание такой помощи священным долгом всех свобододлюбивых государств. Со своей стороны оно готово вместе с другими дружественными республике Конго государствами оказать всю возможную помощь и поддержку конголезскому народу и его законному правительству»².

19. Гизенга говорил в обращении к народу: «Империалисты ошибаются, если думают, что убив Лумумбу, они поставят нас на колени и задушат освободительное движение конголезского народа. Конго принадлежит конголезцам, именно они должны, прежде всего, пользоваться всеми природными богатствами своей стран. Ископаемые богатства Конго являются собственностью конголезского народа и никогда не будут рассматриваться как принадлежащие какой-либо финансовой группе, как бы могущественна она не была»³.

20. Консолидации патриотов содействовали возмущение гибелью Лумумбы, вмешательство внешних сил, антинациональная политика своих же консервативных деятелей. Считая себя правопреемником первого конголезского правительства, кабинет Гизенги продолжил поиски путей общенационального примирения на принципах, выдвинутых Лумумбой. «Народы Конго не могут стремиться к раздроблению страны, – заявил Гизенга в марте 1961 г. – Мы боролись за независимость не для того, чтобы судьба Конго оказалась в руках иностранцев. Мы хотим, чтобы Конго было единым, мирным и трудовым»⁴.

21. Особенно упорным повстанческое движение 1963–1965 гг. на востоке Конго было в треугольнике Киквит–Идиофа–Гунгу, где очень активными и популярными в повстанческой среде были Гизенга, Мулеле, Пакасса. Гизенга примкнул к той фракции руководящего органа повстанцев – Национального совета освобождения (НСО), которую возглавлял Эмиль Бошеле-Дэвидсон, умеренный лумумбист, предупредивший в сентябре 1960 г. Лумумбу о том, что в отрядах ООН находятся бельгийские парашютисты. Это не помешало ему в 1964 году занять пост министра юстиции в катангском правительстве Моиза Чомбе, помогать Полин, вдове Лумумбы, поддерживать контакты с Пьером Мулеле и помощником Лумумбы Андре Лубайя. Этой фракции противостояла фракция Кристофа Гбение и Гастона Сумиало, к которой, как к более воинственной, примкнул боевой партизан и будущий президент Конго Лоран-Дезире Кабила. Именно тогда, в первой половине 1960-х годов, возникло противостояние двух самых известных конголезских лумумбистов – А. Гизенги и Л.-Д. Кабилы, длившееся почти 40 лет.

22. Запад и прозападные силы в самом Конго были обеспокоены положением на востоке Конго, где центральная власть всё более теряла свои позиции. С этим была связана телеграмма Госсекретаря США в ООН от 23 ноября 1960 г. «О мерах против установления сторонниками Лумумбы контроля над Восточной провинцией». Откол Катанги в своё время не взволновал Запад так, как озаботила возможность отпадения востока Конго. «Стараниями Лумумбы, Гизенги, Бернарда Салуму (комиссар дистрикта Верхнее Конго, журналист, одно время личный секретарь Лумумбы. Ю.В.) и других лумумбовцев Стэнливилль превращается в центр экстремистской деятельности», говорится в этой телеграмме, виновники выявлены, пора их призвать к порядку, особенно Лумумбу и Гизенгу»⁵. В чуть более раннем документе № 140 от 18 августа 1960 г. «Обсуждение положения в Конго в Совете национальной безопасности США» было сказано, что делегацию Конго будет возглавлять вице-президент Гизенга, который столь

¹ Artigue P. Qui sont les leaders congolais? Bruxelles, 1961. P. 9, 84-85.

² История Африки в документах. М., 2007. Т. 3. С. 116.

³ Патрис Лумумба. Правда о чудовищном преступлении колонизаторов. М., 1961. С. 125–126.

⁴ Ceulemans J.A. Gisenka hier, aujourd'hui, demain. Bruxelles, 1965. P. 54.

⁵ Документ № 149 в сб. История Африки в документах. Т. 2. М., 2007. С. 562-564.

же плох для нас, как и Лумумба, если не хуже»¹. Запугивая Запад «явным желанием коммунистов предоставить свои войска в распоряжение правительства Гизенги», сепаратисты требовали от него расширения военной помощи»².

23. Люк Мошедже в брошюре «Американское проникновение в Конго», скромной по объёму, но насыщенной фактами и рассуждениями, констатирует, что бельгийские власти мечтали о «фасадной независимости их Конго». В случае же прихода к власти неких политических деятелей, особенно Патриса Лумумбы и его партии Национальное движение Конго, Антуана Гизенги и его Партии африканской солидарности, Анисета Кашамуры и его партии Центр африканской перегруппировки, или ещё кое-кого им подобных, эта независимость рискует стать действительно реальной. Именно поэтому бельгийцы были озабочены тем, чтобы «развернуть события и попытаться спасти то, что ещё можно спасти»³.

24. Пьер Артигю, известный французский биограф-конголезовед, полагает, что Гизенга вошёл в историю, как первопроходец конголезско-российских отношений. Уже в июле 1960 г. в интервью московской газете «Правда» Гизенга заговорил о необходимости установить дружеские связи между «нашими странами». 16 июля, объявляя по леопольдвильскому радио, что король Бельгии Бодуэн провозгласил независимость Конго, он добавил от себя, что «теперь Конго может обращаться к русским, если в этом возникнет необходимость». В марте – апреле 1960 г. он прослушал курс лекций по марксистско-ленинской социологии, организованный чехами в Конакри на французском языке. Среди документов, отправленных правительством Леопольдвилья в Согласительную комиссию ООН оказались письмо Гизенги к властям КНР с просьбой помочь Конго оружием, боеприпасами, продовольствием и деньгами; текст соглашения Гизенги с послом СССР в Леопольдвиле относительно безвозмездной поставки в Конго 25 самолётов, 5 вертолётов с экипажами, 30 радиоприёмников и полугодовой порции питания на 10 тыс. человек⁴.

25. В июне 1960 г. недавние соратники не поддержали Гизенгу, претендовавшего на пост главы правительства провинции Леопольдвиль, поскольку он «разделял коммунистические идеи». За «факт прокоммунистической настроенности» они сочли то обстоятельство, что Гизенга в марте – апреле того года посетил Конакри, столицу «мятежной» Гвинеи (эта страна получила независимость, проголосовав за неё в ходе деголлевского референдума 1958 г.) Гизенга был принят тогда президентом Секу Туре, посещал занятия по социологии в «марксистско-ленинском семинаре», в Конакри чехами⁵.

26. Не ускользнуло от внимания соратников то обстоятельство, что в гвинейском турне Гизенгу сопровождала молодая женщина из Центрально – Африканской республики Андреа Блуэн. Её матерью была африканка, отцом – француз. А. Блуэн пользовалась у африканцев репутацией коммунистки, революционерки, приверженки идеи panaфриканизма. Считалось также, что она была главным политическим советником Гизенги, Лумумбы, Мулеле, шефом протокола правительства Лумумбы⁶.

27. Пьер Артигю, весьма сведущий в политической жизни Конго середины XX в. сообщал, что Блуэн в 1960 г. дважды выслали из Конго: в июне колониальные власти – за политическую агитацию в пользу Гизенги и Мулеле, несовместимую с её туристической визой, в октябре полковником Мобуту, отстранившим тогда от власти Лумумбу, – за «коммунистическую пропаганду». Другой бельгийский автор Поль Хоарт писал, что Блуэн намеревалась в ноябре

¹ Там же, с. 544.

² «Essor du Katanga» Elisabethville 25.I.1961; «Etudes congolaises («Etudes zairoises») Bruxelles – Kinshasa, 1964. № 1. P. 13-12.

³ Mosheje Luc. La Penetration Americain au Congo. Edition «Remarque Congolaises». Bruxelles. s.a. P. 17.

⁴ Artigue P. Qui sont les leaders congolais? Bruxelles, 1961. P. 84-85.

⁵ Artigue P. Op. cit. P. 85.

⁶ Révolution Congolaise. Lumumba – Mulele – Kabila. Kinshasa, № 1-3 Octobre 2003. P. 5. – <http://www.debout-congolais.info/revcongo-01-complet.pdf>

того же года встретиться в Женеве с Гизенгой, но тот не смог приехать в Швейцарию. Артигю отмечает, однако, что сама Блуэн всегда отрицала свою связь с коммунистами¹.

28. Как бы то ни было, судьбы этих конголезских политиков тесно переплелись. Они стали активными участниками антиколониального движения, заняли высокие посты в органах власти независимого Конго. Лумумба и Мулеле заплатили за свои демократические устремления жизнями. Лумумбу после нескольких месяцев истязаний зверски убили его политические враги, оказавшиеся у власти при непосредственной помощи западных государств. Чтобы скрыть это преступление, убийцы, по одной из версий, растворили труп Лумумбы в ванне с серной кислотой.

29. Мулеле был соратником Гизенги по ПАС, министром образования в правительстве Лумумбы, депутатом национального парламента, идеологом и лидером крестьянского восстания в конголезской провинции Квилу в 1963-1964 гг. В КНР изучал маоистскую доктрину, а также практику руководства антиправительственными мятежами. После подавления восстания в Квилу жил в эмиграции. В сентябре 1968 г. Мобуту, обещав Мулеле полную неприкосновенность, заманил его в Конго и месяц спустя зверски казнил².

30. Описание этой ужасающей казни приведено в книге бельгийского африканиста Л. Мартенса «Пьер Мулеле или вторая жизнь Патриса Лумумбы». «В ночь на второе октября 1968 г. военные начали мучать Мулеле. У живого они вырвали уши, отрезали нос, выкололи глаза. Затем отрезали половой орган. У всё ещё живого они отрезали сначала ноги, потом руки. Останки тела они бросили в мешок и утопили в реке Конго. То же пишет в своей книге «Секретная история Заира» Д. Монгуйя Мбенге, вице-губернатор провинции Бандунду в середине 1960-х годов, когда в этой провинции развернулось восстание партизан под руководством Мулеле. Мбенге добавляет: «По приказу мобутовского полковника Монзимбы в лагере повстанцев были казнены три тысячи человек». Сам Монзимба назвал это место киквитской живодёрней. Там в глубокий колодезь сбрасывали живых повстанцев и членов их семей. Другой конголезский политический деятель К. Камитату, убеждённый противник Мулеле, в своей книге «Великая мистификация Конго – Киншаса» подтвердил вышеописанное: «Не думая казнить Мулеле, Мобуту всё же избавился от него после невыносимых истязаний. Изуродованное тело в мешке с камнем сбросили в воды Конго в тот вечер, когда Мобуту вернулся в страну из-за границы».

31. Расхождения во взглядах выявились у Гизенги с Лумумбой по одному из самых важных внешнеполитических вопросов: относительно обращения конголезского правительства за моральной поддержкой и материальной помощью к СССР в отражении внешней агрессии, жертвой которой Конго стало в июле – сентябре 1960 г. Именно тогда войска ООН, направленные в Конго по решению СБ ООН для оказания правительству Лумумбы помощи в умиротворении страны, фактически содействовали подчинившимся Мобуту подразделениям конголезской армии и переброшенным в Конго подразделениям бельгийской армии в свержении Лумумбы. Конголезский премьер, не поддержавший предложение Гизенги, в середине августа 1960 г. сам направил письмо Д. Хаммаршельду с осуждением действий ООН в Конго и просьбой активизировать и помощь этой международной организации его правительству в прекращении откола Катанги как неперемного условия стабилизации политического положения в стране³.

32. В отличие от Ж. Касаубу, тогдашнего президента Конго, в своекорыстных и провокационных целях предлагавшего Лумумбе просить помощи у СССР, Гизенга был искренен и обосновывал возможность такого обращения тем, что им в помощи отказали США, превратившие ООН в орудие агрессии против их страны. Поскольку Лумумба с ним не согласился, Гизенга счёл возможным поддержать обращение о помощи к западным державам, подготовленное министром иностранных дел Жюстэном Бомбоко и министром общественных работ

¹ Artigue P. Op. cit. P. 86.

² Martens L. Pierre Mulele ou la seconde vie de Patrice Lumumba. – <http://www.deboutcongolais.info/Pierre%20Mulele-complet.html#13>

³ Патрис Лумумба: Правда о чудовищном преступлении колонизаторов. М., 1961. С. 75.

Альбером Ньембо. Однако им было отказано, после чего эти министры окончательно перешли в лагерь противников Лумумбы, Гизенга же остался его союзником¹.

33. Гизенга будучи от природы человеком, что называется, «непубличным», сумел за долгие годы государственно-политической деятельности утвердиться в сознании соотечественников как видный политик и демократ. В числе 20 характеристик возможных претендентов в президенты ДРК, составленных Институтом по изучению общественного мнения «Туэн» в 2005 г., имелась характеристика Гизенги: он очень популярен в Киншасе и в провинции Бандунду, последователен в своих убеждениях, обладает большим опытом политической деятельности. Этому, однако, противостоит несколько негативных обстоятельств: преклонный возраст, длительное нахождение в эмиграции и на нелегальном положении, подозрения в причастности к массовым расправам с политическими противниками лумумбистов в 1964 – 1965 гг., выдвижение лозунгов, «опережающих время».

34. Статистически популярность Гизенги в тот год выражалась в следующем: получив 6,5% голосов респондентов, он оказался в ряду наиболее известных политиков ДРК сразу после Ж. Кабилы (6,8%) и перед Бембой (3,25%). Самым популярным был тогда «вечный оппонент», лидер партии «Союз за демократию и социальный прогресс» Э. Чисекеди, получивший 34% голосов. Оценка популярности Гизенги, полученная посредством зондажа общественного мнения в 2005 г., подтвердилась в ходе президентских выборов 2006 г. По результатам первого тура он занял третье место (13,6% голосов избирателей) после Ж. Кабилы (44,8%) и Бембы (20,03%), прошедших во второй тур².

35. Бельгийский африканист Люк Мошедже в своей брошюре «Американское проникновение в Конго», скромной по объёму, но насыщенной фактами и рассуждениями, констатирует, что бельгийские власти мечтали о «фасадной независимости «их» Конго». Но в случае прихода к власти неких политических деятелей, особенно Лумумбы, Гизенги, Кашамуры и ещё кое-кого им подобных с их политическими партиями эта независимость рискует стать действительно реальной. Именно поэтому бельгийцы были озабочены тем, чтобы «развернуть события и попытаться спасти то, что ещё можно спасти»³.

36. Французский историк Мишель Мерлие, автор монографии «Конго от бельгийской колонизации до независимости», одной из лучших по этой проблематике, так характеризует эволюцию верхов конголезского общества в середине XX в. «С приходом в 1960 году к власти высшей конголезской прослойки бельгийцам пришлось отказаться от полного контроля над государственным аппаратом. Эта высшая прослойка сразу же раздробилась на части в соответствии с личными, этническими или региональными отношениями, а также в зависимости от мнений по тем или иным политическим вопросам и происхождении секретных фондов, использованных для их подкупа. Не считая более или менее типичных марионеток, вроде Чомбе или Калонжи, можно было провести различие между тремя основными политическими тенденциями: во-первых, частью мелкой буржуазии во главе с Касавубу, без колебаний превратившуюся в коррумпированную государственную буржуазию; во-вторых, большинство во главе с Адулой, старавшееся найти компромисс, которого очень трудно было достичь, учитывая сохраняемые Бельгией позиции в Катанге, и часть третью, которую олицетворял Гизенга, сделавшую несколько шагов в направлении довольно-таки радикальных реформ»⁴.

37. Интересные сведения по этому сюжету содержатся в свидетельствах американской журналистки Линн Уолдрон, очевидице событий 1960 г. в Конго, близко знавшей Лумумбу и Гизенгу. Она вспоминает, что в мае того года, менее чем за два месяца до провозглашения независимости Бельгийского Конго, она посетила Лумумбу в его доме в Стэнливиле. Когда они беседовали, хозяину принесли телеграмму. В ней сообщалось, что Гизенга вместо полёта в Аккру направился прямым авиарейсом в Москву. Лумумба был этим очень рассержен. «Русские будут использовать Гизенгу как моего Иуду», – сказал он собеседнице. Однако последу-

¹ Artigue P. Op. cit. P. 85.

² Artigue P. Qui sont les Leaders Congolais? Bruxelles, 1961. P. 84-85.

³ Mosheje Luc. La Penetration Americain au Congo. Bruxelles, s.a. P. 17.

⁴ Michel Merlie. Le Congo de la colonization a l independence. Paris, 1962. P. 209.

ющая жизнь Гизенги, пишет Уолдрон, показала, что русские обнаружили у него преданность Конго и сопротивляемость диктату, такие же, как у Лумумбы.

38. Я точно знаю, продолжала Уолдрон, что ещё до провозглашения независимости Лумумба просил президента Дуайта Эйзенхауэра содействовать Конго в подготовке правительственной администрации. После провозглашения независимости, когда у Конго возникла необходимость в международной помощи для восстановления порядка, премьер-министр Лумумба просил Эйзенхауэра прислать американские войска. Он мечтал о том, чтобы Конго смогло стать похожим на Америку, но по иронии судьбы именно Эйзенхауэр отдал приказ убить его, поскольку продолжал упорствовать в том, что Лумумба коммунист¹.

39. В отличие от Касаубу, тогдашнего президента Конго, в своекорыстных и провокационных целях предложившего Лумумбе просить помощи у СССР, Гизенга был искренен и обосновывал возможность такого обращения тем, что им в помощи отказали США, превратившие ООН в орудие агрессии против их страны. Поскольку Лумумба с ним не согласился, Гизенга счёл возможным поддержать обращение о помощи к западным державам, подготовленное министром иностранных дел Жюстэном Бомбоко и министром общественных работ Альбером Ньембо. Однако им было отказано, после чего эти министры окончательно перешли в лагерь противников Лумумбы. Гизенга же оставался его союзником².

40. В ноябре 1960 г. Гизенга и несколько министров, остававшихся приверженцами Лумумбы, прибыл в Стэнливилль в качестве заместителя премьер-министра в правительстве Лумумбы. Он сразу получил поддержку местных властей как представитель законного правительства Конго. 12 декабря Стэнливилль был объявлен местом пребывания центрального правительства и временной столицей всего Конго)). Номинально сохранив статус законного правительства, они получили поддержку не только собственного населения, но и официальное признание 21 государства Азии, Африки, Восточной Европы³.

41. Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, Гизенгу не смутило то, что предложенная Кваме Нкрумой 7 марта 1961 г. с трибуны ООН программа преодоления конголезского кризиса, означала полное изменение его прежних, принципиальных позиций. Нкрума подчеркнул тогда первостепенную роль ООН в урегулировании конголезского кризиса, поддержал действия Хаммаршельда, не обмолвился о том, что единственным законным правительством Конго является правительство Гизенги, высказался за проведение всеобщих выборов под контролем ООН. По всем ключевым вопросам конголезского кризиса позиция президента Ганы неожиданно совпадала с американской⁴.

42. В первые месяцы 1961 г. положение этого правительства А. Гизенги упрочилось. Блокада восточных районов страны не могла сразу подорвать их экономику, слабо интегрированную в хозяйственную жизнь всего Конго. Продовольствием и товарами первой необходимости население обеспечивалось за счет местного производства. Были приняты меры к развитию торгово-экономических отношений с соседними странами, создан фонд иностранной валюты. «Если блокада не будет снята, – заявил министр экономики, – это побудит нас наладить экспорт и импорт продукции через соседей»⁵.

43. После убийства Лумумбы, верные его памяти министры во главе с Гизенгой переехали в г. Стэнливилль (ныне Кисангани), на восток страны, где Лумумба всегда пользовался наибольшим авторитетом. Этот город Гизенга объявил временной столицей Конго. Номинально сохранив статус законного правительства, они получили поддержку не только своего населения, но и официальное признание 21 государства Азии, Африки, Восточной Европы. В середине декабря 1960г. Гизенга всё же направил телеграмму Н.С. Хрущеву с просьбой о срочной помощи сторонникам Лумумбы военной техникой и продовольствием. Свою лепту

¹ D'Lynn Waldron. Patrice Lumumba. Stanleyville, Belgian Congo. – <http://www.dlwaldron.com/Lumumba.html>.

² Artigue P. Op. cit. P. 85.

³ Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А.. История Заира в новое и новейшее время. М., 1982. С. 215.

⁴ Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке 1956 – 1964. М., 2008. С. 175–176.

⁵ «La Libre Belgique». Bruxelles 25.III.1961.

в налаживание внешнеполитических связей этого правительства внес Мулеле, бывший в тот период его представителем при органах афро-азиатской солидарности в Каире¹.

44. Складывается впечатление, что Гизенга, порой недооценивая сложности обстановки, в которой ему приходилось действовать, придерживался изоляционистской тактики и потому не мог в полной мере опереться на симпатии, с которыми лидеры и общественность многих государств относились к последователям Лумумбы. В своей стране он пользовался значительным авторитетом. На самом представительном из конголезских политических «саммитов» (август 1961 г.) он даже в своё отсутствие был избран вице-премьером национального правительства. Действуй Гизенга тогда более гибко, он, возможно, смог бы закрепиться в высшем звене управленческого аппарата Конго. Однако этого не случилось. Дело в том, что правительство возглавил С. Адула, профсоюзный деятель, человек весьма умеренных политических взглядов, в конце 1950-х годов сблизившийся с Лумумбой, даже участвовавший вместе с ним в создании партии Народное движение Конго. Гизенга всегда относился к Адуле с недоверием.

45. В сентябре 1961 г. они представляли Конго на состоявшейся в Белграде первой конференции Движения неприсоединения. Оба выступили на ней 5 сентября с речами, были встречены делегатами с большим энтузиазмом. Адула говорил, в частности, о том, что его предшественник на посту премьер-министра Конго покойный П. Лумумба организовал в августе 1960 г. в Леопольдвиле панафриканскую конференцию, ставшую, по его, Адулы, мнению, проявлением идеи неприсоединения².

46. В своей речи Гизенга также говорил о Лумумбе, подчеркнув, что имеет честь оставаться не только его духовным наследником, но и одним из наиболее верных, последовательных и бдительных хранителей его идеалов. Приглашение премьера Адулы и меня на эту конференцию, сказал он, свидетельствует о доверии, которое неприсоединившиеся страны испытывают к нам как продолжателям политики независимости и нейтралитета, намеченной нашим незабвенным Патрисом Лумумбой³. В тот же день, 5 сентября, Гизенга покинул Белград, заявив, что должен пройти курс лечения в Египте.

47. В отличие от своих предшественников правительство С. Адулы получило признание большинства стран мира, поскольку его состав был утверждён на сессии конголезского парламента, и поскольку в него вошли сподвижники Лумумбы – А. Гизенга (как вице-премьер) и К. Гбение (как министр внутренних дел). Однако от самостоятельности этого правительства, всегда казавшейся иллюзорной, в начале 1962 г. не осталось и следа. Американский журналист Э. Телли в книге «ЦРУ. Секретная история» сообщил ставший ему тогда известным факт: власти США дали понять Адуле, что если его кабинет не станет защищать американские интересы в Конго, они найдут способ заменить его триумvirатом Мобуту – Нендака – Бомбоко. Сторонники Лумумбы были выведены из правительства, верховенство «группы Бинза» восстановилось в прежнем объеме.

48. Именно тогда, в январе 1962 г., Мобуту, по оценке журналиста М. Люка, сослал Гизенгу без суда и следствия на остров Була-Бемба в эстуарии реки Конго, где продержал его в гнилом климате 2,5 года в одиночной камере, под строжайшей охраной, на голодном пайке, без всякой медицинской помощи⁴.

49. По-видимому, именно из-за такого обращения с Гизенгой К. Гбение разработал требования к властям Конго: немедленно освободить Гизенгу, Луи Лумумбу и всех политических заключенных, немедленно изгнать наёмников, провести под контролем миссии ОАЕ выборы в местные органы власти. В газете *Progres—Dimanche*, 30 janvier 1965 Томас Канза писал, что проблемы Конго конголезцы смогут решить, но только с помощью всей Африки, ибо конголезская революция является неотъемлемой частью африканской революции⁵.

¹ История Африки в документах. Т. 2. 1919 – 1960. М., 2007. С. 570, 571.

² Verhaegen P. Congo 1961. Bruxelles, [s.a.]. P. 435.

³ Ibid. P. 438.

⁴ Luc M. La penetration americaine au Congo. Bruxelles, 1963. С. 50.

⁵ Congo 1965 Political Documents of a Developing Nation. Princeton, New Jersey, 1967. P. 166.

50. Вполне можно представить, каким образом подобные высказывания Гизенги соотносятся в представлениях африканцев с его приверженностью к идейно-политическим воззрениям Лумумбы. Конголезский политолог Фунгула Фуму Нгонджи свидетельствует, что Гизенга «владеет ключом к будущему нашей страны, поскольку регулярно общается с Лумумбой, подобно тому, как старейшины конголезских деревень общаются с нашими предками». Доказательство тому, продолжает Нгонджи, они (конголезцы. – Ю.В.) видят в том, что Гизенга продолжает жить, несмотря на все попытки убить его, предпринимавшиеся врагами Лумумбы¹.

51. В середине августа 1961 г. Гизенга и Адула посетили Стэнливилль, где первый представил населению второго как премьер-министра Конго и на 30-тысячном митинге произнес одну из своих самых проникновенных речей. Гизенга вновь говорил о Лумумбе: «Вы все знаете, что покойный премьер-министр Патрис Эмери Лумумба сам направил меня сюда, в Стэнливилль, чтобы спасти Конго от опасности, которая ему угрожает. Я отдал своё тело и свою душу, подчиняясь приказам моего вождя». И продолжал: «Вы следуете за мной не потому, что меня зовут Гизенга. Вы следуете за мной потому, что я и моя команда ведут вас по доброму пути, чтобы Конго оставалось в руках конголезцев. Пусть каждый конголезец перемещается в мирной обстановке из Нижнего Конго в Катангу, не встречая на этом пути никаких преград. Мы африканцы и мы должны вести наши дела в соответствии с доктриной банту, поскольку наши предки оставили нам обычаи, которым мы теперь следуем. Передадим нашу страну нашим детям, как того желал Лумумба»².

52. В ноябре 1961 г. Гизенга стал резко критиковать Адулу за то, что правительство вместо того, чтобы наладить дружественные отношения со странами доброй воли, особенно с теми, которые поддерживают и защищают конголезских националистов, предпочитает договариваться с западными державами, даже с Бельгией, содействовавшей отделению Катанги и посылающей туда оружие и наёмников³. Когда же Адула начал переговоры о примирении с «президентом» Катанги М. Чомбе, главным палачом Лумумбы, Гизенга обвинил правительство в «открытой измене». Выступая в Национальной ассамблее, он призвал армию к войне с катангскими сепаратистами, за что его обвинили в создании угрозы безопасности страны. 15 января 1962 г. ордонансом № 1/62 президент Касаубу по предложению премьер-министра отправил вице-премьер-министра А. Гизенгу в отставку, а оставшийся на посту министра внутренних дел лумумбист К. Гбение распорядился содержать его под домашним арестом. Затем Гизенга был передан в руки Мобуту⁴.

53. Бельгийский журналист М. Люк писал тогда, что Мобуту, ставший в 1961 г. командующим конголезской армией, принял в гонениях на Гизенгу самое деятельное участие. Именно он без суда сослал его на остров Була-Бембу (в устье р. Конго) и продержал его в невыносимых условиях – гнилого климата, в одиночной камере под строжайшей охраной, на голодном пайке, без всякой медицинской помощи – сначала с января 1962 по июль 1964 г., затем с октября 1964 по ноябрь 1965 г. Совершив тогда государственный переворот и захватив власть в стране, Мобуту сделал показательный жест – выпустил Гизенгу из заключения⁵. Естественно, Гизенга, сохранивший свою приверженность Лумумбе, не мог чувствовать себя в безопасности в стране, руководимой Мобуту, который оказался ключевой фигурой заговора по свержению и убийству Лумумбы. Он эмигрировал из Заира, жил то в Африке, то в Европе (в том числе, в СССР).

54. Именно в тот период, в 1968 г., автору этих строк довелось в третий раз (первые два случились в 1959 и 1960 г. в стенах Института востоковедения Академии наук СССР) встретиться с Антуаном Гизенгой в Москве. Здесь он поправлял здоровье, ухудшившееся от пребывания на о. Була-Бемба. Речь зашла тогда об обнадеживающих, как мне казалось, социально-экономических мероприятиях Мобуту. Выслушав меня, Гизенга сказал: «Не верьте тому, что

¹ Fungula Fumu Ngondji .Le choix entre Kabila et Bemba ou entre Gizenga et Tshisikedi. P. 5. – <http://www.friendsofthecongo.org/commentaire/lechoix.php>.

² Verhaegen P. Congo 1961. P. 496.

³ Ibid. P. 567-568.

⁴ Ibid. P. 567-568.

⁵ Luc M. La pénétration americaine au Congo. Bruxelles, 1963. P. 50.

говорит этот человек. Я хорошо его знаю. Он не из тех, кто думает о стране и людях. И если продержится у власти несколько лет, доведет страну до катастрофы». Эти горькие слова оказались вещими.

55. Гизенга везде выступал противником Мобуту, иногда совместно с какой-либо другой оппозиционной организацией, но чаще – один, как лидер Объединенной лумумбистской партии (ОЛП). Так, он отказался сотрудничать с Союзом освобождения Конго, возникшем в Брюсселе в 1981 г. и претендовавшем на роль координатора деятельности всех эмигрантских антимобутовских организаций. Гизенга был хорошо знаком с руководителем этого Союза Б. Мунгул-Диака, в прошлом близкого Лумумбе деятеля, остававшегося с конголезским премьером в самые тяжелые периоды его жизни, пытавшегося организовать его побег из мобутовского плена. Сам Гизенга в 1961 г. направил Мунгул-Диаку послом своего правительства в КНР, а в 1962 г. уступил ему руководство ПАС, пока находился под мобутовским арестом. Но последовавшего за этим перехода Мунгул-Диаки в лагерь Мобуту Гизенга простить ему не мог, даже тогда, когда тот впал в немилость к Мобуту и вынужден был эмигрировать в Бельгию, чтобы спастись от 10-летнего тюремного заключения¹.

56. Гизенга пишет в своих воспоминаниях, что он решил воспользоваться политической амнистией, которую Мобуту объявил 24 апреля 1990 г. К тому времени я всё ещё с 5 мая находился в Канаде, где подлечивал своё здоровье. 7 февраля 1992 г. я прилетел домой через Браззавиль. На пристани меня встречала овациями огромная толпа, состоящая не только из членов моей партии, но и простого народа, чем я был чрезвычайно растроган. С 1990-х годов и вплоть до свержения Мобуту он оставался к нему в оппозиции. Однако в Национальной суверенной конференции (август 1991 – декабрь 1992 гг.), сыгравшей значительную роль в подрыве основ мобутовского режима, активного участия он не принял².

57. Дочь Гизенги Дороти вспоминает о трудностях, которые её отцу и всей их семье пришлось пережить за 27 лет эмиграции. Уверяю вас, пишет она в письме Л. Уолдрон в конце 1990-х годов, что Гизенга всегда был помощником, соратником и товарищем Лумумбы. Разве можно говорить о нём, как о предателе? Я хотела бы знать, на чём это основано. Лично я могу свидетельствовать, что мой отец привержен Конго, panaфриканизму и лумумбовскому наследию. Мы были рядом с отцом, когда в 1997 г. не удалась попытка убить его. Нас изгнали из Франции и несколько недель мы вообще не знали, что с нами будет, пока нас не пригласили в Алжир, а затем Агостиньо Нето в Анголу. Когда же позднее отец стал препятствием режиму Душ Сантуша, пытавшегося вести мирные переговоры с Заиром, нас выслали из Анголы. Тогда нас приняли в Браззавиле. Мы очень опасались возвращения отца в Конго, куда он направился в 1992 г., чтобы участвовать в Национальной суверенной конференции. В июле 1995 г. наш дом подвергся нападению мобутовских солдат. В августе 1997 г. тоже самое совершили солдаты Лорана-Дезире Кабилы. Конечно, я его дочь, но я знаю, что сила и преследования, которым он подвергался, не обязательно направлялись только против коррумпированных предателей³.

58. Весь период правления Л.-Д. Кабилы (1997-2001 гг.) Гизенга оставался в оппозиции к своему политическому единомышленнику. Они оба так и не вняли призыву покойного Мулеле, который ещё в августе 1966 г. предложил им стать выше личных амбиций в интересах конголезской нации. Лишь однажды, в 1973 г., Гизенга примкнул к созданной Л.-Д. Кабиллой за шесть лет до того Партии народной революции. Кабила объявил марксизм – ленинизм идеологической платформой этой партии, свержение Мобуту – её главной целью, а вооружённую борьбу – основным методом достижения этой цели. Однако вскоре Гизенга порвал с ПНР, вероятно потому, что любое насилие, как он полагал, не соответствовало лумумбистским представлениям о методах создания африканского демократического государства. Этот случай

¹ Mabi Mulumba, Mutamba Makombo. Cadres et dirigeants au Zaïre, qui sont-ils? Kinshasa, 1986. P. 356; Heinz G., Donnay H. Lumumba Patrice. Les cinquante derniers jours de sa vie. Bruxelles, 1966. P. 14.

² Antoine Gizenga Op. cit. P. 405.

³ Dorothee Gizenga writes about her father Antoine Gizenga of the Congo. – <http://dlynnwaldron.com/DorotheeGizenga.html>

вполне соответствует неписанной политологической сентенции, согласно которой самыми непримиримыми политическими противниками оказываются приверженцы одного идеологического течения¹.

59. Противостояние двух известных лумумбистов, возникшее на почве их личной неприязни и соперничества ещё в начале 1960-х годов, продолжалось почти 40 лет, до гибели Л.-Д. Кабила в 2001 г. В ходе повстанческого движения 1963-1965 гг. они оказались в разных группировках: Кабила вошёл в ту, руководимую К. Гбение и Г. Сумиало, что возглавила повстанческую Народную Республику Конго (со столицей в г. Стэнливиль), а Гизенга, не приглашённый в правительство этой республики, – в более умеренную группировку Э. Бошеле-Дэвидсона, проявлявшую склонность к переговорам с леопольдвильскими властями. Этот факт был показателен тем, что Гизенга и Гбение вместе работали в правительстве Лумумбы. Гизенга, объявив себя преемником Лумумбы на посту премьер-министра Стэнливилльского правительства, вызвал недовольство не только Гбение, но и некоторых других министров².

60. Лишь однажды, в 1973 г., Гизенга примкнул к созданной Л.-Д. Кабилой за шесть лет до того Партии народной революции. Кабила объявил марксизм-ленинизм идеологической платформой этой партии, свержение Мобуту – её главной целью, а вооружённую борьбу – основным методом достижения этой цели. Однако вскоре Гизенга порвал с ПНР, вероятно потому, что любое насилие, как он полагал, не соответствовало лумумбистским представлениям о методах создания африканского демократического государства³.

61. Со временем, убедившись в неэффективности своего авторитарного управления Конго, Л.-Д. Кабила на протяжении 1999-2000 гг. пять раз пытался организовать общенациональную конференцию, чтобы обсудить с лидерами оппозиции перспективы политического развития страны. Самой значительной могла стать конференция, намечавшаяся на апрель-май 1999 г. в Риме, под покровительством Общества Святого Эгидия, при посредничестве экс-президента Бенина Д. Зинсу. Оппозиционеры ее бойкотировали. Гизенга, оказавшийся в числе 248 конголезских политиков, которым было запрещено выдвигать себя кандидатом в президенты страны, заявил тогда о Кабиле и его плане вывода Конго из кризиса: «Мне вообще не о чем с ним говорить»⁴.

62. С приходом к власти Жозефа Кабила (в январе 2001 г.) позиция Гизенги подверглась некоторой корректировке: от «жесткой» оппозиции к режиму он перешёл в оппозицию «лояльную». В так называемый переходный период, продолжавшийся в сложных условиях Конго до 2006 г., ему надлежало сделать выбор между поддержкой нового президента или присоединением к оппозиции. Став депутатом «переходного парламента», он не вошел в состав «переходного правительства», поскольку не желал сотрудничать с министрами, которых ООН сочла причастными к расхищению природных ресурсов Конго⁵.

63. Насколько этот аргумент был (и остаётся) значимым, можно судить по тому, что писал об ограблении Конго известный конголезский политический деятель Оноре Нгбанда Нзамбо в своей поразительной книге «Организованные преступления в Центральной Африке»: «С исчезновения Мобуту прошло семь лет. Руандийско-угандийская коалиция и их западные союзники разграбили наши богатства так, как Мобуту не сделал этого за 30 лет»⁶.

64. Авторитет Лумумбы, светлая память о нём, продолжающие жить в конголезском общественном сознании, также, возможно, стали причиной того, что Гизенга всегда воспри-

¹ Из сообщений корреспондентов ИТАР-ТАСС от 28.04.1999.

² Le Potentiel. Kinshasa, 29.08.2005.

³ Lumuna Sando C.K. Zaïre: quel changement pour quelles structures? Bruxelles, 1980. P. 142.

⁴ Marchés tropicaux et méditerranéens. P., 17.07.1999. P. 1534; RDC: La commission constitutionnelle propose d'exclure M. Tshisekedi de la politique. – Afrique Express. P., № 168. 08.04.1998; ИТАР-ТАСС. Сообщение корреспондента. 28.04.1999.

⁵ Perdrix Ph. La methode Gizenga. – Jeune Afrique. P., № 2400. Du 7 au 13.1.2007. P. 62.

⁶ Honoré Nbanda Nzambo. Crimes organizes en Afrique Centrale. Révélation sur les reseaux rwandais et occidentaux. P., 2004. P. 177.

нимался соотечественниками как видный политик и убежденный демократ. «Он пользуется репутацией стойкого и неподкупного человека», – писал о нём журнал «Жён Африк»¹.

65. Будучи от природы человеком что называется «непубличным», Гизенга сумел за годы государственно-политической деятельности утвердиться в сознании соотечественников как видный политик и демократ. В числе 20 характеристик возможных претендентов в президенты ДРК, составленных Институтом по изучению общественного мнения «Туэн» в 2005 г., имелась характеристика Гизенги: «Он очень популярен в Киншасе и в провинции Бандунду, последователен в своих убеждениях, обладает большим опытом политической деятельности. Этому, однако, противостоит несколько негативных обстоятельств: преклонный возраст, длительное нахождение в эмиграции и на нелегальном положении, подозрения в причастности к массовым расправам с политическими противниками лумумбистов в 1964-1965 гг., выдвижения лозунгов, опережающих время».

66. Статистически популярность Гизенги в тот год выражалась в следующем: получив 6,5% голосов респондентов, он оказался в ряду наиболее известных политиков ДРК сразу после Ж. Кабилы (6,8%) и перед Бембой (3,25%). Самым популярным был тогда «вечный оппонент», лидер партии «Союз за демократию и социальный прогресс» Э. Чисекеди, получивший 34% голосов. Оценка популярности Гизенги, полученная посредством зондажа общественного мнения в 2005 г., подтвердилась в ходе президентских выборов 2006 г. По результатам первого тура он занял третье место (13,6% голосов избирателей) после Ж. Кабилы (44,8%) и Бембы (20,03%), прошедших во второй тур².

67. В 1977 г. брюссельское издательство «Editions de l'Esperance» выпустило в свет мемуары государственного и политического деятеля ДРК Даниэля Монгуйя Мбенге (1935-2010 гг.), вполне обоснованно озаглавленные «Потаённая история Заира. Варварская аутопсия на службе мира», адресованные памяти Лумумбы, Касавубу, Чомбе, Мулеле, но касающиеся судеб едва ли не всех известных миру и Африке конголезских деятелей. Что касается Гизенги, о нём Мбенге вспоминает только трижды. Впервые, когда они жили вместе в Yolo-Nord. Гизенга, по его мнению, был человеком «неискренне верующим» (*hypocritement religieux*). Он учительствовал в Saint-Pierre, известном диоцезе отцов шиитов (*des peres de Scheut*) и одновременно местом известных событий 4 января 1959 года, и острых диспутов между католической церковью и новым режимом. Когда же Гизенга стал членом правительства Лумумбы, он очень страдал от того, что его шеф постоянно выказывал слабость в отношениях с Бельгией. Однажды, когда Лумумба находился в Нью Йорке, Гизенга решил воспользоваться своими правительственными полномочиями, чтобы раз и навсегда установить в Конго социалистический режим³.

68. В январе 2005 г. руководство ПАЛУ обратилось к конголезской и международной общественности с воззванием содействовать конголезскому народу в реализации его права в ходе свободных, демократических и транспарентных выборов отдать до 30 июня 2005 г. (45-летия независимости Конго) свои голоса за своих депутатов, что является их законным правом, а не попрошайничеством. Те, кто пытаются нарушить эти сроки, хотят, чтобы наша страна и дальше пребывала в бесполезных ожиданиях и анархии. Мы сообщаем всему конголезскому народу, что ПАЛУ добивается проведения выборов в установленные сроки. Мы приглашаем все объединения, политические и общественные организации присоединиться к ПАЛУ для создания широкого фронта мирной и справедливой борьбы за свои решения. Этот фронт будет не просто акцией протеста, а конкретным действием для ускорения электорального протеста. Призыв касается всех конголезских организаций, включая политические, конфессиональные профсоюзные, экономические и социальные. Просим обращаться в письменном виде по адресу N 661/11, Avenue des Gerberas, 12eme Rue de Limite/Residentiel a Leopoldville. НАРОД ПОБЕДИТ. Генеральный секретарь, глава ПАЛУ *Антуан Гизенга*.

¹ Le Phare. Kinshasa. 28.02.2007; Le Potentiel. 28.02.2008.

² Artigue P. Qui sont les Leaders Congolais? Bruxelles, 1961. P. 84-85.

³ Daniel Monguya Mbenge. Histoire Secrete du Zaire. Bruxelles, 1977. P. 60.

Воззвание распространялось в Киншасе циркулярным письмом¹.

69. Вскоре после этого воззвания появилось обращение руководства ПАЛУ к массам. В нём говорилось, что массам не следует особенно волноваться. На этих президентских выборах кандидатом от этой партии будет вне всяких сомнений выдвинут Антуан Гизенга. Успокойте своих близких. Он ещё не объявлял об этом, потому что сам лично ещё ничего не предпринимал. Конечно, юридическая база должна быть создана теми, кто организует выборы, избирательный закон ещё не известен. Партийные функционеры утверждают, что ПАЛУ активно готовится к выборам и представит всё новое. Она восстанавливает свою стратегию, в новой политической формации определяет из своих видных деятелей, сохраняя при этом анонимность².

70. Зондаж общественного мнения, проведённый Институтом «Пуэн» в 2005 г., показал, что конголезцы считают Гизенгу человеком последовательных убеждений. Вместе с тем, респонденты отмечали его «недостатки» – преклонный возраст; длительное, хотя и вынужденное нахождение «вне политики» из-за 25-летней эмиграции и нелегального проживания в своей стране; возможную причастность к репрессиям против недругов Лумумбы в ходе повстанческого движения 1963-1965 гг.; и наконец, – что особенно интересно, – «выдвижение лозунгов, опережающих время»³. В тот год Гизенга был пятым по популярности конголезским политиком, расположившись в их списке между Ж. Кабилой и Ж.-П. Бембой, а в 2006 г., после первого тура президентских выборов, – третьим (с 13,6% голосов) вслед за Ж. Кабилой (44,8% голосов) и Бембой (20,03%).

71. Похоже на то, что ход предвыборной кампании 2006 г. подсказал Гизенге возможность принять в ней активное участие. В связи с этим он объявил, что его Партия объединённых лумумбистов остаётся приверженной триединой системе власти – президенту, партии и её лидеру, а в рамках партии – сложившемуся ещё во времена событий в Квилу политическому формированию «Patriarche du Kwilu», располагающему 7% голосов и 34 местами в Национальной Ассамблее⁴.

72. Корреспонденту одной из центральных киншасских газет он заявил тогда, что станет кандидатом, чтобы выиграть выборы. «Если потребуется второй тур, я выступлю вместе с кандидатами – демократами, располагающими проектом общественного устройства, а не представляющими собой группу хищников. Я стану кандидатом, чтобы использовать в своей деятельности политические средства, ибо нельзя построить государство без трёх опор, а именно, чтобы контролировать исполнительную власть, издание законов и реальное разделение властей. Я не верю, что тем, кто посажен во власть мафией, коррупцией и расхитителями. Хотя, как знать, может быть во втором туре именно я буду противостоять Кабиле. Всё возможно, поскольку президент у нас «практикующий»⁵.

73. Можно предположить, что Ж. Кабила всерьёз задумался о сотрудничестве с Гизенгой в июле 2006 г., когда по итогам первого тура не смог из категории назначенного, «переходного» президента перейти в категорию демократически избранного президента. Сделанное Гизенге предложение состояло в следующем: его Партия объединённых лумумбистов (ПОЛ) входит в Alliance des Militants du President (Альянс сторонников президента), иначе говоря – передает голоса своих сторонников Ж. Кабиле, за что кто-то из лидеров его партии станет премьер-министром ДРК. Было ясно, что таковым мог стать только Гизенга, однако сразу назван он не был. Объявили об этом позднее⁶.

¹ Parti Lumumbiste unifié – PaLu, Leopoldville, Le18 janvier 2005, N/Ref.:PL/SP/LEON 018/2005

² Journal du Citoyen Election présidentielle: Une vingtaine de candidates dans la course. N 14 Semaine du 9 au 15 janvier 2006. http://www.panosparis.org/fichier_ProdFR/fichierProd1458pdf

³ Africa news. RDC: la liberté en marche. P. 7. – <http://www.congoelections.com>.

⁴ Repartition des sieges a l'Assemblee nationale: le PPRD, le MLC et le Palu prennent la part du lion. Journal du Citoyen election présidentielle: № 50 Semaine du 25 septembre au 1 octobre 2006.

⁵ Le Potentiel. Kinshasa 17 avril. 2006.

⁶ Antoine Gizenga. – <http://www.wikipedia.org/wiki/>; Antoine Gizenga Fungji virtuel premier ministre de la coalition AMP-PALU; Antoine Gizenga confirmé comme future Premier Ministre au Congo. – http://www.7sur7be/art/pag/hln_art_printversie.jsp?p Page=af. P. 1.

74. Гизенга поразмыслив, а возможно и поколебавшись, дал положительный ответ два месяца спустя. Профессор Киншасского университета Т. Нланду-Майамба в августе 2006 г., всего за два месяца до второго тура выборов, характеризовал позицию Гизенги как «неясную», поскольку сам лидер ПОЛ колебался, присоединятся ли его избиратели к блоку сторонников президента или выступят совместно с группировкой «TSK» («Любой, но не Кабила»). Проф. Нланду был уверен в том, что без Гизенги его партия не сможет играть заметную роль в политической жизни страны¹. К этому можно добавить, что и без голосов своих сторонников Гизенга вряд ли был бы интересен Ж. Кабиле.

75. Соглашение между президентским Альянсом и гизенговской ПОЛ было подписано в торжественной обстановке 30 сентября 2006 г. В нём указывалось, что фундаментальными ценностями президента Кабилы и его сторонников считаются национальный суверенитет Конго; его территориальная целостность; благое управление; правосудие, дающее каждому свою долю (*la justice distributive*), борьба против коррупции и любых других недостойных действий. Antoine Gizenga Fungii virtuel premier de la coalition AMP-PALU².

76. Один из конголезских журналистов обратил внимание на то, что в тексте этого соглашения сказано, что штаб-квартира ПОЛ находится в Леопольдвиле, тогда как столица страны с 1966 г. называется Киншаса. В этом курьёзе журналист увидел проявление постоянной оппозиционности Гизенги по отношению к правительствам ДРК с момента отстранения Лумумбы от власти в августе 1961 г.³

77. Назначение Гизенги премьер-министром состоялось в ноябре 2006 г. Состав правительства (6 государственных министров, 34 министра, в том числе 8 женщин, 20 заместителей министров) был объявлен два месяца спустя. Все рычаги власти оставались в руках президента, министры именуются его «партнерами». Ключевые посты заняли его ближайшие сподвижники Ж. Кабилы, которых журналисты прозвали «молодыми волками, более озабоченными своим политическим будущим, чем судьбами страны»⁴.

78. В феврале 2007 г. была подготовлена программа деятельности правительства. Представляя её Национальной Ассамблее, Гизенга отметил, что итог 46-летнего периода независимости оказался трагичным: налицо распад государственного аппарата, неэффективная финансово-экономическая политика, постоянное снижение жизненного уровня населения, преступное расхищение природных ресурсов страны⁵. Анализ правительственной программы, восприятие её различными политико-социальными группами конголезского общества, перспектив и, возможно, итогов её выполнения составляют предмет самостоятельного исследования⁶. Коснемся, лишь отдельных аспектов этой темы.

79. По мнению Л. Че Окитунды, директора кабинета главы государства, начавшего свою карьеру государственного чиновника с министерских постов ещё при Л.-Д. Кабиле, и пресс-секретаря партии ПОЛ Г. Майобо, союз Ж. Кабилы и А. Гизенги базируется на единой идеологической платформе⁷. Правительственная программа, рассчитанная на пять лет (2007-2011 гг.), основывалась на пяти предвыборных лозунгах Ж. Кабилы, обещавшего соотечественникам развития инфраструктуры, занятости, образования, водо- и электроснабжения и здравоохранения. Гизенга добавил к ним свои: мир в стране, её единство, воссоздание армии и полиции, культурная революция⁸.

¹ Africa Election. Database. Elections in the Congo-Kinshasa. – <http://africanelections.tripod.com/cd/html P. 5-6>.

² <http://www.congo-actualites/net/spip.php?article934.P.1>

³ Gizenga Premiere Ministre? <http://echodinamic.oldiblog.com/designs/desing3/includ.print-art>

⁴ Observatoire de l'Afrique Central (s.l.). Vol. 10, fevrier 2007. P. 7-8.

⁵ La Prosperité. Kinshasa. 24.02.2007.

⁶ См. об этом подробнее: Винокуров Ю.Н. «Лумумбизм» на рубеже XX-XXI вв. – эпигонство или программа возрождения Конго? // Сб.: Африка: континент и диаспора в поисках себя в XX веке. М., 2008. С. 104-105.

⁷ Jeune Afrique. P. № 2400. Du 7 au 13.I.2007. P. 62.

⁸ La Prosperite. Kinshasa. 24.02.2007., Le Phare. 01.03.2007.

80. Киншасские газеты подробно излагали взгляды Гизенги на управление страной и вывод её из кризисного состояния. Особенно подчеркивалось, что новый премьер выступает за соблюдение принципов благого управления, участия общественных организаций в выработке политических и социальных решений, усиление роли государства в развитии экономики и достижения макроэкономической стабильности¹. Возрождение Конго, по мнению Гизенги, должно было совершиться посредством возрождения самого общества, семьи, моральных устоев на основе сочетания либерализма и социализма (*libéralisme associé au socialisme*). Этот сплав должен породить социальный прогресс. Государству надлежит взять под контроль некоторые стратегические отрасли производства, особенно те, что представляют интерес для частных инвесторов. Гизенга назвал эту программу самой стремительной (*plus bel élan*) в воссоздании Конго как страны мира, достоинства и порядка².

81. Французский исследователь Ф. Пердрик отметил социальную направленность этой программы. Гизенга, по его мнению, стремится возродить «ценности 1960-х годов», когда страна завоевала независимость и пыталась её упрочить. И обновить «политический класс» посредством очищения его от «*patenevo*». Эта новая для конголезцев аббревиатура (их конголезцы вообще любят) составлена из двух первых букв трёх французских слов: *patresseux* (лентяи), *menteurs* (лжецы) и *voleurs* (воры), чтобы доходчиво объяснить массам, от носителей каких пороков политическая элита Конго должна избавиться в первую очередь³.

82. По мнению французского публициста Мирея Девеи, сотрудника журнала «Африка магазин», Гизенга имеет моральное право объявить борьбу с коррупцией и несправедливым обогащением целью своего правительства и всех конголезцев, поскольку сам никогда не был замешан ни в коррупционных и прочих махинациях, ни в стремлении ради денег к высокооплачиваемым должностям⁴.

83. Интересны приводимые этим журналистом свидетельства лиц, близко знавших Гизенгу, о его личных качествах. Пребывая в немолодом, особенно по африканским меркам, возрасте, Гизенга поддерживает себя во вполне работоспособном состоянии. Он пунктуален во всем. Бодрствует с пяти утра, два первых часа отводит физической зарядке, упражнениям со скакалкой, боксу, ходьбе. Завтракает ровно в семь часов, разумно питается, предпочитая привычную пищу из рациона пенде (съедобных гусениц, пондю, фуфу из кукурузы), не пьёт спиртное и не курит. Он всегда безукоризненно одет, в официальной обстановке носит европейский костюм-тройку, белую рубашку и галстук, никогда не признавал «абакос», введённый Мобуту «самобытный» заирский костюм (пиджак с короткими рукавами и шарф вместо рубашки).

84. Рабочий день премьер-министра продолжается до позднего часа. Он редко даёт интервью, говорит сдержанно. Опасаясь искажения высказываний, предпочитает заменить беседу представлением собственноручного текста. Он много читает, особенно политическую литературу и жизнеописания известных деятелей. Пользуется Интернетом, по телевидению отслеживает развитие событий в мире, сопоставляя их освещение на разных каналах, любит научные и исторические передачи. Свой досуг Гизенга заполняет просмотром футбольных матчей, играет на гитаре, сочиняет музыку и тексты песен, порой не прочь и потанцевать⁵.

85. Призывы Гизенги к демократизации страны, разработке и выполнению программы восстановления народного хозяйства как неперемных условий вывода Конго из глубокого системного кризиса сразу же натолкнулись на противодействие элитарных групп общества. Проявилось это, в частности, при обсуждении проекта бюджета ДРК на 2008 г., состоявшемся в Национальной Ассамблее в конце ноября 2007 г. По сообщениям киншасских газет, пред-

¹ Le Phare. Kinshasa. 28.02.2007; Le Potenciel. 28.02.2008.

² La Prosperité. Kinshasa. 23.02.2007; 24.02.2007.

³ Perdrix Ph. Op.cit. P. 62.

⁴ Devey M. Antoine Gizenga ou le retour du «vieux lion»// Afrique Magazine. 2007. № 257. Février//<http://www.afriquechos.ch/spip.php?page=article-print&d>

⁵ Devey Muriel. Antoine Gizenga ou le retour du «vieux lion». – Afrique Magazine. [s.l.] février 2007. № 257. - <http://www.afriquechos.ch/spip.php?page=article-print&id>

метная критика проекта была подменена выпадами в адрес правительства, и особенно премьер-министра. «Стоит ли удивляться, если правительство окажется не в состоянии даже минимально совершить что-то героическое, ведь оно в таком возрасте, когда уже ничего не можешь...» – вопрошал один из оппозиционеров.

86. Неслучайно, в одной из киншасских газет отмечалось, что в Конго сложилась собственная практика функционирования правительства, особенно упрочившаяся в мобутовский период. Политики теснили друг друга, чтобы увидеть себя в правительстве под тем предлогом, что необходимо положить конец нищете, в которой пребывает население. Но в конце концов ни одна из проблем не решается так, чтобы бороться против обнищания народа. Более того, каждое правительство вместо того, чтобы решать старые проблемы, порождает новые, становясь мишенью для всяческих политических атак. Вместо того, чтобы бороться против нищеты народа, развёртывается борьба против правительства. Что ни год, требуется его менять¹.

87. В течение двух дней Гизенга с внешним спокойствием выслушивал ораторов, которые, по выражению одного из журналистов, в годы «республики мошенников и дружков-приятелей» (*pendant la République des coquins et des sorains*) сами породили нынешние проблемы страны. Подводя итоги «дискуссии» он заявил: «Я хочу сказать здесь, что тоже был молод и уже тогда внёс вклад в освобождение нашего народа и нашей страны. История и народ-суверен будут последними судьями, кто оценит этот вклад. В историю войдут дела, а не слова. Знайте, у каждого из нас рано или поздно нация спросит: что ты делаешь для меня, пока ты молод, когда же станешь старым, что ещё сможешь сделать для меня? Теперь я стар. Но я обрёл силы, поскольку его Превосходительство Президент Жозеф Кабила Кабонго и ваша Высокая Ассамблея оказали мне честь, предоставив возможность отдать последние силы возрождению нашей дорогой и прекрасной страны и нашего великого народа. Есть ли в этом какое-то прегрешение?»².

88. В марте 2008 г. Гизенга в качестве премьер-министра ДРК посетил КНР, где подписал рамочное соглашение о сотрудничестве между двумя странами, в рамках которого Пекин обязался поддерживать стабильность конголезского франка, а президент ДРК Ж. Кабила в том же году заявил, что именно китайская модель развития поможет восстановить Конго³.

89. В начале октября 2008 г. Антуан Гизенга подал президенту ДРК прошение об отставке, мотивируя свою просьбу преклонным возрастом и общим состоянием здоровья. Он сказал тогда: «Даже если дух всё ещё здоров и свеж, у тела есть свои пределы, и это нужно учитывать»⁴.

90. Ж. Кабила не только удовлетворил эту просьбу, но и согласился с предложением Гизенги назначить главой правительства одного из руководителей его партии ПАЛУ Адольфа Музито. В 2009 г. президент присвоил Гизенге звание «Национальный герой ДРК», самое почётное в стране⁵. В 2012 г. его Партия объединённых лумумбистов получила 19 мест в Национальном собрании, но «Президентское большинство» не нашло с нею общего языка и Гизенга отказался от участия в руководящем органе парламента «из-за навязанной ей кандидатуры»⁶.

91. 4 января 2016 г. Антуан Гизенга Фунджи, экс-премьер министр ДРК, генеральный секретарь Объединённой лумумбистской партии (ПАЛУ) в своей киншасской резиденции на Цветочной горе принял председателя Независимой национальной избирательной комиссии Корнелия Нангаа. Гость прежде всего возблагодарил Всевышнего за то, что патриарх пребывает в добром здравии. Гизенга рекомендовал председателю комиссии в ходе выборов придать им примирительный характер, чтобы сохранить Конго и в сложившейся ныне социально-по-

¹ «L'Avenir» Kinshasa. 18 janvier 2007

² Vidibio Clément. Une leçon de patriotisme et de nationalisme. Kinshasa. 04.12.2007. – <http://www.digitalcongo.cd/article/48519>.

³ Сидорова Г.М. Вооружённые конфликты в Африке (на примере ДРК) М., 2003. С. 283.

⁴ <http://webground.su/topic/2008/10/11/t91>.

⁵ <http://www.famousbirthdays.com/people/antoine-gizenga/htm>

⁶ Сидорова Г.М.. Африка. Война идей и война людей в зеркале Демократической Республики Конго. М., 2015. С. 77.

литической ситуации. Эта встреча проходила в рамках налаживания партнёрства всех религиозных конфессий Конго¹.

92. Обычно в таких ситуациях принято говорить, что с уходом «имя рек» закончилась целая эпоха. В случае с Гизенгой точнее было бы сказать, что сподвижник Лумумбы намного пережил свою эпоху и сумел внести заметный вклад в политическую жизнь ДРК на совершенно новом этапе развития не только своей страны, но и всей Африки, и что его соотечественники, как было написано в одной из столичных конголезских газет, «всё ещё остаются жертвой мошенников и заложниками коррупционеров, с восклицанием древних римлян: «O tempora! O mores!»».

93. В 2011 году парижское издательство «Арматан» выпустило в свет сборник материалов о деятельности Антуана Гизенги в 1940 – 1959 годы, с краткой биографической справкой, озаглавленной «Антуан Гизенга – прогрессивный левый борец – националист».

«С самого начала своей политической деятельности в 1959 г. в качестве президента Партии Африканской Солидарности (ПАС) Антуан Гизенга никогда не переставал бороться за внедрение в Конго следующих основополагающих республиканских принципов: независимость, свобода, мир, правосудие и демократия. Именно поэтому с июня 1960 г. он стал, вместе с премьер-министром Патрисом Лумумбой добиваться того, чтобы консолидировать эти принципы. Народ доверил им сделать это в парламенте, избранном в мае 1960 г., полагая, что независимое Конго останется единым.

Однако, когда в июле того же года Катанга провозгласила свою независимость, Гизенга стал изо всех сил сражаться против этого. Сначала в лумумбовском правительстве, остававшемся в Леопольдивиле, затем с 14 сентября 1960 г. в Стэнливиле. Эта была бескомпромиссная борьба против катангского сепаратизма, за законное наказание тех, кто убил Лумумбу в январе 1961 г. Самого Гизенгу продержали тогда в тюрьме больше года. После героической смерти Лумумбы он решился взять на себя всё его духовное наследие и стать первым врагом его убийц, продолжавших заниматься в стране террором и судилищем.

Едва освободившись в 1964 г., он собрал вокруг себя националистские партии, которые 22 августа того же года преобразовал в Объединённую Лумумбистскую Партию (ПАЛУ). Именно он и теперь руководит этой политической организацией, противопоставляя её всем врагам свободы и демократии. Через два месяца после дня его рождения враги снова обрекли его на молчание.

Когда Гизенга вновь оказался на свободе, в ноябре 1965 г., он возобновил борьбу, на сей раз против диктатуры военного режима. Вырвавшись из рук Антанты, он скрывался за границей до 19 февраля 1966 г. В изгнании, продолжавшемся вкуче 26 лет, он не прекращал борьбу за возрождение плюралистической демократии. Эта битва продолжалась до его возвращения в его страну 7 февраля 1992 г.

Он удвоил свои усилия, добиваясь ухода маршала Мобуту Сесе Секо. Лоран Дезире Кабила, старый партизан-прогрессист, расположенный к ведению «освободительной войны», намеревался свергнуть диктатора. Гизенга приветствовал в его лице «брата лумумбиста» и думал, что его продвижение к главе государства поспособствует возвращению националистов во власть. Но президент Кабила не захотел допускать его и ПАЛУ к власти.

94. В сборнике помещено краткое обращение Мзее Антуана Гизенги к соратникам и соотечественникам:

Общеизвестно, что только единство может придать силу, что только в процессе унификации националисты – прогрессисты спаслись от политического исчезновения. ПАЛУ не хочет стать виновником раскола возрождающегося левого блока националистов. ПАЛУ отказывается быть также соучастником пагубного правого возвращения к всеобщей реакционности, к командованию нашей страной.

ПАЛУ намеревается также реагировать призывом к единству левого национализма вопреки манёвров по перегруппировке правых и риска возвращения тех, кто уже был во главе

¹ Kongo times! Antoine Gizenga: “Protoger le Congo avec des election apaisees 09/01/2016 11: 00:00 Kongo Times!

нашей страны, поскольку они никогда не забудут то, что эти правые сделали, что они причинили и какой ещё вред причинят своими планами на протяжении полувека.

Мы говорим с народом на языке правды, патриотизма и надежды. В конце концов вы несомненно поймёте это. Объясняйте всем, что для ПАЛУ важнее всего сохранение нации и положительного развития народа и страны.

Antoine GIZENGA, 23 juillet 2011

МЕМУАРЫ «МОЯ ЖИЗНЬ И МОЯ БОРЬБА»

*А.Гизенга,
бывший премьер-министр Конго*

В настоящем выпуске нашего журнала мы публикуем выдержки из мемуаров бывшего премьер-министра Конго Антуана Гизенги. Мемуары вышли в 2011 году.

Мы постарались привести наиболее яркие выдержки из воспоминаний о поездках Гизенги в Советский Союз, о его участии в правительстве Патриса Лумумбы, об участии в правительстве, созданном после убийства Лумумбы (Гизенга занял в нём должность первого вице-преьера), об аресте по приказу Мобуту, о других попытках его убийства, и многих других событиях этого человека. Можно лишь удивиться, как судьба одного человека вместила в себя всю историю страны...

Séjour en Union Soviétique

Le 15 janvier 1960, je pris un petit avion à Berlin pour Moscou. En cours de vol, nous fîmes une escale sur un aéroport d'une petite ville frontière de l'URSS, où l'on nous servit à manger dans le restaurant de l'aérogare et où les passagers étrangers, comme moi, furent interrogés par la police de la douane, pour savoir s'ils avaient sur eux des devises ou d'autres articles à déclarer. Je fis une déclaration relative à l'argent que je possédais, à savoir une somme d'environ 40.000 francs belges et quelques marks ouest-allemands. La police me délivra une attestation à cet effet. Après cette escale, l'avion repartit et nous arrivâmes à Moscou la nuit à 21 heures.

A la sortie de l'avion, arrêté à une centaine de mètres de l'aérogare, je vis courir, sous le vent glacial et neigeux, vers notre groupe, deux hommes qui, m'ayant aperçu par la différence de peau d'avec les autres passagers, s'adressèrent directement à moi en français :

«C'est vous, camarade Gizenga ?»

«Oui», leur répondis-je.

Ils me serrèrent la main, en se présentant comme les envoyés du Comité soviéto-afro-asiatique, chargés de venir m'accueillir.

Aussitôt après, ils me firent entrer dans une salle d'attente, pendant que l'interprète, qui m'était désormais affecté, prenait mes tickets de bagages pour aller les retirer du comptoir. Cette opération terminée, nous montâmes dans la voiture du Comité qui nous attendait à la sortie. Je fus conduit directement à l'hôtel Leningrad, où je devais séjourner.

Après les formalités d'usage à la réception, l'interprète m'accompagna dans la chambre qui me fut réservée. Je pus réinstaller et dormir profondément, tant j'étais fatigué par le voyage dans un petit avion, secoué tout le long du trajet par les vents d'hiver.

Le lendemain matin, après le petit déjeuner, que je pris avec mon interprète dénommé Vincent, je partis pour la première rencontre avec le président du Comité soviéto-afro-asiatique, qui m'attendait pour 10 heures. L'entretien fut très amical et empreint de cordialité. En dehors d'autres entretiens qui eurent lieu par la suite avec le Comité soviéto-afro-asiatique, je fus à plusieurs reprises invité soit aux dialogues avec les Comités de certaines organisations, soit à des visites d'entreprises, d'écoles et de fermes agricoles et d'élevage.

Parmi toutes les visites, celle qui fut faite au Mausolée de Lénine et Staline m'impressionna beaucoup, lorsque je vis côte à côte les deux grands hommes, étendus et inertes, mais dont l'action révolutionnaire, non seulement trouva sa réalisation en URSS, mais continuait à retentir à travers le monde entier jusqu'en Afrique, qui luttait en ce moment pour s'affranchir du colonialisme.

Je fis également une visite à Tbilissi, capitale de la Géorgie soviétique, puis à la petite ville de Soukoumi, sur la Mer Noire. A partir de là, je partis pour Leningrad, en empruntant le train à Moscou.

TABLE RONDE DE BRUXELLES

Absent du forum, je priai les délégués congolais de faire l'unité et l'unanimité autour du problème-clef de l'octroi de l'indépendance

A mon retour de Leningrad, il s'imposa à mon esprit la Conférence politique qui se tenait, en ce moment, à Bruxelles, entre les leaders congolais et les membres du gouvernement belge. Cette fameuse rencontre, qui se déroula du 20 janvier au 20 février 1960 et que l'Histoire retiendra sous le nom de la « (Conférence de) la Table

ronde », était la suite obligée de nos pourparlers et prises de position intransigeantes au mois de décembre 1959 dans la capitale belge. Au lieu où je me trouvai en cet instant, je demandai aux autorités soviétiques de me permettre de lancer un message radiodiffusé sur les antennes de Radio-Moscou. Le message était destiné aux participants à la fameuse Conférence, plus spécialement aux délégués de Belgique, ainsi qu'à tous les Belges, pour les exhorter à faire preuve de sagesse, en laissant le Congo devenir indépendant et libre.

Je fus autorisé et adressai le message suivant : *«La Belgique doit se persuader que l'indépendance du Congo est une chose que nous obtiendrons tôt au tard de la manière que préféreront les Belges, c'est-à-dire, s'ils veulent que cela s'obtienne par la paix, il en sera ainsi ; mais s'ils choisissent la force des armes, il en sera également ainsi pour nous».*

Aux leaders congolais tout particulièrement, j'envoyai un télégramme, par le canal de la délégation de mon Parti, conduite par Sylvain Kama, président du Bureau politique, je leur disais avec insistance de faire l'unité et l'unanimité autour du problème-clef de l'octroi de l'indépendance avant toute autre question.

Mais que se passa-t-il exactement pendant ce temps, à Bruxelles, dans les couloirs de la Conférence ? Kasa-Vubu, président de l'Abako, qui avait tant lutté jusqu'alors pour l'indépendance immédiate et inconditionnelle du Congo dans toutes ses déclarations, fut persuadé par les Belges que l'indépendance du Congo, en ce moment-là et dans les conditions où son Parti régional ne lui donnait pas même une majorité à l'échelle de la Province de Léopoldville, où le PSA tenait la tête, ne lui permettrait pas de devenir chef du Gouvernement ou Président de la République. Ce qui était son rêve de toujours. Il quitta donc la Conférence et se rendit à Liège, où il tint une conférence de presse malheureuse, disant qu'il optait, non pas pour l'indépendance immédiate sans préparation préalable, mais pour une sorte d'autonomie large pouvant permettre la formation au Congo d'un Gouvernement provisoire dirigé par un Premier Ministre, lequel serait nommé par le Roi des Belges. Je pense qu'il croyait avoir plus de chance ainsi d'obtenir dans ces conditions ce poste. Mais cette escapade de Kasa-Vubu n'empêcha nullement les autres leaders, avec Lumumba en tête, de s'imposer à la Conférence et de maintenir les discussions sur l'objectif principal, à savoir l'indépendance immédiate et sans conditions du Congo.

A Moscou, un camarade m'annonça que la Conférence de Bruxelles a décidé que l'indépendance du Congo interviendra le 30 juin 1960 !

Comme on s'était entendu avec le directeur des Relations Extérieures avec l'Afrique qu'il allait tenter auprès de la Guinée de me faire délivrer un passeport de ce pays, ces démarches aboutirent de manière heureuse.

La Guinée, contactée par le Consulat de la RDA à Conakry, accepta volontiers. Mais pour établir le passeport, il fallait ma photo d'identité.

Or, ni la Guinée ni la RDA ne disposait ma photo. Mais le hasard fit que, par une heureuse coïncidence, Pierre Mulele et sa suite se trouvaient déjà à Conakry depuis un certain temps, dans le cadre de la mission qui leur était confiée par le Cartel PSA-Abako.

Les Services préposés de la Guinée s'adressèrent alors à Mulele, pour savoir s'il pouvait avoir une photo de moi à cette fin. Par bonheur, Mulele possédait ma photo, en dimensions de carte postale. On la retoucha chez les photographes de la ville pour en sortir plusieurs photos-passeports. Ainsi, on put m'établir le passeport sollicité. A cette même occasion, Mulele apprit que je me trouvais déjà en Europe de l'Est dans le cadre du même plan.

Un matin à Moscou, le Comité soviéto-afro-asiatique me fit savoir que l'ambassade de la RDA à Moscou exprimait le désir de me voir. Je m'y rendis aussitôt et fus agréablement surpris de noter que, pour toute conversation, le Consul me présenta un passeport guinéen établi en mon nom sous une nouvelle identité. Avec ce passeport, je me sentis dans le cadre de ma mission et pour longtemps encore. Mais quelle ne fut ma très grande et heureuse surprise quand un matin, venu à une rencontre avec les camarades d'une organisation qui voulaient avoir un échange de vues avec moi sur les problèmes politiques et économiques au Congo ! J'appris de ces camarades, à mon entrée dans la salle, l'événement tant attendu de tous les Congolais mais inimaginable et incroyable de prime abord : *«Camarade Gizenga, nous avons le grand plaisir de vous communiquer que la Conférence de Bruxelles a décidé que l'indépendance du Congo interviendra le 30 juin 1960 !»*

En entendant ces mots, instantanément il me sembla pendant quelques secondes que, tout à ma joie, je ne voyais plus personne devant moi et n'entendais plus aucune voix ; mon cœur se mit à battre tout à rompre. Mais, me ressaisissant aussitôt, je pus simplement dire au camarade ayant parlé que c'était une nouvelle à laquelle je ne pouvais pas croire, surtout en ce qui concernait la date. Le camarade me pria de le croire, parce que la nouvelle était officielle et qu'il n'y avait aucune possibilité d'erreur ou de duperie.

L'entretien terminé, je regagnai mon hôtel, mais déjà, je me sentais un tout autre homme. La perspective d'être dans quelques mois un homme complètement libre m'emplit le cœur d'une grande joie. Je décidai alors de retourner au plus vite au Congo, pour la préparation de l'avènement à l'indépendance dans de bonnes conditions, tant le danger de me voir arrêté par les Belges était automatiquement évanoui.

Mais cela n'excluait pas que je puisse me tenir sur mes gardes contre un éventuel attentat de la part des agents secrets des puissances de l'OTAN qui, au courant que j'avais visité les pays socialistes, n'allaient jamais m'accueillir de gaieté de cœur. Je décidai alors d'utiliser, malgré tout, mon passeport guinéen, pour traverser l'Europe occidentale, la seule voie que je pouvais emprunter pour regagner l'Afrique et le Congo.

accueilli très fraternellement par le propriétaire qui me proposa la chambre qui à ses yeux était la plus belle de toutes parce que l'eau coulait encore de temps en temps dans un réduit réservé jadis à la douche que le lit était large et plus ou moins confortable, avec une petite table et une chaise. C'était tout, comme confort ! La chambre se trouvait à l'étage.

Après m'être installé, je pris un petit repos jusqu'à l'heure du déjeuner que je pris au restaurant au rez-de-chaussée sous une chaleur torride. Pendant le repas, M. Diop vint auprès de moi pour me tenir conversation, j'en profitai immédiatement pour lui demander s'il connaissait par hasard les trois congolais qui séjournèrent à Conakry depuis un certain temps déjà.

Il me répondit que non seulement il savait qu'ils étaient à Conakry mais que de temps en temps ils venaient déjeuner dans son restaurant et qu'il connaissait, par son chauffeur, leur lieu de résidence, et si je voulais les rencontrer ajouta-t-il, il fallait attendre que son chauffeur qui était allé en Commission hors de la ville revienne avec la camionnette pour s'y rendre.

Vers 16 heures son chauffeur arriva. Il lui dit de me conduire à la résidence des camarades congolais. Quand nous arrivâmes devant la porte d'une maison dans la banlieue, le chauffeur klaxonna. Aussitôt sorti de la maison devant la porte, M. Kinkie regarda la camionnette sans grande attention. Mais dès qu'il me vit descendre du véhicule, il devint perplexe et fortement étonné de me voir en ce lieu. Instinctivement, il cria à Mulele et à Kingotolo qui se trouvaient dans la maison : « *Prezida imene kwisa !* » (« Le Président est arrivé ! »). Ceux-ci se précipitèrent vers la porte. Nous nous embrassâmes d'autant plus allègrement que nous nous savions bientôt prêts de regagner notre pays pour le grand événement prochain.

Quand j'entrai dans la maison, je fus frappé par la pénurie d'objets de première nécessité. Appartenant à un membre du bureau politique du Parti démocratique de Guinée (PDG) que celui-ci leur avait loué au prix relativement cher, la maison n'avait pas de mobilier. Mulele et Kingotolo purent, avec grand-peine, se procurer uniquement trois matelas déposés à même le sol, trois couvertures, deux draps blancs à chacun, une table à tout faire, quatre chaises de table, une lampe à pétrole et une petite radio transistor pour suivre les informations.

Comme, à mon arrivée providentielle, ils étaient déjà presque au bout du rouleau financièrement, je les invitai ce soir-là à prendre le repas avec moi au restaurant de M. Diop. Nous montâmes dans la camionnette et nous revîmes ensemble à l'hôtel. Le repas terminé, dans ma chambre, je pus entendre le récit de leur voyage mouvementé jusqu'en Guinée et le compte rendu de leurs activités à Conakry auprès des autorités du pays, en ce qui concernait leur mission.

Le lendemain déjà, je chargeai Mulele de prendre contact avec le protocole de la présidence de la République, pour une audience que je sollicitai auprès de M. Sékou Touré, président de la République.

L'audience fut fixée pour le surlendemain dans la matinée aux environs de 11 heures. A 10 h 30, nous nous présentâmes au protocole, M. Diallo Telli nous conduisit au bureau du Président qui, pour placer la rencontre dans le cadre de famille africaine, nous reçut dans son salon familial, après que les photographes de service de l'information de la présidence nous aient fait quelques photos ensemble.

Le sujet de conversation fut naturellement autour de la nécessité absolue à ce que les partis progressistes du Congo forment un bloc solide et majoritaire pour gagner les élections et former ainsi un Gouvernement progressiste. L'entretien terminé, le Président nous souhaita bon succès et nous regagnâmes l'hôtel pour le déjeuner.

Dans l'après-midi, Mulele et les deux autres me proposèrent d'aller rendre visite à une famille amie, dont la femme, mère de trois enfants, était une métisse issue d'un père français et d'une mère centrafricaine d'origine congolaise, et dont le mari était français.

La famille s'appelait Blouin, du nom du chef de famille ; quant à l'épouse, elle se prénommaît Andrée. Quand nous arrivâmes à la maison, nous fûmes reçus par l'épouse, le mari étant absent de Conakry pour un travail habituel à l'intérieur du pays de quelques mois. Mme Andrée Blouin, qui gardait chez elle les traditions africaines, nous invita plus spécialement pour le lendemain dimanche au repas et aux jouissances congolaises chez elle.

Pendant le repas et les jouissances qui durèrent toute l'après-midi et jusque tard dans la soirée, nous racontant ses initiatives politiques pour aider le PDG de M. Sékou Touré à gagner au référendum pour l'indépendance de 1958 dans des régions hostiles à ce parti. Elle ne manqua pas de me demander ce que j'allais envisager pour mener à bien la campagne électorale de mon Parti.

Nous discutâmes un peu sur ce point à bâtons rompus et sans précision quelconque.

Mais de cette discussion, je retins une chose : que cette femme, alors âgée de 40 ans, mère de trois enfants, dont l'aînée avait déjà 20 ans et la cadette 4 ans, avait encore en elle le désir ardent de servir la cause africaine aux côtés des leaders progressistes. J'appris après qu'elle était par-dessus le marché la propre nièce de feu Barthélémy Boganda, celui qui allait devenir le premier Président de la République Centrafricaine, mais qui périt dans un accident d'avion par complicité des Français qui ne voulaient pas de lui parce qu'ils le trouvèrent progressiste.

Pendant que je tirais cette conclusion dans ma tête, Mulele et les autres pensaient aussi comme moi. A la sortie de chez elle, quand nous arrivâmes à l'hôtel, Mulele, le premier, me demanda ce que je pensais de Mme Blouin d'après ses idées et son activité, confirmées par les dires des Guinéens qui la connaissaient. Je lui répondis que ses idées se mariaient avec les nôtres et qu'elle ne ferait pas d'objection si nous lui demandions et obtenions de son époux d'aller au Congo, pour nous

Par mesure de prudence, pour ne pas risquer d'être par hasard découvert, je remis à l'Ambassadeur de Guinée à Moscou, qui se rendait à la même époque à Conakry, tous mes papiers ou livres qui portaient le nom de Gizenga, afin qu'il les emporte et me les remette à Conakry, où je devais arriver pour rencontrer Mulele et sa suite, avant de regagner le Congo.

LE 30 JUIN 1960, JOUR DE L'INDEPENDANCE

Les discours du Roi des Belges et du président Kasa-Vubu

Les cérémonies officielles devant présider à la signature de l'acte officiel reconnaissant l'indépendance du Congo vis-à-vis de la Belgique devaient se dérouler au Parlement. Devaient y être présents : le Roi Baudouin, venu au Congo pour la circonstance ; le Gouvernement belge, représenté par son Premier Ministre et son Ministre des Affaires étrangères ; les délégués des Gouvernements étrangers invités, non compris celui de l'Afrique du Sud raciste ; les élus nationaux des deux Chambres et les représentants des différentes organisations religieuses et autres du pays.

A la lumière des précédentes conversations que nous eûmes, concernant le langage et l'attitude à adopter au cours de ces cérémonies, Lumumba rédigea un discours qu'il devait prononcer à cette occasion. Pendant ce temps, Kasa-Vubu rédigeait, lui aussi, son discours. Il agissait ainsi à l'insu du Gouvernement et en contradiction des dispositions de la Loi Fondamentale régissant les institutions établies. Il résolut d'écrire son discours sur les conseils des Belges qui l'entouraient à sa résidence. Le but était de contrecarrer Lumumba et de le faire passer désormais aux yeux du monde ce jour-là pour un subordonné politique, au lieu que le monde reconnût en lui le premier responsable de la politique congolaise.

Même si le Roi Baudouin, comme ce fut le cas, devait prononcer au nom de la Belgique un discours, celui-ci fut autorisé et rédigé par le Gouvernement belge responsable de la politique du pays, selon sa Constitution sur laquelle fut copié un modèle qu'ils nous légèrent, appelé « Loi Fondamentale ».

Si Kasa-Vubu avait l'envie de parler ce jour-là pour se faire acclamer et s'équivaloir à Baudouin, chef de l'Etat comme lui, il aurait dû avertir le Gouvernement de son intention et attendre de celui-ci un discours rédigé à cette fin, selon les principes même de la Loi Fondamentale. Kasa-Vubu préféra

ignorer cette même Loi qui l'avait fait hisser au poste de Chef de l'Etat irresponsable de la conduite de la politique du pays. Les dispositions de cette Loi interdisaient au Chef de l'Etat de prendre une initiative politique sans le consentement du Premier Ministre, qui était le chef du Gouvernement et donc seul responsable de la politique du pays.

Le discours du Premier Ministre Lumumba

Au Parlement, à l'heure des cérémonies devant toute l'assistance, contre toute attente, le Président du Sénat, M. Joseph Ileo, qui présidait les cérémonies, donna la parole à Kasa-Vubu pour prononcer son discours. Celui-ci fit dans son discours un éloge à la politique coloniale belge faisant plaisir au roi et au Gouvernement belge.

Vint le tour du Premier Ministre, à qui M. Ileo donna enfin la parole pour répondre au discours politique du Roi Baudouin.

Le discours que Lumumba tint ne laissa personne indifférent. Ses mots et ses phrases restituaient la vérité historique sur les méfaits de la colonisation belge au Congo. Ils soulevèrent à chaque fois un tonnerre d'applaudissements de la part des Congolais qui, à l'occasion, se mettaient debout. Pendant ce temps, l'assistance belge et son Roi, assis, grinçaient silencieusement les dents. Ils étaient honteux et furieux d'avoir été dénoncés publiquement devant le monde dans une aussi grande rencontre historique.

Après le discours de Lumumba, les documents de reconnaissance de l'indépendance du Congo et de sa souveraineté furent signés par les deux Gouvernements. La séance ne fut levée qu'après un petit entracte, pendant lequel Lumumba, après un laps de temps où il resta invisible, vint me prendre à l'écart. Il me demanda ce que je pensais de ce qui venait de lui être dit, à savoir que son discours avait été trop virulent. Ce discours aurait ainsi choqué et humilié le Roi Baudouin et son Gouvernement. Lumumba devait se rattraper, en atténuant la gravité de son discours. Pour y parvenir, il ne devait qu'aller vite présenter au Roi les excuses devant l'assistance.

Je déconseillai vivement à Lumumba d'agir ainsi. Je lui expliquai que jamais une autorité ne pouvait se rendre ridicule et perdre ainsi en même temps son prestige, en se contredisant surtout au bout de quelques minutes, dans le seul but de faire plaisir à un individu fût-il un Roi. Je l'assurai que ce qui a été dit, devant l'assistance venue du monde entier, au nom du peuple qu'il représentait, reste dit. Mais j'ajoutai : «La politique étant ce qu'elle est, si vous voulez calmer le Roi et son Gouvernement, vous devrez le faire dans une autre circonstance et d'une façon non compromettante.»

Lumumba, qui de son côté pensait comme moi, parut visiblement content de m'entendre lui répondre ainsi et se hâta vite de me dire :

- «Ne vous tracassez pas mon cher Antoine, je voulais simplement m'assurer si vous pensiez comme moi. Il ne sera donc pas question de revenir sur ce discours qui doit rester historique dans son esprit et dans sa lettre.»

PARTICIPATION ACTIVE AU GOUVERNEMENT

Les festivités de la proclamation de l'indépendance passées, le Gouvernement commença à s'installer et à élaborer, dans les grandes lignes, son programme d'action, pour les quatre années du mandat. Ce programme devait être approuvé ou non par le Parlement, pour être appliqué.

Pendant que nous nous attelions à ce travail et à la mise en place d'une administration nouvelle dans le domaine civil et militaire, les complots les plus perfides commençaient à se tramer contre le jeune Etat et son Gouvernement. La coalition occidentale, représentée par la Belgique, mena en premier lieu l'offensive à travers les parlementaires de l'opposition, tant à la Chambre des représentants qu'au Sénat, les incitant à exiger du Gouvernement de présenter sans délai son programme d'action.

Quand nous eûmes présenté le programme dans les délais les plus courts, le champ d'activités subversives se porta à la « Force publique », l'ancienne armée, qui était encore commandée par un général belge, M. Janssens. Dans le but de provoquer un mécontentement chez les soldats qui conduirait ceux-ci, espérait-il, à arrêter eux-mêmes leurs autorités gouvernementales ou les assassiner, le général Janssens organisa un meeting au camp militaire Léopold II, où il déclara aux militaires :

- «Les soldats congolais garderont le même statut qu'avant l'indépendance. L'indépendance et la liberté ne sont que pour les civils et profitables qu'aux Ministres du point de vue matériel. Le solde du soldat ne changera pas. Les officiers belges à l'armée nationale garderont leurs postes et privilèges. Ce sont là, dit-il, les propres paroles du Premier Ministre Lumumba.»

Comme il fallait s'y attendre, les soldats se mirent immédiatement en effervescence. Mais contrairement à ce que s'attendait Janssens de voir tous les soldats prendre les armes et faire une descente à Kalina, les soldats, plutôt sages en même temps, formèrent une délégation composée des jeunes et vétérans soldats qu'ils envoyèrent auprès du Premier Ministre pour une demande d'explications sur ces propos.

Lumumba fut très surpris d'apprendre un tel langage sortir de la bouche d'un général qui, il n'y a pas longtemps, lui faisait promesse de fidélité et d'obéissance. Il démentit ces propos qui ne pouvaient émaner que de Janssens et de ses complices blancs, lesquels en voulaient à la liberté de tout citoyen congolais, civil ou militaire.

Profitant de la situation, Lumumba fit part à la délégation, texte à l'appui, des transformations à apporter à l'Armée nationale prévues par le programme général du Gouvernement Convaincue du bien-fondé des explications du Premier Ministre, la délégation regagna la caserne et rendit compte du résultat de leur mission auprès du Gouvernement aux autres militaires.

Après le départ de cette délégation, Lumumba me fit venir chez lui et me mit au courant de l'affaire. Jugeant l'incident qui touché à la sécurité même du jeune Etat très grave, je proposai à Lumumba l'expulsion immédiate du général Janssens du Congo pour faire sentir l'autorité et le pouvoir du Gouvernement à tous ceux qui habitaient le Congo.

Lumumba, très d'accord avec ma proposition, révoqua Janssens de l'armée et l'expulsa du Congo sur-le-champ. Il nomma à la tête de l'armée un Colonel belge, le chargeant de réorganiser celle-ci dans l'esprit du Congo désormais indépendant. Mais celui-ci avec ses compatriotes, devenus objets sous pression de l'OTAN et du Gouvernement belge, ne tardèrent pas à se compromettre vis-à-vis de leur devoir envers le Congo.

Les soldats apprirent la vérité de la bouche du Premier Ministre. Ils constatèrent par la suite dans les faits la mauvaise volonté des officiers belges à appliquer le programme du Gouvernement et leur désir manifeste de saboter le pays après avoir renversé un Gouvernement qui ne les intéressaient pas du tout du fait de son programme progressiste, les soldats, inexpérimentés, se décidèrent seuls de passer à l'action en arrêtant tous les officiers et sous-officiers belges pour les neutraliser.

Cela se passa une nuit où je faillis moi-même être victime, si j'étais un officier belge et non un Congolais, Vice-Premier Ministre. Vers 23 heures, sorti de chez moi, avenue Lippens, seul dans ma voiture privée, je me rendis à Bandalungwa pour une brève visite à ma mère et à ma sœur qui venaient de s'installer dans ce qui était mon appartement privé.

Arrivé à la hauteur des croisements des avenues Joséphine, Charlotte et Kabinda, je reçus contre toute attente une sommation de m'arrêter, émanant d'un groupe de soldats en armes surgissant derrière les buissons. Je freinai instantanément avec grincement des pneus.

Dès qu'ils se rendirent compte en s'approchant de la voiture qu'ils avaient affaire à un Congolais, ils voulurent savoir qui j'étais. Je leur répondis avec courtoisie que j'étais Gizenga, Vice-Premier Ministre. L'un d'eux me reconnut d'ailleurs avant que je n'aie pu décliner mon identité.

Ils m'apprirent alors qu'ils étaient à la recherche des officiers et sous-officiers belges en fuite de leurs maisons à la caserne. Ne pouvant pas encore réaliser l'événement. Je poursuivis mon chemin pensant qu'il s'agissait peut être des manœuvres militaires nocturnes comme je n'avais d'ailleurs aucune connaissance dans cette matière.

Le lendemain matin, j'appris qu'il s'agissait bel et bien d'arrestations d'officiers belges et de quelques blancs civils

demanda de le suivre à la caserne, pour régler cette question. Je pris ma voiture privée et le suivis au camp Léopold II. Quand j'arrivai sur les lieux, Lumumba y était déjà, ainsi que Kasa-Vubu, chef de l'Etat

Dans le grand bâtiment servant de mess aux soldats, quelques soldats en délégation de différents grades étaient réunis autour des autorités auprès desquelles je pris ma place. Dans une chambre à côté étaient enfermés à clef tous les officiers et sous-officiers belges, ainsi que les quelques civils blancs qui avaient pu être arrêtés la nuit, en voulant se sauver pour rejoindre l'armée belge à la base de Kitona.

Après avoir examiné la situation avec les soldats, nous arrivâmes à la conclusion qu'il fallait retirer aux officiers belges la responsabilité d'encadrer l'armée nationale désormais. Nous résolûmes de confier cette tâche aux anciens gradés militaires congolais, ceux qui remplissaient les aptitudes voulues. Ainsi fut nommé, sur-le-champ, Colonel chef de la garnison de Léopoldville, l'adjudant Kokolo, qui fut chargé par le Premier Ministre Lumumba de faire rétablir l'ordre et la discipline chez les soldats un peu en débandade. Il eut d'autres nominations par la suite à travers toute la République, où le Premier Ministre entreprit immédiatement le voyage de circonstance.

Le résultat escompté par le Gouvernement belge de ces désordres d'où il devait tirer partie pour ses plans d'agression contre le Congo fut atteint

Les officiers belges écartés officiellement de l'armée par le Gouvernement les soldats congolais inexpérimentés, laissés à eux-mêmes, ce fait donna vite l'occasion aux premiers devenus libres de tout engagement vis-à-vis du Congo, d'entrer dans l'armée belge stationnée dans les deux bases de l'OTAN, de l'émeute en brandissant la fausse menace d'extermination de tous les Blancs résidant au Congo de la part de l'armée congolaise si celle-ci n'était pas immédiatement neutralisée par les forces belges de l'OTAN.

MON ARRESTATION ET MON TRANSFERT A LUZUMU

Comment Mobutu me piégea, m'arrêta et me conduisit en prison

Le matin du 23 septembre 1960 vers 11 heures, je reçus un coup de téléphone chez moi, se disant émanant du camp Léopold II. Les soldats qui m'appelaient réclamaient le retour au camp du lieutenant Malongi,

réfugié chez moi lors de l'arrestation du commandant Pakasa par Mobutu au domicile de celui-ci. Le coup de téléphone précisait que Mobutu, ayant été renié et chassé par les soldats qui entendaient rester fidèles au Gouvernement de Lumumba, avait quitté le camp, et que ceux-ci voulaient, par conséquent, le retour à la tête de leurs unités des officiers que le même Mobutu avait menacés d'arrestation.

Pris au piège, je répondis à cet appel et décidai de m'y rendre moi-même avec Malongi dans quelques minutes. Pour ne pas être seul, je fis venir Mulele pour m'accompagner. Malongi, Mulele et moi-même au volant de ma voiture privée, nous partîmes pour le camp Léopold II. Nous arrivâmes devant la grande porte d'entrée au camp qui fait face à l'avenue Joséphine Charlotte. La garde, qui était composée des soldats fidèles à Kasa-Vubu et Mobutu, placée expressément en cet endroit et en ce moment-là pour l'opération, laissa d'abord entrer ma voiture dans l'enclos, pour m'ordonner ensuite de m'arrêter.

Quand j'eus immobilisé la voiture, le chef de poste de la garde s'avança vers nous et nous demanda de sortir quelques instants, le temps nécessaire pour recevoir les instructions pouvant nous autoriser d'entrer dans le camp où il n'est généralement pas autorisé aux civils d'entrer.

Dès que nous sortîmes de la voiture, il ordonna à un soldat chauffeur de prendre le volant, et de reconduire chez moi à la maison Mulele que, habillé en courte manche, ils auraient pris pour mon serviteur. Après, le soldat chauffeur devait revenir au camp, toujours au volant de ma voiture. Quant à moi et Malongi, nous étions priés de rester au camp, à l'attente des instructions.

C'est alors que nous nous rendîmes tous compte que j'avais été tout à l'heure dupe d'un complot visant à mon arrestation et celle de Malongi.

Quelques minutes après le départ de Mulele, une jeep vint du camp, nous embarqua. Entourés de quelques soldats, nous fûmes conduits droit à la prison de Luzumu devenue depuis quelques temps véritable camp de concentration pour parquer les nationalistes.

Nous arrivâmes à Luzumu. Le chef de prison n'était apparemment pas averti qu'on lui amenait le Vice-Premier Ministre comme futur pensionnaire dans sa prison. Dès qu'il me vit descendre de la jeep, il crut aussitôt à une inspection de la prison que je venais faire.

Après m'avoir salué, il m'invita d'aller d'abord dans son bureau de travail pour une brève prise de contact, pensait-il, avant d'entamer l'inspection. Tandis que moi et les soldats qui m'escortèrent, nous pensions que c'était en ce lieu qu'il voulait procéder aux formalités d'écrou en ce qui me concernait.

Quand nous pénétrâmes dans son bureau, il me pria de prendre place sur la chaise du visiteur positionnée en face de la sienne. Il prit ensuite l'attitude de recueillement, prêt à recevoir mes instructions. C'est en ce moment qu'intervint un soldat d'escorte qui, comme moi,

s'interrogeait sur l'attitude prise par le directeur et lui dit à l'oreille que je n'étais pas en cet endroit en tant que Vice-Premier Ministre dans mes fonctions, mais comme un homme mis aux arrêts qui venait dans sa prison !

On le vit alors comme sorti d'un cauchemar. Il se leva péniblement de sa chaise et m'invita de le suivre hors de son bureau. Il demanda alors à l'un de ses aides de procéder aux formalités d'usage pour m'écrouer.

On me fit entrer dans un petit réduit où il y avait une porte qui laissait voir les jambes pour que je m'y déshabille entièrement. Et après qu'on ait examiné mes habits, on me laissa porter seulement le pantalon sans ceinture et la chemise me laissant pieds nus.

Quand tout ce que j'avais sur moi à part le pantalon et la chemise, eut été enregistré et mis en paquet pour le dépôt, on me conduisit à travers les petits cailloux parsemés sur le sentier qui menait à l'aile du grand bâtiment en rectangle où il y avait les cachots pour les personnes dangereux.

On me fit entrer dans un de ces cachots dont l'épaisseur de la porte métallique mesurait ou moins dix centimètres et possédait un petit trou de trois centimètres de diamètre à la hauteur de l'œil pour laisser passer ainsi l'air respiratoire de dans plutôt que le regard dans le noir quasi-total de ce coffre-fort. Il pouvait mesurer approximativement 2 m sur 1,2 m et 2 m de haut.

Comme mobilier intérieur, il n'y avait qu'une barre de fer horizontalement placée le long du mur pour permettre au prisonnier de s'y asseoir alors qu'en pratique il était impossible de s'y poser tant elle devait faire mal aux fesses.

Le sol était nu. Il n'y avait ni natte ni couverture pour s'y coucher et se couvrir, je dus rester debout ou m'asseoir à même le sol dès mon entrée, jusqu'à ce que le sommeil m'ait eu emporté. Je m'assoupis avant que le commandant Pakasa, qui était emprisonné à Luzumu depuis quelques jours, ait obtenu l'autorisation du *kapita* de sa cellule pour me donner sa propre natte, quand il eut appris que j'étais arrêté et me trouvais dans l'un des fameux cachots.

En prison de Luzumu avec M. Mpolo, lui aussi arrêté par Mobutu

Quelques heures après mon arrivée à Luzumu, quand je me trouvais déjà enfermé, j'entendis dans le cachot voisin du mien la voix de Maurice Mpolo, quand il protesta au moment où on le faisait entrer. Instinctivement, j'eus peur en ce moment-là pour Lumumba, mais je me rassurai aussitôt, sachant qu'il était sous la protection des soldats onusiens.

Comment alors Mobutu procéda-t-il ce jour-là à l'arrestation de Maurice Mpolo ? Dès qu'il eut appris que j'étais tombé dans son piège au camp Léopold II, il ordonna au chef de la garde de nous y garder pour le départ à l'internement à la prison de Luzumu, Malongi et moi. Il lui

demanda également d'envoyer un soldat-chauffeur, avec ma voiture, chez Mpolo. A celui-ci, l'émissaire de Mobutu dit que M. Gizenga, qui se trouvait déjà au camp militaire, lui a envoyé sa voiture pour l'y conduire, afin de le rencontrer, pour lui apporter son concours.

Le chauffeur, en partant, déposa d'abord Mulele. En ce moment, celui-ci avait la seule préoccupation d'alerter Lumumba de mon arrestation et de mobiliser la jeunesse P.S.A. pour une

action puissante susceptible de faire lâcher prise à Kasa-Vubu et Mobutu. Mulele ne se douta ainsi de rien de plus quand le chauffeur sembla prendre la direction du camp pour le retour.

En fait, il alla chez Mpolo, à qui il transmit un faux message. Il l'embarqua à bord de ma voiture, qui servit de témoignage au message, sans que celui-ci ne se doutât du sale coup qu'on lui portait. Mpolo, conduit au camp, se vit embarqué à bord d'une jeep, qui le conduisit ensuite à Luzumu, où il me rejoignit au cachot contigu.

Vers 18 heures, temps du repas du soir pour les prisonniers, un surveillant vint ouvrir alors mon cachot, pour permettre aux deux prisonniers (qui avaient avec eux un demi-tonneau rempli de morceaux de chikwanges sales, une marmite où il y avait des petits morceaux de poisson salé trempés seulement dans l'eau, sans cuisson, et un grand récipient rempli d'eau potable) de déposer près de moi, à terre, un morceau de ces chikwanges, un morceau de poisson et un gobelet d'eau.

Il referma aussitôt la porte, mais avant cela, sans faire trop attention au prisonnier qui déposait près de moi à manger et à boire, j'aperçus cependant son chuchotement, qui me mettait en garde contre le contenu de ce gobelet-là qu'il déposait. Il chuchota si vite en argot de Kikwit - en kikongo - que je fus seul à comprendre ce qu'il voulait me dire, pendant que le surveillant n'avait rien entendu et rien compris.

Alerté, je décidai de ne toucher même à rien de cette sale nourriture. Mais par contre à Mpolo, le garçon n'avait peut-être pas osé dire quelque chose de semblable pour le mettre également en garde, parce qu'il ne pouvait lui parler qu'en lingala, langue connue par tous et de ce fait être entendu par le surveillant, ou simplement parce qu'il ne connaissait peut-être pas Mpolo comme tel pour prendre un tel risque à son égard.

Mpolo, pris de soif, vida aussitôt après ce gobelet d'eau. Une vingtaine de minutes après, il attrapa des fortes douleurs dans l'estomac, qui lui firent pousser des gémissements rauques et prolongés. Ces gémissements furent entendus par tous les prisonniers se trouvant au cachot. Par solidarité, ils se mirent à la fois à tambouriner sur les portes, en signe d'appel au secours.

En effet, quelques temps après, les surveillants accoururent et furent informés que dans le cachot où se trouvait précisément Mpolo, quelqu'un souffrait à l'agonie. Quand on ouvrit, Mpolo avait presque perdu connaissance.

On le sortit du cachot. Un ancien prisonnier condamné par la justice belge à plus de 20 ans de prison, appelé Muniamba, vint lui apporter son concours. Il lui administra une bonne dose d'huile de palme crue à boire et d'autres produits antipoison qu'il prépara lui-même en toute hâte.

Cela permit donc à Mpolo à combattre le poison et à le remettre provisoirement sur pieds. On le fit ensuite réintégré dans son cachot.

Vers une heure du matin, le directeur de prison, accompagné d'une section de gendarmes, c'est-à-dire 13 soldats bien armés, vint nous faire sortir de nos cachots : Mpolo, Pakasa, Malongi et moi, en nous invitant de le suivre au bâtiment de réception.

Dès que je vis ce tableau, je compris vite qu'il s'agissait d'aller nous exécuter quelque part. Arrivés à la réception, nous nous vîmes remettre, à chacun son petit paquet de linge déposé à l'entrée. Sans nous laisser nous vêtir, ils nous embarquèrent dans une camionnette fermée, encadrés par les gendarmes venus nous chercher.

Le directeur de la prison qui, lui-même quelque peu inquiet du fait que ce fut seuls les gendarmes qui vinrent nous chercher, prétendant que les autorités avaient besoin de nous à Léopoldville, décida de se joindre aux gendarmes pour aller s'assurer auprès de ces prétendues autorités si l'ordre venait réellement d'elles.

Nous quittâmes Luzumu donc vers 2 heures du matin. En route pour Léopoldville, nous devions passer par Kasangulu, chef-lieu du territoire dont dépendait la prison de Luzumu. Le directeur, en homme très prudent, voulut informer l'Administrateur chef du territoire du transfert de 4 prisonniers à Léopoldville qui s'opérait la nuit sur son territoire et peut-être à son insu. Il demanda aux gendarmes de faire virer la camionnette dans la direction du domicile de l'Administrateur qui se trouvait à environ 500 m de la route, pour les dernières formalités du transfert à remplir, dit-il.

Ceux-ci s'exécutèrent après un moment de discussion. Au domicile, le directeur alla réveiller l'administrateur avec qui il eut un entretien de 30 minutes environ. Ensuite, l'Administrateur décida à son tour d'accompagner notre véhicule jusque chez les autorités, qui auraient envoyé ces gendarmes nous prendre à Luzumu sans document officiel motivant l'opération. Comme il avait sa voiture, il donna l'ordre au chauffeur de notre véhicule de prendre le devant et de rouler à vitesse réduite.

Quand nous quittâmes Kasangulu, il était déjà 4 heures du matin. Après avoir traversé les 60 km qui séparaient Kasangulu de Léopoldville, nous arrivâmes à la bifurcation Binza-Lemba. En ce point, il était tout naturel que notre véhicule prit la direction de Binza, où résidaient les autorités dont les gendarmes disaient avoir besoin de nous. Mais le véhicule emprunta au contraire la direction de Lemba.

Quand Mpolo osa demander pourquoi, au lieu d'aller à Binza, le véhicule prenait une autre direction où les autorités ne résident pas, personne ne voulut lui répondre et on continua le chemin en silence.

Quand nous eûmes traversé le quartier Lemba, nous débouchâmes sur l'autoroute de Ndjili et le véhicule prit la direction de l'aéroport. Derrière nous, la voiture de l'Administrateur de Kasangulu nous suivait toujours.

Arrivés à l'aéroport, notre véhicule s'engagea directement dans son enceinte, pendant que la voiture de l'Administrateur fut contrainte de stationner dehors et privant en même temps aux occupants la possibilité de se rendre compte de ce qui allait nous arriver.

Quand nous arrivâmes à Ndjili, il était déjà 5 h 30', le jour commençait à poindre à l'horizon. On nous fit alors descendre du véhicule face à un avion qu'on apprêtait pour un départ. Nous avions toujours nos petits paquets de linge sous les bras, ne sachant que faire.

Petit à petit, pendant que les minutes s'écoulaient, l'heure du travail arrivait, l'animation habituelle reprenait à l'arrivée des employés et ouvriers de la compagnie. A un moment donné, je vis près de nous mon ami Salomon Mushikangondo, fonctionnaire de la compagnie. Nous ayant aperçu, il s'était approché de nous, pour essayer d'entrer en contact avec moi si cela était possible.

Aussitôt que je le vis, je lui fis signe et lui remis une petite note sur un petit bout de papier, que je venais d'écrire aux camarades de mon Parti. Dans la note, je leur annonçais que j'allais partir bientôt à la mort sans doute, mais qu'ils devaient continuer à lutter pour la liberté et le bonheur du peuple congolais.

Pendant que nous étions encore debout en train d'attendre, un pilote belge vint passer à côté de nous. Maurice Mpolo l'interpella, lui demanda où pouvait bien partir l'avion qu'on apprêtait devant nos yeux. A Coquilhatville, Stanleyville ou Elisabethville, répondit-il d'une manière hautaine, en continuant son chemin.

Sauvés, Mpolo et moi, des griffes de la soldatesque de Mobutu par des soldats marocains de l'ONUC

Quelques temps après vint passer un officier onusien. Maurice Mpolo l'interpella également et lui demanda s'il pouvait nous informer sur la destination exacte dudit avion. Cet officier qui, heureusement, était marocain, comprit vite la question posée en français par Mpolo. Il s'approcha de celui-ci et lui demanda à son tour qui il était. Mpolo déclina son identité et sa fonction (ministre de la Jeunesse et des Sports). Ses collègues, renchérit-il, étaient Antoine Gizenga, vice-Premier Ministre, Vital Pakasa et Malongi, des officiers de l'armée.

A peine eut-il terminé de répondre que l'officier en question sortit de sa poche un bout de papier, où étaient écrits quelques noms. Il y trouva tous les noms que venait de lui citer Mpolo. Il nous dit aussitôt de l'attendre un instant. Il courut vite à l'intérieur du bâtiment de l'aérogare, d'où il ressortit aussitôt après. Il nous invita, ainsi que notre escorte de gendarmes, à nous asseoir un peu sous la véranda. En attendant quoi ? jusque-là, il ne nous dit pas ce qu'il voulait faire.

Dès que nous fûmes assis sur les bancs qui se trouvaient à l'endroit qu'il nous indiqua, un autre officier marocain, plus âgé que le premier, vint pour engager avec nous une conversation. Mais comme nous parlions en français et nos gendarmes n'y comprenaient rien, ils devinrent soupçonneux et méfiants.

Un moment après, ne pouvant plus supporter ce qu'ils considérèrent comme une injure à leur pouvoir, ils nous prièrent de retourner au milieu du terrain où nous étions avant. Nous nous levâmes et nous nous dirigeâmes à l'endroit, suivis de l'officier marocain qui continuait à nous parler.

Nous arrivâmes au milieu du terrain, là où nous devions attendre l'embarquement possible à bord de l'avion de tout à l'heure. En ce moment, notre attention à nous tous, sauf celle de l'officier marocain, était tournée vers cet avion dont les hélices tournaient déjà. C'est à cet instant qu'une voiture station-wagon onusienne, suivie immédiatement d'un camion transportant une cinquantaine de soldats marocains, s'immobilisèrent à côté de nous. Et avant que nous et nos gendarmes ayons pu réaliser ce qui se passait, les soldats marocains, à terre, nous avaient déjà encerclés, leurs fusils braqués sur les gendarmes, lesquels ne purent esquiver un geste quelconque avec leurs fusils sur les épaules.

Avec un sourire de vainqueur à l'égard de nos gendarmes qui n'en revenaient pas, l'officier marocain nous invita, nous quatre, de monter dans la station-wagon avec lui. Le véhicule démarra en trombe, suivi du camion dans lequel les Onusiens reprirent leur place, pour une protection éventuelle, en route pour la ville. Nous laissâmes à l'aéroport, complètement défaits, les gendarmes de Mobutu qui, malgré tout, finirent par se décider à nous poursuivre, pour une raison plutôt de justification à donner à leurs chefs que de nous reprendre des mains des soldats marocains supérieurs en nombre et en armes.

Kasa-Vubu, Mobutu et Kalonji voulaient nous envoyer au Katanga pour y être assassinés par Tshombe et ses amis sécessionnistes

Sur le chemin entre l'aéroport et la cité de N'djili, nous fûmes rejoints par le général Kettani, chef des troupes marocaines, venant en sens inverse à toute allure dans sa voiture, dans laquelle il nous invita, nous quatre, à prendre place.

Quand nous fûmes dans la voiture, moi à côté de lui, il nous raconta pendant le trajet comment dès l'annonce de mon arrestation il fit tout pour entrer dans les confidences du duo infernal Kasa-Vubu - Mobutu. Il voulait qu'ils lui disent où j'étais interné et ce qu'ils voulaient faire de moi et de mes compagnons. Il apprit alors avec certitude que Kasa-Vubu, Mobutu et Kalonji Albert, celui-ci en tant que Ministre de la Justice du Gouvernement Ileo, avaient signé notre arrêt de mort, à nous quatre, et dont l'exécution devait avoir lieu à Elisabethville par les soins de Moïse Tshombe le jour même de notre arrivée.

Voici, in extenso, le contenu du Télégramme d'Albert Kalonji expédié à Tshombe le 23 septembre 1960 :

« Vous avise avion spécial quittera Léopoldville demain samedi quatre heures du matin pour transférer plusieurs détenus à prison Elisabethville notamment GIZENGA et MPOLO stop. Haute considération. Full stop. »

Le général Kettani s'activa à faire échouer ce plan diabolique. Il prit alors toutes les dispositions avec ses troupes, en accord avec le Premier Ministre Lumumba. Celui-ci lui en avait demandé l'aide, pour contrecarrer et faire échouer ce plan. Le Marocain était prié de nous libérer des mains de ceux qui nous conduiraient à l'aéroport, quel que soit leur nombre.

Il regretta avec tristesse au cœur, en disant :

- « Pourquoi la crise congolaise est en train de s'engager dans les assassinats politiques ?

Qu'avez-vous fait de mal à votre pays pour qu'un sort pareil si tragique ait été préconisé injustement, par un groupe de collègues avec qui pourtant vous aviez lutté ensemble pour la libération de ce beau pays, si grand et si riche, capable de nourrir toute l'Afrique ? »

Je lui répondis que nos frères Kasa-Vubu, Mobutu, Kalonji et autres de cette catégorie ne seraient pas arrivés en ce point s'ils n'avaient pas prêté l'oreille aux mauvais conseils qui leur étaient prodigués par les anciens colonialistes, qui ne voyaient en nous que des dangereuses personnes déterminées à contrecarrer leurs intérêts au Congo avec notre programme à long terme du Gouvernement

Notre conversation prit fin quand nous arrivâmes dans la résidence du Premier Ministre. Nous trouvâmes Lumumba les yeux presque vides, comme quelqu'un qui revenait progressivement à lui après un évanouissement, tellement il était sur les nerfs et anxieux sur notre sort. Il faut bien le dire,

Lumumba était bien loin d'un compromis ou d'une faiblesse quelconque quand c'était son sort qui était en jeu. Par contre, quand il était question du sort de ses camarades de lutte, il déployait toute son énergie et son savoir-faire pour les tirer de l'embarras.

Après les poignes de mains et les mots d'encouragement échangés entre nous, le général Kettani fit à Lumumba le récit de son opération de sauvetage réussie et se retira. Restés seuls, Lumumba nous conseilla de rester prudents et de ne se fier à personne de premier abord, parce que les impérialistes occidentaux étaient décidés à liquider tous les progressistes congolais, à travers Kasa-Vubu et Mobutu, devenus depuis lors leurs marionnettes. Ensuite, nous nous séparâmes. Mpolo rentra chez lui. Quant à moi, je pris Pakasa et Malongi, que j'hébergeai chez moi.

Quand je rentra chez moi, mon épouse Catherine Zandu n'y était plus depuis deux semaines, étant partie à Kikwit où je voulus qu'elle restât auprès de ses parents, en attendant que la situation politique à

Léopoldville puisse s'éclaircir. J'y trouvai ma mère et ma sœur pleurant encore, bien qu'elles aient appris déjà que j'étais finalement libéré par la force, à la dernière minute. Mes serviteurs qui avaient déjà rassemblé mes effets pour les évacuer de la villa, commencèrent à les déballer et à les ranger.

Après avoir pris un bon bain, porté des vêtements propres et pris mon petit déjeuner, je pris ma voiture, à bord de laquelle prirent place ma mère et ma sœur qui rentraient à Bandalungwa. J'étais parti pour une promenade psychologique, à travers les quartiers de la ville de Léopoldville.

Dès que j'eus déposé ma mère et ma sœur à Bandalungwa, seul au volant de la voiture je parcourus la ville, m'arrêtant fréquemment au passage pour causer quelques instants avec les personnes que je connaissais.

Cette promenade, quelques heures seulement après ma libération, fit grande impression sur tous ceux qui avaient appris la nouvelle ou ceux qui m'avaient vu circuler. La population et les camarades de lutte étaient contents de me voir encore vivant, et fiers d'avoir comme leader et compagnon de lutte, une personne qui, ne craignait rien pour elle de la part des ennemis du Congo et était prêt à se sacrifier pour la sauvegarde du pays.

Quant aux forces du mal, l'impression était à la peur d'une revanche quelconque, témoignée par cet acte de courage exceptionnel.

VICE-PREMIER MINISTRE DANS LE GOUVERNEMENT DE RECONCILIATION NATIONALE

Grâce à la trahison des nôtres, Kasa-Vubu, maintenu à son poste, nommé Premier Ministre Cyrille Adula, « l'homme des Américains »

Dès le moment où Kasa-Vubu fut admis dans l'enceinte de Lovanium, sa réhabilitation en tant que Chef de l'Etat était chose faite. Il choisit comme formateur, non un leader autour de qui se dégageait une majorité parlementaire, mais un homme longtemps désigné par les Américains, qui se nommait Cyrille Adula.

Contrairement à l'attente de Kasongo et Gbenye qui espéraient, selon beaucoup de probabilité, en sabotant expressément le plan adopté à Stanleyville, et permettant ainsi à Kasa-Vubu de l'emporter sur Lumumba, que Kasa-Vubu désignerait Gbenye formateur du nouveau Gouvernement, chose plus simple à leurs yeux plutôt que de procéder à l'application du plan Stanleyville qui ne donnait pas de chance immédiate à ce dernier de devenir Premier Ministre vu que Gizenga, Vice-Premier Ministre du Gouvernement Lumumba et Président du « PANALUMUMBA » dont eux deux ne voulaient pas, était là vivant et pouvait être un obstacle majeur. Ceci est d'autant plus vrai à mes yeux que Gbenye menait campagne à Stanleyville contre le fait que moi, qui étais d'un parti venant en seconde position après le MNC-L, aie pu continuer à présider le Gouvernement Lumumba après la mort de celui-ci au lieu de sa personne qui dirigeait le MNC-L.

Et Joseph Kasongo lui, quand il arriva à Stanleyville à sa sortie de la protection de l'ONUC son attitude, son nationalisme et ses allures étaient pour le moins, étranges. Il ressemblait, à raison, à un

homme qui avait subi un lavage du cerveau. Il ne pensait à plus rien d'autre qu'à conserver son poste et ses privilèges tant pis si c'était au détriment de l'idéal nationaliste progressiste.

Ainsi, dès que les Parlementaires apprirent que Cyrille Adula était désigné formateur du nouveau gouvernement et qu'il procédait à des consultations en vue de la formation du gouvernement, tous les avides des postes ministériels de notre camp accoururent chez lui en cachette, lui promettant un vote de confiance en échange d'un poste ministériel.

En apprenant cela, Gbenye aurait dû regrouper tous ses hommes autour de lui, par une politique sage et intelligente. Il les aurait persuadés de la nécessité de rester unis face à l'ennemi. Il les aurait invités à prendre patience pour enfin faire échouer Adula et l'équipe de Léopoldville au vote de confiance à son gouvernement, ce qui pouvait lui permettre de présenter devant les deux Chambres réunies le plan envisagé à Stanleyville. Au lieu de cela, Gbenye fut pris de panique et de colère, du fait de l'échec subi, dû à son infidélité propre aux prescriptions données à Stanleyville. Il s'en prit au groupe tout entier, traitant tout le monde sans exception de traître. Puisque, à ses yeux, tout le monde avait trahi, il se dit qu'il ne devait plus se retenir à trahir, lui aussi ! C'est ainsi qu'il finit lui-même à aller négocier avec Adula.

Adula qui ne demandait pas mieux que de réussir du coup, établit sa liste en nous incorporant parfois sans nous, ce qui donna satisfaction à Gbenye, parce qu'il retrouvait encore là son poste de Ministre de l'Intérieur.

Dès que Cyrille Adula reçut la bénédiction de Gbenye, le vote de confiance lui devint facile. Le Parlement, dans sa plus grande majorité moins une ou deux voix, vota ainsi la confiance au Gouvernement Adula. C'était le 2 août 1961.

A l'annonce de cette nouvelle, ce fut la consternation générale chez les masses congolaises qui s'attendaient à voir l'équipe et la politique de Lumumba être confirmées par le Parlement, dont la réouverture était toujours et constamment réclamée par Lumumba lui-même de son vivant et par tout le peuple congolais.

Ainsi Christophe Gbenye, en voulant se hisser sournoisement là où il n'avait aucune qualité d'homme politique progressiste fit perdre à la nation congolaise l'occasion propice de reprendre entre ses mains sa destinée.

Les raisons qui m'ont poussé à accepter le poste de Vice-Premier Ministre

En dépit de la trahison des nôtres en faveur de nos adversaires, je jugeai que tout n'était pas perdu malgré tout. Du fait de notre majorité au Parlement qui s'était renforcée et que nous avions à réorganiser au

sein d'un parti unifié « PanaLumumba », nous pouvions nous imposer. Cela était d'autant plus plausible que, compte tenu du fait que c'est nous qui réclamions en tout temps la réouverture du Parlement, c'est ce Parlement qui avait donné sa confiance quasi-totale à l'équipe Adula.

Bien que cette confiance lui fût accordée dans les conditions peu favorables pour nous, j'acceptai de servir le pays dans cette équipe, comme Premier Vice-Premier Ministre, un poste qui m'avait été confié et que j'avais accepté. Je l'avais accepté, en ayant posé au préalable quelques conditions à Adula. La principale de ces conditions était de nous entendre, Adula et moi, sur les grandes lignes de la politique gouvernementale, parce que j'estimai que le Gouvernement Adula était un compromis entre Léopoldville et Stanleyville. La politique d'un tel gouvernement, appelé à juste titre « Gouvernement de réconciliation nationale », ne pouvait pas être au départ le seul reflet de Léopoldville. Adula devait représenter la politique de Léopoldville et moi celle de Stanleyville. C'est ainsi que j'exigeai une rencontre entre Adula et moi, pour que nous puissions aussitôt décider, à égalité et en commun, une plate-forme gouvernementale.

Adula ne pouvait qu'accepter mon exigence. Aussi se rendit-il à Stanleyville pour me rencontrer. Je le reçus à l'entrée de ma résidence, où je le logeai.

Pendant nos entretiens, je lui soumis en dix points ce que nous, les nationalistes progressistes, entendions de voir réaliser immédiatement par le nouveau gouvernement de réconciliation, afin de sortir définitivement le pays de la crise qu'il a connu.

Adula admit ces dix points sans modification, mais en contrepartie ne présenta rien de concret à notre examen. Cela me mit personnellement en alerte. Je compris vite qu'Adula, instruit par ses patrons, ne voulait pas dévoiler tôt ses projets. Mais le temps n'était plus à l'heure du combat ouvert, qui me permettrait de le jeter brutalement dehors et de fermer ma porte. Il fallait simplement prendre patience et faire des calculs à long terme.

Sur ce, Adula regagna Léopoldville le surlendemain de son arrivée à Stanleyville.

COMLOT ET TENTATIVE D'ASSASSINAT CONTRE MA PERSONNE ET MA FAMILLE

Le 18 février 1966, un groupe d'inconnus attente à ma vie

Nous sommes le 18 février 1966 au soir. Vers 22 heures, je m'apprêtais à dormir, quand Médard Mapwela, un des garçons qui m'aidaient presque bénévolement à veiller la nuit autour de ma résidence, afin de prévenir les dangers que pouvaient m'occasionner les adversaires politiques au pouvoir, vint frapper avec insistance à la porte de ma chambre à coucher. Il me dit, en haletant, que la maison était cernée par des inconnus ! Ceux-ci rôdaient tout autour. Ils avaient été vus par Mademoiselle Marie-Josée, notre baby-sitter qui, en allant à la cuisine pour prendre un biberon dans le réfrigérateur aux fins du repas du bébé, avait perçu le bruit des pas sur le granit dans la cour. Elle les avait aussitôt alertés au garage où ils étaient, Ferdinand Mutombo et lui. C'est pourquoi ce dernier est vite venu me donner l'information.

Je compris immédiatement qu'il s'agissait, sans aucun doute, d'une tentative d'assassinat de ma personne et ordonnai sans attendre d'éteindre toutes les lumières à l'intérieur et à l'extérieur et de fermer toutes les portes donnant à l'extérieur du bâtiment. Ensuite, je descendis moi-même pour fermer convenablement à clef la porte donnant sur le garage, que Médard et Ferdinand, dans leur fuite précipitée à l'intérieur de la maison, n'étaient pas parvenus à fermer tant la serrure résistait à la fermeture à clef.

Je revins dans ma chambre et rassurai mon épouse et les enfants. Ensuite, je dis à Médard d'aller se poster au coin du balcon, pour mieux guetter le mouvement de ces intrus. Pendant ce temps, je téléphonai à la résidence du Premier Ministre, le général L. Mulamba, pour demander du secours. Le chef du poste de la garde résidentielle, qui répondit au téléphone, m'apprit que le Premier Ministre était absent de la maison. Mais quand il eut appris la raison de mon coup de téléphone à cette heure-là, il me répondit qu'il m'envoyait tout de suite trois soldats. Quelques minutes après, ceux-ci étaient là, mais la bande de malfaiteurs avait déjà pris la fuite.

Le commanditaire de l'attentat était le Corps des Volontaires de la République (CVR), selon le récit du groupe d'exécution du complot

Que s'était-il passé exactement entre la mise sur pieds de ce complot, l'arrivée des exécutants chez moi et leur fuite ? Nous apprîmes seulement le lendemain le récit intégral de la bouche de celui qui fut désigné chef du groupe d'exécution et qui n'était tout autre que l'ami personnel de Médard.

En effet, le lendemain, après que j'eus interdit à tous ceux qui avaient vécu l'événement la nuit de ne jamais le raconter à qui que ce soit, afin d'éviter d'alarmer la population et surtout la presse qui, en relatant les faits, donnerait l'occasion aux comploteurs de modifier leur plan pour la nuit suivante, je permis seulement à Médard, qui devait rencontrer cet ami, d'aller le voir pour savoir ce qui se passait et se tramait contre moi.

Quand ce jeune homme vit venir Médard, il lui demanda tout de suite pourquoi la veille toute la journée quand il l'attendait pour lui dire ce qui allait se passer, il ne s'était pas présenté à lui ? Il dit alors textuellement ceci à Médard :

- «Tu sais que je m'étais fait inscrire dans cette organisation de jeunesse mobutienne uniquement dans le but de suivre, de connaître et de contrecarrer, si possible, les activités dirigées contre nos leaders lumumbistes, plus spécialement le président Gizenga, la personne la plus visée. Je t'avais dit de passer régulièrement me voir pour apporter au Président les dernières informations à son sujet. Je t'ai attendu hier toute la journée, mais tu n'es pas venu.

L'opération était projetée pour la nuit qui vient de passer, mais on nous en avait averti qu'hier pendant la journée, après qu'on nous ait payé à chacun seize mille francs congolais. L'ordre fut donné alors d'assassiner tout le monde dans la résidence, pour qu'il n'y ait pas de témoins après qu'on se serait assuré que le Président était bel et bien tué.

Et comme tu n'étais pas venu pour que je te demande d'aller dire au président Gizenga de quitter sa résidence avec sa famille, j'ai dû, à la dernière minute, puisque j'étais précisément responsable de l'exécution de l'opération, trouver une astuce pour arriver à la faire échouer.

Nous étions une vingtaine de jeunes mobutistes, armés tous de revolver et chapeautés par un spécialiste belge. Celui-ci devait surveiller l'opération, à partir de la rue proche, tapis dans sa voiture. Quant à nous, nous devions pénétrer dans la concession, escalader les murs de la maison, s'il le fallait, pour arriver à l'étage et liquider en priorité le président Gizenga.

Arrivés dans les parages, la pluie, qui commençait à tomber, nous donna l'occasion facile de nous faufiler dans la concession, sans que toi et Mutombo, qui jouiez aux cartes dans le garage, vous n'ayez pu vous en apercevoir. Comme l'objectif principal était d'atteindre le Président d'abord, vous abattre en ce moment-là n'aurait servi à rien et tout le monde s'en rendait bien compte. Moi, en tant que chef exécutif de l'opération, j'eus la liberté d'envisager les choses selon mon propre plan.

Je dis alors à tout le monde de prendre position et d'y attendre mes instructions pour ou contre l'assaut. Une fois qu'ils eurent obéi, je me mis à marcher autour de la maison. Je faisais, ce qui paraissait involontaire à mes hommes, le plus de bruits possible avec mes souliers

sur le gravier, de manière à ce qu'on m'eût entendu à l'intérieur de la maison. C'était la seule astuce que je pus trouver en ce moment-là pour vous alerter. Heureusement, cela avait réussi !

Je fus ravi, quand j'ai vu les lumières s'éteindre aussitôt l'une après l'autre et le téléphone résonner, ce qui signifiait que Monsieur le Président demandait sûrement du secours quelque part. Fut un autre indice de ma joie, ton passage à l'autre bord du balcon, avec un bâton en main, qui avait l'apparence d'un fusil. Aussitôt après, je rassemblai mes hommes et leur fis croire que l'assaut par escalade des murs était devenu irréalisable, parce que M. Gizenga a sûrement remarqué notre présence, si l'on en croit les dispositions qu'il vient de prendre.

Comme il ne manque pas de posséder chez lui les fusils de guerre qu'il utilisa au Katanga contre Tshombe, ajoutai-je, pour les intimider davantage, il est actuellement, après avoir éteint toute la lumière, en position favorable pour nous liquider tous, si nous tentons quoique ce soit contre lui et sa famille. Si nous voulons avoir la vie sauve, il est grand temps pour nous de filer. Au moment où je parlais avec mes camarades congolais, le Belge spécialiste qui, sur la rue, devait surveiller l'opération, était déjà en fuite dès qu'il eut aperçu que la lumière des lampes s'atteignit subitement et le téléphone retentit aussitôt.

Voilà comment, à ma manière, j'ai mené cette opération, en la sabotant intentionnellement, pour arriver à sauver, bien que in extremis, Monsieur le Président et vous tous qui étiez avec lui dans la maison cette nuit-là.»

Médard le remercia en mon nom et vint me rapporter le récit.

Je me résume. Le 18 février 1966, vers 22 heures, j'avais un bébé qui devait prendre son lait. J'avais aussi une servante et deux gardes qui, en bas, jouaient aux cartes. Un moment donné, la servante a entendu des glissements des pieds sur la caillasse ; et elle a vu, par la fenêtre, des gens passer et d'autres tassés sous le buisson. C'était des membres du Corps des Volontaires de la République (C.V.R.), conduits par un Belge, venus pour me liquider. Mais le chef du groupe, qui est entré dans la parcelle avec les opérateurs, était l'ami de l'un de mes gardes ; ils ont reçu chacun 1.500 FC pour ce coup. Il a commencé par faire peur à ces agents en disant que Gizenga est un militaire en civil. J'ai téléphoné à la primature, qui a envoyé un détachement pour voir ce qui se passait chez moi.

DE LEOPOLDVILLE A BRAZZAVILLE ET A MOSCOU

Ma décision était prise : quitter le pays !

Dès le lendemain matin, ma décision de quitter le pays était prise, car j'estimai que dans des pareils cas, la chance ne sourit jamais deux fois de suite. La consigne donnée à tous ceux qui avaient vécu l'événement la nuit avec moi fut observée jusqu'aux enfants, à qui j'avais demandé de ne rien raconter sur ce qu'ils avaient entendu ou vu la nuit.

Pendant la journée, j'entrepris les préparatifs pour la traversée du fleuve direction de Brazzaville. J'envoyai Médard faire un arrangement avec un piroguier pêcheur de nuit pour une traversée de trois personnes.

En dehors de cela, la journée du 19 février fut calme, sans que les servants de maison, ni les parents, ni les amis, ni même les ennemis n'aient pu remarquer mes préparatifs. Dans l'après-midi, je me rendis à la commune de Lemba pour une visite d'adieu à mes parents. Au moment de les quitter, je dis simplement à ma mère que je repasserais le lendemain pour la voir, sachant très bien que j'allais quitter le pays ce soir-là.

Rentrant chez moi, je mis la dernière main aux préparatifs. Je rédigeai la liste de mon personnel domestique, indiquant la somme d'argent revenant à chacun pour la paie au lendemain matin, quand je serai déjà à Brazzaville.

Médard vint également me confirmer que le rendez-vous avec le piroguier, que j'avais sollicité, était fixé à 19 h 30'. Je remis alors à mon épouse l'argent nécessaire pour le paiement du personnel et celui qu'elle pourrait utiliser au cas où elle et les enfants, assistés par F. Mutombo, trouveraient, après moi, un autre piroguier pour les faire traverser le fleuve jusqu'à Brazzaville également.

De Léopoldville à Brazzaville, par pirogue, sous l'œil attentif de l'Ambassade de Tanzanie

Comme, à 19 h 30', le piroguier, avec qui Médard s'était convenu, n'était toujours pas au rendez-vous, je me vis alors contraint de me retirer provisoirement à l'Ambassade de la Tanzanie. En l'absence de Monsieur l'Ambassadeur Tibandibaye que je connaissais bien, c'est Monsieur le Secrétaire de l'Ambassade qui m'accueillit, et de manière fraternelle. Il me désigna une chambre à coucher. Mais au moment où j'allais m'apprêter à passer au lit, mon épouse téléphona, pour dire au Secrétaire que je pouvais regagner la maison pour m'embarquer, le piroguier étant déjà là. Il était déjà 21 heures.

Comme mon petit bagage de voyage était avec moi, Monsieur le Secrétaire de l'Ambassade et son chauffeur n'eurent qu'à me reconduire dans l'enceinte de ma concession, où Médard m'attendait. Je n'eus que le temps de donner quelques recommandations de la dernière minute à mon épouse, de demander ensuite à mon neveu François Kidima de passer devant, en suivant Médard qui se dirigeait déjà vers le fleuve. Je fus le dernier à m'enfoncer moi-même dans l'obscurité.

Nous dévalâmes rapidement la pente, après avoir traversé en quelques enjambées l'allée qui longeait le fleuve. Comme le fleuve n'était qu'à une centaine de mètres de ma résidence, en deux minutes presque, nous étions déjà au bord de l'eau et à l'endroit précis où nous attendait le piroguier. Derrière nous, Monsieur le Secrétaire nous suivait, lui aussi, voulant se rendre compte par lui-même que je m'étais réellement embarqué, et sans incident, pour Brazzaville.

Au moment où la pirogue s'approchait plus près pour nous permettre d'y prendre place, un autre piroguier, qui remontait le fleuve, fit son apparition si soudaine que le premier n'eut pour nous que le geste de nous dire de nous aplatir dans l'herbe, ce que nous fîmes tous, y compris le Secrétaire qui arrivait instantanément.

Quand ce trouble-fête involontaire fut assez loin, nous montâmes dans la pirogue, après que j'eus remercié Monsieur le Secrétaire de toute son amabilité envers moi et ma famille.

Ce piroguier n'était pas seul, il avait son coéquipier. Au lieu de prendre directement le large dès que nous étions embarqués, ils préférèrent longer encore la rive, le temps de retirer quelques poissons de leurs passes et de réfléchir convenablement sur la raison qu'ils allaient invoquer pour me soutirer davantage l'argent

Quant ils jugèrent que le moment était venu, le plus âgé se retourna vers Médard et lui dit : «Nous voilà arrivés à l'heure où vous devez me payer mon argent, mais pas tout à fait comme convenu, parce qu'étant donné le grand risque que nous courons en vous faisant traverser en ce moment, il serait dérisoire le montant de trente mille francs ; il me faudrait plutôt quarante mille francs.»

En entendant cela, Médard voulut protester, mais je lui fis taire immédiatement. Tendait la main vers lui, je lui remis quarante mille francs. Il les céda à l'homme, qui les empocha aussitôt et donna l'ordre sur-le-champ à son collègue de pagayer fort vers le large en direction de Brazzaville.

Au bout d'une quarantaine de minutes, nous atteignîmes la rive droite du fleuve, en pleine nature. Après que ces deux Messieurs nous eurent déposés sur la rive et qu'ils nous eurent dit qu'il y avait là un petit sentier qui nous conduirait à Brazzaville, mais que nous avions à chercher et à découvrir, ils se retournèrent au large très rapidement.

Restés sur place, nous nous mîmes à chercher le sentier en question et je finis, moi, par le trouver.

A Brazzaville, du 19 au 27 février 1966

Nous arrivâmes donc à Brazzaville le 19 février 1966.

Le lendemain, à Léopoldville, quand la nouvelle de mon évasion était connue, c'était la pagaille ; car M. Mobutu avait peur. C'est ainsi qu'il a tenu une réunion extraordinaire : Léopoldville était donc en effervescence.

A Brazzaville, ma première préoccupation était de rencontrer les plus hauts dirigeants du pays, dont le président de la République lui-même, M. Alphonse Massamba-Debat. Après avoir renversé le président réactionnaire Fulbert Youlou, ils avaient installé un régime qu'ils

qualifiaient de révolutionnaire ou de socialiste, et qui, comme tel, faisait trembler le régime réactionnaire du Congo-Léopoldville. Je me dis que j'étais donc chez des amis, susceptibles de comprendre et d'approuver mon souci, moi qui étais un progressiste. Mon souci était de leur demander qu'ils m'autorisent à séjourner dans leur pays, et donc qu'ils me considèrent comme un réfugié politique en danger de mort dans mon pays d'origine.

Une semaine après, je n'arrivais toujours pas à rencontrer M. Massamba-Debat. Les autorités de l'Union des Républiques Socialistes et Soviétiques (URSS) se sont alors présentées à celles de Brazzaville, pour leur demander que je puisse aller séjourner dans leur pays.

J'ai compris que le président Massamba-Debat était menacé par M. Mobutu et qu'il avait peur de m'accorder un asile politique.

En Union Soviétique, de mars à juillet 1966

Le lendemain, j'ai pris l'avion pour Moscou en URSS, via Bamako, au Mali.

Le président Modibo-Keita du Mali m'a hébergé pendant quelques jours. A cette occasion, nous avons parlé ensemble de la politique du Congo-Léopoldville, mon pays.

Une semaine après, je suis allé à Moscou. C'était au mois de mars 1966. Dans capitale de l'URSS, j'étais logé dans une villa de faubourg pendant trois mois.

Pendant ce temps, j'ai rencontré M. Agostino Neto de l'Angola, qui venait de Pékin, en Chine. Il m'a parlé de sa lutte contre les Portugais, car il était décidé de s'y engager à fond. Il avait, à cet effet, monté le « Mouvement populaire pour la libération de l'Angola » (MPLA). Je lui ai fait part de mon expérience.

Mon souci, en allant à Moscou, était de mettre ma famille en sécurité et de continuer seul à mener mon combat politique en exil.

En U.R.S.S., de juin 1969 à novembre 1973

Mais, au lieu de rester longtemps en Afrique, j'ai préféré me retirer à Moscou, où se trouvait ma famille.

C'est alors que je reçois la lettre de M. Laurent Kabila, me disant qu'il aimerait que d'autres camarades le rejoignent, afin de créer un grand front de tous les Congolais pour continuer la lutte. J'étais dans un pays socialiste et ne pouvais pas tenir une réunion.

M. Kabila, qui était avec M. Gabriel Yumbu, ne voulait pas entendre parler d'un autre mouvement, en dehors de son Parti populaire pour la Révolution (PRP), créé en décembre 1967. J'écrivis à M. Yumbu, qui me dit qu'il ne pouvait parler d'un autre parti au risque d'être tué.

J'ai alors décidé de me rendre au maquis dès la première occasion. Il me fallait n'importe quel passeport, même zaïrois. Mon épouse a réussi à m'apporter de la France un passeport zaïrois vierge, qui m'a permis d'avoir un visa pour aller en France, sous le nom de Ngemba M'pasi. J'ai alors informé mes amis soviétiques que je voulais sortir de l'URSS pour rentrer au Zaïre.

C'était au moment où il y avait la guerre entre la Chine et l'URSS. Mes amis auraient souhaité que nous condamnions la Chine dans cette guerre. Mais j'ai refusé de le faire, et c'était le début du froid dans mes relations avec eux.

С.В. МАЗОВ.
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА
В «СЕРДЦЕ АФРИКИ»
СССР И КОНГОЛЕЗСКИЙ КРИЗИС
Москва, Университет Дмитрия Пожарского
2015 г., 311 с.

РЕЦЕНЗИЯ

Отечественные африканисты отметили начало XXI в. несколькими весомыми публикациями по истории Демократической Республики Конго (*Винокуров Ю.Н.* ДРК: власть и оппозиция М., 2003 г., *Ронин В.К.* “Русское Конго: 1870 – 1970. Книга-мемориал”. В двух томах. М., 2009, *Пономаренко Л.В.* Патрис Лумумба: неоконченная история короткой жизни М., 2010, *Сидорова Г.М.* Вооружённые конфликты в Африке: на примере ДРК М., 2013, Демократическая Республика Конго. Справочно-монографическое издание М., 2014. (отв. ред. Винокуров Ю.Н.) *Сидорова Г.М.* Африка: война идей и людей (в зеркале ДРК) М., 2015). И вот – новое фундаментальное исследование.

Автор рецензируемой монографии доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН С.В. Мазов представляет свой труд “книгой об участии нашей страны в событиях в Конго в 1960–1964 гг., вошедших в историю как «конголезский кризис» (стр.5). В равной мере она представляет собой и глубоко профессиональное исследование самого “конголезского кризиса”. В книге пять глав, 44 тематических раздела.

Документальную основу книги составили материалы из Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Государственного архива Российской Федерации, Национальных архивов Соединенного королевства, Национального архива США в Вашингтоне. Историография конголезского кризиса необъятна,

она насчитывает сотни монографий, тысячи статей. Работы российских историков составляют её малую часть.

В первой главе *“Холодная война приходит в Конго”* автор вполне справедливо отмечает, что добившееся независимости Бельгийское Конго было обречено стать “горячей точкой” холодной войны в Африке южнее Сахары. Огромная по площади, сказочно богатая полезными ископаемыми страна стала ареной соперничества Западного и Восточного блоков за влияние. После провозглашения независимости к этому фактору добавился ещё более серьёзный, существенный фактор: противоречия в самом конголезском обществе, сдерживавшиеся бельгийским колониальным режимом, вырвались наружу, и в стране в течение двух недель воцарился хаос (стр. 13, 72–73) Единое Конго – искусственная, разнородная, громоздкая и социально-политически неустойчивая конструкция, в границах которой оказались говорившие более чем на двухстах языках племён и народностей – имела все шансы рухнуть сразу же после исчезновения стягивавших её обручей бельгийского империализма (стр.18).

Период конца 1950 – начала 1960-х гг. был временем “африканского бума” в СССР. Январские события 1959 г. в Конго (массовые антиколониальные волнения в Леопольдвиле) побудили руководителей СССР к установлению контактов с прогрессивными политическими лидерами Конго. С 15 января по 3 февраля 1960 г. в СССР находился соратник Патриса Лумумбы Антуан Гизенга, посетивший тогда Москву, Ленинград и Тбилиси (стр. 27). 29 июня 1960 г. Н.С.Хрущёв направил Лумумбе телеграмму с сообщением о том, что СССР признал Конго как суверенное государство и готов установить с ним дипломатические отношения (стр. 28).

Эти действия были оценены Западом как тотальный вызов Востока во всех сферах жизни – политической, дипломатической, экономической, социальной, военной. У западных политиков имелись веские основания опасаться за будущее Африки южнее Сахары, которая на глазах стала превращаться из заповедного владения европейских монополий в “приз и поле битвы в глобальном политическом и стратегическом противостоянии” двух мировых систем (стр. 29). Госдепартамент США, глава которого А. Даллес, рассматривавший африканский национализм не как естественную реакцию на колониализм, а как результат происков мирового коммунизма, констатировал, что в глазах африканцев, стремящихся к независимости, СССР всё больше приобретает репутацию ведущей антиколониальной державы (стр. 29–30). Советское руководство уже было знакомо с конголезским политическим ландшафтом и нашло там лидеров, которые заслуживали его поддержки (стр. 28).

Используя богатый фактический материал, автор подробно проанализировал события первых месяцев независимости Конго: реакцию различных слоёв конголезской политической элиты на речь Лумумбы 30 июня в парламенте, заранее подготовленный бельгийцами сценарий дестабилизации армии и не сформировавшегося ещё госаппарата. Западная пресса смаковала эпизоды расправ над белыми, утверждая при этом, что правительство Лумумбы не в состоянии навести в стране порядок (стр. 39). Консулы США, Великобритании и Франции в Элизабетвиле призвали Бельгию ввести войска в Конго (стр. 39).

10 июля 1960 г. бельгийские десантники установили контроль над 30 главными городами страны. 11 июля от Конго отделилась Катанга. Лумумба и президент Конго Ж. Касаубу потребовали от Д. Хаммаршельда направить в Конго войска ООН “для защиты государственной территории от внешней агрессии, которая угрожает международному миру”, иначе “Республика Конго будет вынуждена обратиться к государствам Бандунгского договора” (стр. 41).

Предлагая это, Лумумба все же опасался того, что войска ООН могут превратиться в могильщика его правительства. 14 июля он и Касаубу направили телеграмму Н.С.Хрущёву с призывом “ежечасно следить за развитием обстановки в Конго и вмешаться, если западный лагерь не прекратит агрессию против суверенитета Республики Конго”. Однако Хрущёв дал им ясно понять, что не прибегнет к односторонним мерам, но готов поддержать действия ООН. 18 июня Лумумба повторил свою просьбу к СССР оказать помощь в переброске в Конго войск Ганы для их участия в операциях ООН (стр.45 - 46).

В завершающих разделах первой главы автор описывает этапы жизненного пути Лумумбы, заголовки которых раскрывают их содержание: Лумумба – это Кастро, если не хуже; Визит Лумумбы в США, Конец иллюзий, Ахиллесова пята Лумумбы, Советская помощь правительству Лумумбы.

Во второй главе “*В поисках «союзников»*” автор исследует внутриконголезские события: конфликт между Лумумбой и Касаубу, искавшего возможность реализовать “план ЦРУ по отстранению Лумумбы от должности”, что он в конце концов сделал, объявив об этом по радио 5 сентября 1960 г. В ночь с 5 на 6 сентября по радио дважды выступил Лумумба, заявивший, что берёт всю полноту власти на себя. Действовал он энергично и напористо, используя своё ораторское мастерство и дар убеждения. Выступая утром 7 сентября в Палате представителей, он заявил, что “не является коммунистом и никогда им не будет. В Африке любой, кто выступает на стороне народа и против империализма, объявляется коммунистом и агентом Москвы” (стр. 77- 78). Парламентарии были на его стороне, армия была расколота. Африканский отдел Форин офиса счел, что “чаша весов склоняется в сторону Лумумбы”.

В ночь на 14 сентября по инициативе Ж. Мобуту состоялась его встреча с резидентом ЦРУ Л. Девлиным, который заверил этого полковника, что США признают его временное правительство. Тогда Мобуту и совершил переворот, распустил парламент, арестовал Лумумбу, лояльность к которому прежде неизменно подчеркивал и даже называл своим “духовным наставником”. Лумумба оказался в полной изоляции. М. Чомбе и А. Калонжи, отколовшие Катангу и Касаи от Конго, приветствовали свержение Лумумбы. ООН и бельгийские власти выделили Мобуту на жалование солдатам соответственно 1 млн долларов и 500 млн бельгийских франков (стр. 83-84). Советское посольство было выдворено из Конго. Руководство СССР потребовало тогда отставки Хаммаршельда с поста главы ООН.

В Конго и за его пределами начались преследования сторонников Лумумбы, поскольку не только он, но и его сподвижники оставались для Запада реальной угрозой. Для их дискредитации Мобуту прибегал к разного рода провокациям, в США вынашивались планы “нейтрализации” Лумумбы, поскольку “и посольство и сотрудники ЦРУ в Леопольдвиле считают, “что в Конго происходит классический захват власти коммунистами, антизападные силы набирают влияние в Конго, и возможно, осталось мало времени для принятия мер, чтобы избежать ещё одной Кубы” (стр.9697). Высказанную Эйзенхауэром “глубокую обеспокоенность” действиями Лумумбы директор ЦРУ Даллес воспринял как указание физически устранить конголезского экс-премьера. “Мы считаем, телеграфировал он Девлину в Конго, что устранение Лумумбы должно стать срочной и главной целью, высшим приоритетом наших тайных операций в нынешних условиях” (стр. 97). ЦРУ приступило к “активной фазе операции”.

В третьей главе “*Убийство Лумумбы и создание правительства национального единства*” впервые в нашей научной литературе столь подробно описана жуткая физическая расправа, учиненная над Лумумбой и двумя его министрами М. Мполо и Ж. Окито. С первого дня ареста Лумумбу мучили сначала в военном лагере в предместье Леопольдвилья, затем в сырой одиночной тюремной камере, раз в 3 – 4 дня давали отвратительную пищу, лишили прогулок и контактов с внешним миром, более месяца не меняли нательное и постельное бельё, отобрали обувь» (стр. 117). Особенно жестоко арестантов истязали. при транспортировке из Леопольдвилья в отстоящий от него на 2 тыс. км Элизабетвиль. Связанным верёвками и пристегнутым ремнями к креслам мученикам охранники, одурманенные виски, заклеили им лейкопластырем глаза, уши и рты, ставили их на колени в проходе, били бутсами и прикладами. Лумумбе периодически наносили удары кулаком в область желудка, вырвали клоч бороды и заставили проглотить волосы. Из самолета, приземлившегося 17 января в аэропорту Элизабетвилья, их связанными скинули на землю с разбитыми в кровь и опухшими от побоев лицами, продолжая избивать прикладами, затолкнули в джип. Всё это видели пассажиры брюссельского авиарейса и невозмутимые шведские военные из контингента ООН (стр. 121)

В сопровождении охраны пленников привезли на принадлежавшую бельгийцу птицеферму в 3,5 км от аэропорта, бросили в ванную комнату на цементный пол со связанными

назад руками, периодически выводили в гостиную и избивали. Приезжавшие на ферму Чомбе и его министры не только не останавливали охранников, но и сами не отказывали себе в удовольствии нанести арестованным по нескольку ударов (стр. 127).

Правительство Катанги на праздничном фуршете решило ликвидировать пленников в тот же вечер, чтобы Лумумба не смог вернуть себе пост премьер-министра и восстановить позиции русских в Конго. Вся властная верхушка на четырёх машинах сопровождала джип со смертниками. На месте казни уже находилась расстрельная команда – 8 солдат и 9 полицейских. Их убивали по одному, Лумумбу последним: его прислонили к дереву и изрешетили пулями. На следующий день полицейские выкопали трупы, расчленили их пилой и ножами и пытались сжечь и зарыть останки. Белые поселенцы Элизабетвиля отмечали это “событие”, распивая шампанское (стр. 122–123).

Автор отмечает, что весть о расправе над Лумумбой потрясла весь мир. Однако только два африканских государства – Гвинея и Мали – поддержали требование СССР сместить Хаммаршельда с поста генерального секретаря ООН. Лидеры “третьего мира” получили наглядный урок в том, чем может обернуться для них конфронтация с Западом. Большинство неприсоединившихся стран высказались за сохранение войск ООН в Конго, а Хаммаршельда – на посту генерального секретаря (стр. 129)

Гибель Лумумбы и его соратников не могла не обострить обстановку в стране.

Посольство США в Леопольдвиле сообщило в Госдепартамент 2 марта 1961 г., что достаточно одной искры, чтобы “воспламенить взрывоопасную атмосферу, образовавшуюся между ООН и конголезцами” (стр.131). 24 февраля отряды Гизенги развернули успешное наступление на провинции Касаи и Экваториальную. Они продвигались без боев, гарнизоны правительственных войск переходили на их сторону, попытки антилумумбистов преобразовать страну в «конфедерацию суверенных государств» провалились, поскольку шли в разрез с намерением властей США сохранить единое Конго. Поэтому они заявили, что Гизенга должен войти в новое федеральное правительство. В сферу потенциальных сторонников лумумбистов вошли Гана, Судан, Марокко, ЦАР, ОАР(стр.132133).

После извещения о гибели Лумумбы Мулеле из Каира и Гизенга из Стэнливиля засыпали Кремль телеграммами с требованиями об оказании им срочной военной помощи (стр. 136) Мулеле был приглашён в Москву с «конфиденциальным визитом» 7 марта 1961 г. и в течении недели вёл переговоры об оказании военной помощи правительству Гизенги, но вскоре, по словам одного из сотрудников посольства США в Конго, ему дали понять, что СССР не пойдет на конфронтацию с Западом ради спасения режима Гизенги (стр.139). . Тогда–то “конголезцы утратили свои иллюзии в отношении русских, поскольку они не выполнили своих обещаний” (стр.140). Руководство СССР пыталось отстаивать свой подход к конголезской трагедии, но по большому счёту потерпело фиаско. XV сессия ГА ООН, проходившая в августе 1961 г., стала последней, обсуждавшей в основном конголезскую проблематику. (стр.146).

В четвёртой главе “*Битва за Катангу*” С.В.Мазов, обстоятельно проанализировав ситуацию, сложившуюся в Конго сразу после расправы над Лумумбой, пришел к выводу, что несмотря на включение в новое правительство Конго нескольких видных лумумбистов, СССР стал терять свои позиции в борьбе за влияние в этой стране “и в конце концов фактически оказался вне конголезской игры” (стр.159). Автор пишет: “Ставшие актуальными после убийства Лумумбы радикальные сценарии развития конголезского кризиса не реализовались. План создания “африканского командования в Конго” остался на бумаге. Не получив прямой военной помощи от СССР, Гизенга вынужден был пойти на компромисс с леопольдвильскими властями и согласился войти в возглавленное С.Адулой правительство “национального примирения”.(стр.158).

Убийство Лумумбы не изменило намерение Хрущёва не предпринимать шагов по эскалации конголезского кризиса. Советский лидер пытался компенсировать свои неудачи в Конго и сохранить репутацию наиболее последовательного борца против колониализма и империализма наращиванием пропагандистской кампании против Хаммаршельда и операции ООН в

Конго. Здесь у СССР был сильный козырь – сохранение “независимой” Катанги (стр.158). В Катанге, руководимой патологическим антикоммунистом Чомбе, решалась судьба советского присутствия в “сердце Африки” (стр.159).

Используя малоизвестные российскому читателю материалы, автор подробно описал один из самых драматических эпизодов в истории ещё не вставшего на ноги Конго, а именно – отделение от него двух самых богатых полезными ископаемыми провинций – Катанги и Касаи. Их лидеры Чомбе и Калонжи объявили свои провинции независимыми государствами. Отделение одной только Катанги С.В. Мазов определяет как “главный нерв” конголезского кризиса, досаждавший и Хаммаршельду, мечтавшему о лаврах главного конголезского миротворца.

Оба лидера держались у власти в своих «государствах» за счёт помощи внешних сил и посредством разжигания межэтнических конфликтов на подведомственных им территориях. Автор описывает даже такой случай, когда министр внутренних дел Катанги Мунонго спровоцировал, видимо в помощь Калонжи, этнический конфликт в Касаи, серьёзно обостривший обстановку в этой провинции. Потребовались несколько санкционированных ООН силовых операций “Рампанч” (“Сокрушительный удар”), “Мортор” (“Разгром”) и др., чтобы не столько способствовать восстановлению единства страны, сколько не допустить «захвата власти коммунистами”. Главной опорой сепаратистов были наёмники, которые, по признанию руководителя гражданских операций ООН в Конго С. Линнера, находились в этой стране, “для того, чтобы убивать и не могли понять солдат, считавших своей миссией спасение людей” (стр.164).

С.В. Мазов не преминул коснуться кажущейся теперь уже вечной проблемы: таинственной гибели Дага Хаммаршельда. Процитировав, конечно же, лишь малую толику материалов, скопившихся по этой теме, он предложил читателю небольшой, но весьма содержательный раздел, относительно не прекращающихся попыток всё же раскрыть это преступление (стр. 172-178).

Гибель Хаммаршельда не только не облегчила, а напротив обострила главную в первой половине 1960-х гг. проблему единства Конго, несовместимого с “независимостью Катанги”. В сентябре 1961 г. заместитель госсекретаря США Д. Болл информировал президента Д. Кеннеди о том, что Чомбе контролирует Катангу, опираясь только на своё племя лунда, финансовую помощь белого населения Катанги и действующих здесь иностранных горнорудных компаний, заинтересованных сохранять над Катангой реальный колониальный контроль, что вряд ли соответствовало интересам США (стр. 181).

Автор с подробностями описывает процесс восстановления дипломатических отношений СССР с Конго после их разрыва в сентябре 1960 г. Конголезская сторона затягивала подписание документов, не признавала полномочий временного поверенного в делах СССР в Конго, отказывала ему в приёме министром иностранных дел и признания его дипломатического иммунитета.

Л. Девлин подготовил русским “тёплый прием”. Узнав, что они собираются поместить посольство в десятиэтажном многоквартирном доме и ведут переговоры о его покупке, он послал своих агентов к владельцу дома под видом покупателей. Получив доступ внутрь дома “для осмотра”, они составили подробный план здания, и прибывшие из США специалисты на шпиговали его подслушивающими устройствами. ЦРУ использовало не только современные технические средства. Чтобы осложнить жизнь персоналу посольства, был нанят местный колдун, который часами пританцовывал у посольства, выкрикивая проклятья в адрес здания и всех, кто в нём находился (стр.179-180).

Советский МИД, пишет автор, “в какой-то момент дрогнул”, но всё же изыскал возможности получить согласие властей Конго на возобновление межгосударственных отношений. В конголезском правительстве необходимость их сохранения энергично отстаивал министр внутренних дел лумумбист Кристоф Гбение (с. 180) .

В начале ноября 1961 г. и.о. генсека ООН был избран У Тан, видимо, не очень симпатизировавший Чомбе. При нём Совет Безопасности осудил сепаратистские устремления катангского лидера, на что Чомбе в свойственной ему манере объявил, что «его воины выйдут на каждую улицу, шоссе, тропу с мачете, топорами, копьями с отравленными стрелами, будут драться до последнего человека и применят тактику выжженной земли, чтобы отстоять «независимость» Катанги, продолжавшейся с июля 1960 до января 1963 г., когда ресурсов для сопротивления у Чомбе не осталось вовсе (стр. 188, 225).

В последней, пятой главе *“Восстание симба: шанс для реванша?”* автор сообщает, что летом 1964 г. прозападный режим Конго оказался на грани краха. Американская разведка прогнозировала, что это случится “в ближайшее время”. Повстанцы симба (в переводе с суахили – лев) полностью контролировали 5 и частично 8 из 21 провинции страны. Их знаменем был Лумумба, ставший символом, идейным знаменем восстания, посланцем Бога, человеческой инкарнацией их несбывшихся надежд и чаяний. Народ верил, что Лумумба вернётся в этот мир и наступит “золотой век”, который он обещал им во время предвыборной кампании 1960 г. (стр. 238, 260).

Их лидер Мулеле ещё в 1961 г. посетил Москву, где напрасно просил помочь восставшим. Два года спустя он с той же целью и, похоже, с тем же результатом находился в Китае. Тем не менее, в сентябре 1964 г. повстанцы захватили Стэнливилль и на многотысячном митинге провозгласили создание Народной Республики Конго на территории 7 провинций. Подавить это восстание властям Конго удалось только при военном вмешательстве Запада.

Расправа над восставшими превратилась в ужасающее побоище. Пленных не брали и не расстреливали, их забивали до смерти, рвали на куски копьями и ножами, женщин насиловали. И это при том, что администрация США заявила, что целью стэнливилльской операции было “спасение жизней невинных мужчин, женщин и детей, граждан по меньшей мере восемнадцати стран” (стр. 274).

В конце октября Гбение обратился по радио к главам Алжира, Ганы, Гвинеи, Мали и ОАР: “Довожу до сведения ваших превосходительств, что вы разделяете со мной ответственность за потерю Африки. Я сделал всё возможное для сохранения африканского достоинства, а вы оставили меня один на один с американскими и бельгийскими бомбардировками. Я обращаюсь к вам в последний раз, умоляю во имя Лумумбы, вмешайтесь в течение нескольких часов. Если вы не сделаете этого, я применю тактику выжженной земли, и американцы с бельгийцами окажутся в пустыне”. Это был жест отчаяния, оставшийся без ответа (стр. 265-266).

В апреле 1965 г. в северную Катангу под чужим именем, изменив свою внешность, прибыл с небольшим кубинским отрядом Че Гевара, чтобы лично наладить там партизанскую войну и превратить Конго “в ещё один Вьетнам”. С. В.Мазов приводит выдержки из конголезского дневника кубинского революционера, назвавшего свою конголезскую эпопею “историей разложения и поражения конголезской революции”. Че Гевара убедился в том, что человеческий материал, с которым он столкнулся, оказался совершенно непригодным для формирования революционных кадров и организации вооружённой борьбы.

О руководителях повстанцев он отзывался как о лидерах средней руки, любителей красивой жизни, пьяницах, распутниках, коррупционерах, а о рядовом составе как о неотёсанных крестьянах, ленивых и недисциплинированных, лишённых духа борьбы или самопожертвования. Че Геваре не удалось подготовить из конголезцев боеспособной силы и провести хотя бы одну успешную крупную операцию. В конце ноября кубинцы покинули Конго, пробыв там семь месяцев (стр.279- 280).

Нельзя не согласиться с выводом С.В. Мазова относительно того, что СССР занял в отношении восстания симба взвешенную, осторожную позицию. Опасения относительно слабостей восстания симба оказались обоснованными. Оно было подавлено. Мобуту, захвативший в Конго власть 26 ноября 1965 г. в результате бескровного государственного переворота, был верным союзником Запада на протяжении более тридцати лет.

С.В. Мазов полагает, что конголезская политика СССР не дает оснований утверждать, что он “дрался одной рукой”, имитировал конфронтацию с Западом и относился к левым националистам этой страны как к “бросовым вещам”. Поведение советского руководства – яркий пример сложного переплетения идеологии и прагматики в его внешней политике. Более решительные действия (проведение операции по освобождению Лумумбы или поставки оружия правительству Гизенги) могли бы стимулировать развитие революционного процесса в Конго, но и гарантировало бы опасную эскалацию конфронтации с Западом в регионе, где у СССР не было ни необходимых ресурсов, ни надёжных союзников (стр. 290).

В Приложении читатель обнаружит хронологию событий с 1885 по 1965 гг., перечень использованных автором источников и материалов из трёх российских, американского и английского архивов, сборников документов, материалов ООН, мемуаров, дневников и путевых заметок, публикаций африканских лидеров, произведений художественной литературы, исторических исследований, диссертаций, периодических изданий. Впечатляют именно указатель, в нём 339 фамилий, и научный аппарат, в котором на 292 страницах текста 1162 сноски. Книга иллюстрирована тремя картами и 18 иллюстрациями из фонда РГАКФД г. Красногорска.

В Заключении С.В. Мазов констатирует, что конголезский кризис закончился победой Запада. В том, что Центральная Африка не стала ареной прямой конфронтации между Западом и Востоком, была велика роль СССР, поскольку его руководство никогда не переступало грань, отделяющую их от прямого столкновения в Конго, даже тогда, когда Запад зверски расправился с Лумумбой и посредством прямой военной интервенции подавил восстание симба. У Советского Союза не было шансов успешно выдержать военное противостояние с западными державами в далекой африканской стране для доставки туда войск и их обеспечения. В Конго у СССР не было таких надёжных союзников, как Фидель Кастро на Кубе. Советско-конголезский союз был в определяющей степени ситуационным: только СССР был готов реально помочь Лумумбе сохранить единство страны. Разношерстная конголезская оппозиция была едина в своей прозападной ориентации. Лумумба, яркая личность и блестящий оратор с харизмой вождя, оказался несилён в реальной политике. Не получив от СССР гарантий реальной военной помощи, большинство афро-азиатских стран, участвовавших в конголезской операции ООН, предпочли вывести из Конго свои контингенты (стр. 287-291).

Завершая свой капитальный труд, заслуживающий самой высокой оценки, С.В. Мазов замечает, что изучение исторических корней конфликта, угрожающего стабильности в Центральной Африке, может помочь его урегулированию, не допустить превращения этого региона в «зону экспорта хаоса», который может докатиться и до России (с. 292).

Нет сомнения в том, что монография С.В. Мазова, подготовленная на большом по количеству и качеству источниках, значительная часть которых вводится им впервые в научный оборот отечественной африканистики, написанная в стиле современного научно-популярного детектива, повествующая о реальных событиях в Африке середины XX века, будет с большим интересом прочитана и по достоинству оценена не только историками, преподавателями и студентами, как это указано в аннотации к книге, но и более широким кругом просвещённых российских читателей.

*Ю. Н. Винокуров,
Доктор исторических наук,
Институт Африки РАН*

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ

В СВЯЗИ С КОРЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ...	
«О приостановлении Российской Федерацией действия соглашения между правительством РФ и правительством США об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области и протоколов к этому соглашению»	
Указ Президента Российской Федерации	130
Проект Федерального закона	131
Пояснительная записка к проекту закона	132
«ВЫ ВСПОМНИТЕ, КАКУЮ СТРАНУ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ!».	
Выступление Постоянного Представителя России в Совете Безопасности ООН В.И.Чуркина 14 декабря 2016 г.	135

**УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ДЕЙСТВИЯ СОГЛАШЕНИЯ
МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ОБ УТИЛИЗАЦИИ ПЛУТОНИЯ, ЗАЯВЛЕННОГО
КАК ПЛУТОНИЙ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЙСЯ БОЛЕЕ
НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБОРОНЫ, ОБРАЩЕНИЮ
С НИМ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ
И ПРОТОКОЛОВ К ЭТОМУ СОГЛАШЕНИЮ**

В связи с коренным изменением обстоятельств, возникновением угрозы стратегической стабильности в результате недружественных действий Соединенных Штатов Америки в отношении Российской Федерации и неспособности Соединенных Штатов Америки обеспечить выполнение принятых обязательств по утилизации избыточного оружейного плутония в соответствии с международными договорами, а также исходя из необходимости принятия безотлагательных мер по защите безопасности

Российской Федерации, постановляю:

1. В соответствии с пунктом 4 статьи 37 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» приостановить действие Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области, подписанного в г. Москве 29 августа 2000 г. и в г. Вашингтоне 1 сентября 2000 г., Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области, подписанного в г. Вашингтоне 15 сентября 2006 г., и Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области, подписанного в г. Вашингтоне 13 апреля 2010 г., через 120 дней со дня получения уведомления о приостановлении действия названных Соглашения и протоколов.

2. Министерству иностранных дел Российской Федерации направить Американской Стороне уведомление о приостановлении действия Соглашения и протоколов, названных в пункте 1 настоящего Указа.

3. Установить, что плутоний, попадающий под действие Соглашения, названного в пункте 1 настоящего Указа, не используется для целей изготовления ядерного оружия или других

ядерных взрывных устройств, для исследований, разработок, проектирования или испытаний, связанных с такими устройствами, или для любых других военных целей.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации В.ПУТИН
Москва, Кремль
3 октября 2016 года
N 511

Проект N 1186208-6
Внесён Президентом Российской Федерации

**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
«О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ДЕЙСТВИЯ СОГЛАШЕНИЯ
МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ОБ УТИЛИЗАЦИИ ПЛУТОНИЯ, ЗАЯВЛЕННОГО
КАК ПЛУТОНИЙ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЙСЯ БОЛЕЕ НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБОРОНЫ,
ОБРАЩЕНИЮ С НИМ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ И ПРОТОКОЛОВ К
ЭТОМУ СОГЛАШЕНИЮ**

Статья 1

Приостановить действие Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области, подписанного в городе Москве 29 августа 2000 года и в городе Вашингтоне 1 сентября 2000 года (далее - Соглашение), Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области, подписанного в городе Вашингтоне 15 сентября 2006 года, и Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области, подписанного в городе Вашингтоне 13 апреля 2010 года (далее - протоколы к Соглашению), в связи с коренным изменением обстоятельств, возникновением угрозы стратегической стабильности в результате недружественных действий Соединенных Штатов Америки в отношении Российской Федерации и неспособности Соединенных Штатов Америки обеспечить выполнение принятых обязательств по утилизации избыточного оружейного плутония в соответствии с Соглашением и протоколами к Соглашению.

Статья 2

1. Решение о возобновлении действия Соглашения и протоколов к Соглашению принимает Президент Российской Федерации.

2. Действие Соглашения и протоколов к Соглашению может быть возобновлено после устранения Соединенными Штатами Америки причин, приведших к коренному изменению обстоятельств, существовавших на день вступления в силу Соглашения и протоколов к Соглашению, при условии:

1) сокращения военной инфраструктуры и численности контингента войск Соединенных Штатов Америки, размещенных на территориях стран - членов Организации Североатлан-

тического договора (НАТО), вступивших в НАТО после 1 сентября 2000 года, до уровня, на котором они находились на день вступления в силу Соглашения и протоколов к Соглашению;

2) отказа Соединенных Штатов Америки от недружественной политики в отношении Российской Федерации, который должен выражаться:

а) в отмене закона Соединенных Штатов Америки 2012 года (закон Сергея Магнитского) и направленных против России положений закона Соединенных Штатов Америки 2014 года о поддержке свободы Украины;

б) в отмене всех санкций, введенных Соединенными Штатами Америки в отношении отдельных субъектов Российской Федерации, российских юридических и физических лиц;

в) в компенсации ущерба, понесенного Российской Федерацией в результате введения санкций, указанных в подпункте «б» настоящего пункта, включая потери от введения вынужденных контрсанкций в отношении Соединенных Штатов Америки;

3) представления Соединенными Штатами Америки четкого плана необратимой утилизации плутония, подпадающего под действие Соглашения.

Статья 3

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращению с ним и сотрудничеству в этой области (далее - Соглашение), подписанное Российской Федерацией 29 августа 2000 г. и США 1 сентября 2000 г., предусматривает утилизацию каждой из сторон 34 тонн оружейного плутония, объявленного излишним для военных программ.

15 сентября 2006 г. подписан Протокол к Соглашению, регулирующий вопросы гражданской ответственности за ущерб.

13 апреля 2010 г. подписан Протокол к Соглашению, регулирующий вопросы финансирования, а также фиксирующий двусторонние договоренности о способе утилизации плутония, согласно которым весь подпадающий под действие Соглашения плутоний утилизируется путем облучения в ядерных реакторах.

Соглашение вместе со всеми изменениями к нему вступило в силу 13 июля 2011 г., после ратификации Российской Федерацией.

В последнее время США предпринимают попытки пересмотра прописанной в Протоколе от 13 апреля 2010 г. стратегии утилизации плутония и изменения способа его утилизации. При этом американская сторона планирует осуществлять утилизацию плутония путем его захоронения, а не путем облучения, как это установлено названным Протоколом. Российские специалисты еще при подготовке Соглашения возражали против такого подхода, поскольку в этом случае не обеспечивается необратимость утилизации. Соглашение в редакции 2000 года предусматривало, что большая часть американского плутония будет облучаться в реакторах, и лишь для небольшого количества допускалось захоронение. При заключении Протокола от 13 апреля 2010 г. от захоронения как способа утилизации плутония отказались полностью. Это было частью компромисса, достигнутого в ходе подготовки указанного Протокола.

Следует отметить, что до настоящего времени американская сторона согласия Российской Федерации на изменение способа утилизации плутония не запрашивала.

В период после вступления в силу Соглашения и протоколов к нему США предприняли ряд шагов, ведущих к коренному изменению ситуации в области стратегической стабильности.

Под предлогом кризиса на Украине происходит наращивание военного присутствия США в Восточной Европе, в том числе в государствах, принятых в НАТО после 2000 года - года заключения Соглашения. В 2015 году шесть новых передовых пунктов управления войсками размещены в Болгарии, Латвии, Литве, Польше, Румынии и Эстонии. Их основная задача - в случае принятия соответствующего решения обеспечить оперативную переброску крупных военных контингентов НАТО в Восточную Европу. Подразделения вооруженных сил США введены на территории государств Прибалтики, увеличено количество базирующихся на их аэродромах самолетов НАТО. На территории Украины инструкторы из США проводят обучение боевиков запрещенной в России организации «Правый сектор».

Помимо действий, направленных на изменение военно-стратегического баланса, США предпринимают меры по расшатыванию экономики Российской Федерации и нарушению прав российских граждан.

В частности, в 2012 году в США был принят так называемый закон Сергея Магнитского, в соответствии с которым Вашингтон открыто встал на защиту экономической преступности в Российской Федерации, а в 2014 году - закон о поддержке свободы Украины, допускающий вмешательство во внутренние дела нашей страны.

Кроме того, в 2014 году США ввели санкции в отношении Российской Федерации, отдельных ее территорий, юридических и физических лиц.

Поскольку предпринятые США действия привели к коренному изменению обстоятельств, существовавших при заключении Соглашения и протоколов к нему, приостановление действия Соглашения является ответной мерой Российской Федерации и не противоречит Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года. При этом плутоний, подпадающий под действие Соглашения, остается вне ядерной оружейной деятельности, что свидетельствует о приверженности России курсу на ограничение ядерных вооружений.

Проект федерального закона не противоречит положениям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. и иных международных договоров Российской Федерации, а его принятие не потребует дополнительных расходов федерального бюджета.

31 октября 2016 года N 381-ФЗ

**РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
О ПРИОСТАНОВЛЕНИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ДЕЙСТВИЯ СОГЛАШЕНИЯ
МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ ОБ УТИЛИЗАЦИИ ПЛУТОНИЯ, ЗАЯВЛЕННОГО
КАК ПЛУТОНИЙ, НЕ ЯВЛЯЮЩИЙСЯ БОЛЕЕ НЕОБХОДИМЫМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ОБОРОНЫ,
ОБРАЩЕНИИ С НИМ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ И ПРОТОКОЛОВ К
ЭТОМУ СОГЛАШЕНИЮ**

Принят
Государственной Думой
19 октября 2016 года

Одобен
Советом Федерации
26 октября 2016 года

Статья 1

Приостановить действие Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области, подписанного в городе Москве 29 августа 2000 года и в городе Вашингтоне 1 сентября 2000 года (далее - Соглашение), Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области, подписанного в городе Вашингтоне 15 сентября 2006 года, и Протокола к Соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки об утилизации плутония, заявленного как плутоний, не являющийся более необходимым для целей обороны, обращении с ним и сотрудничестве в этой области, подписанного в городе Вашингтоне 13 апреля 2010 года (далее - протоколы к Соглашению), в связи с коренным изменением обстоятельств, возникновением угрозы стратегической стабильности в результате недружественных действий Соединенных Штатов Америки в отношении Российской Федерации и неспособности Соединенных Штатов Америки обеспечить выполнение принятых обязательств по утилизации избыточного оружейного плутония в соответствии с Соглашением и протоколами к Соглашению.

Статья 2

1. Решение о возобновлении действия Соглашения и протоколов к Соглашению принимает Президент Российской Федерации.

2. Действие Соглашения и протоколов к Соглашению может быть возобновлено после устранения Соединенными Штатами Америки причин, приведших к коренному изменению обстоятельств, существовавших на день вступления в силу Соглашения и протоколов к Соглашению, при условии:

1) сокращения военной инфраструктуры и численности контингента войск Соединенных Штатов Америки, размещенных на территориях стран - членов Организации Североатлантического договора (НАТО), вступивших в НАТО после 1 сентября 2000 года, до уровня, на котором они находились на день вступления в силу Соглашения и протоколов к Соглашению;

2) отказа Соединенных Штатов Америки от недружественной политики в отношении Российской Федерации, который должен выражаться:

а) в отмене Закона Соединенных Штатов Америки 2012 года (закон Сергея Магнитского) и направленных против России положений Закона Соединенных Штатов Америки 2014 года о поддержке свободы Украины;

б) в отмене всех санкций, введенных Соединенными Штатами Америки в отношении отдельных субъектов Российской Федерации, российских юридических и физических лиц;

в) в компенсации ущерба, понесенного Российской Федерацией в результате введения санкций, указанных в подпункте «б» настоящего пункта, включая потери от введения вынужденных контрсанкций в отношении Соединенных Штатов Америки;

3) представления Соединенными Штатами Америки четкого плана необратимой утилизации плутония, подпадающего под действие Соглашения.

Статья 3

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации
В.ПУТИН
Москва, Кремль
31 октября 2016 года
N 381-ФЗ

«ВЫ ВСПОМНИТЕ, КАКУЮ СТРАНУ ВЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ!»

**Выступление Постоянного представителя России
в Совете Безопасности ООН В.И.Чуркина
14 декабря 2016 г.**

Мое выступление будет состоять из четырех небольших частей. Первая часть. Пропаганда, дезинформация, психологическая война — все это не новые понятия. Новое явление, обостренное проявление которого мы наблюдаем в ходе сирийского конфликта, — это распространение «фейковых» новостей. Для их фабрикации не гнушаются использовать даже малолетних детей. Не хотелось бы, чтобы Секретариат ООН стал инструментом в этой циничной игре. Мне не хотелось бы напоминать западной «тройке», которая собрала сегодняшнее заседание и повела его на повышенных тонах, о той роли, которую они сыграли в возникновении ИГИЛ в результате американо-английского вторжения в Ирак, не хочу упоминать о той роли, которую сыграли эти три страны в раскручивании сирийского кризиса, который привел к таким тяжелейшим последствиям и дал разгуляться на территории как Сирии, так и Ирака террористическим организациям.

Но особенно странным мне показалось выступление представителя Соединенных Штатов, которая построила свое выступление, как будто она мать Тереза. Вы вспомните, какую страну Вы представляете! Вспомните послужной список своей страны! И потом уже начинайте рассуждать с позиций морального или какого-то другого превосходства. А кто в чем повинен, я думаю, что история и Господь Бог разберутся. Теперь вторая часть моего выступления. Это информация по состоянию на вчерашний вечер. Сирийские власти вчера вечером полностью контролировали более 98 процентов территории города Алеппо. Общая площадь кварталов в восточной части города, где оставались боевики, не превышала 3 кв. км. За сутки сирийская армия освободила от боевиков еще 11 кварталов восточной части Алеппо. В течение суток из остающихся под контролем боевиков районов Алеппо при содействии российского Центра примирения враждующих сторон выведено 7796 мирных жителей, в том числе 3946 детей. Сложили оружие и вышли в западную часть города 375 боевиков. С начала операции выведено около 110 000 мирных граждан, в том числе 44 367 детей, более 7000 жителей вернулись в свои дома в освобожденных кварталах из западных районов города. В течение суток проведено три гуманитарных акции, в ходе которых мирным жителям в пунктах временного размещения в восточной части города Алеппо произведена передача гуманитарных грузов. В районе Аль-Азизи около 1 тонны, в районе Шейх Махсуд — около 1 тонны, в районе Аль-Малахедж — около 1,5 тонн. Для мирных жителей, покидающих районы города Алеппо, находящихся под контролем незаконных вооруженных формирований, продолжают работать пункты горячего питания и выдачи предметов первой необходимости. За сутки разминирована территория общей площадью более 16 га. От взрывоопасных предметов очищено 48 зданий, в том числе 5 школ, жилой комплекс, дом престарелых и парковая зона, а также 2,5 километра автодорог. Российские саперы за прошедшие сутки обезвредили в кварталах восточного Алеппо, освобожденных от боевиков, более 1200 взрывоопасных предметов. Результаты обследования освобожденных районов восточного Алеппо российскими саперами Международного противоминного центра пока не позволили выявить ни одной больницы или школы, которая бы функционировала при боевиках по своему прямому назначению. Все они использовались как штабы, шариатские суды, пункты сосредоточения боевиков, склады боеприпасов или цеха по производству самодельных ракет. Теперь третья часть моих ремарок. Это уже самая последняя информация. В настоящее время сирийская армия завершает освобождение Алеппо от радикальных боевиков, включая террористов «ан-Нусры», которые ранее неоднократно отказывались покинуть город по безопасным маршрутам. Более того, они не только продолжали вести активные боевые действия против правительственных сил, заявляя, что лучше умрут, чем капитулируют, но и регулярно обстреливали мирные кварталы Алеппо, убивая ни в чем

не повинных женщин, детей и стариков. Кроме того, они всячески препятствовали выходу из контролируемых незаконными вооруженными формированиями районов города мирных жителей, в том числе открывая огонь по горожанам, пытавшимся вырваться на запад Алеппо. Этот факт подтвержден многочисленными свидетелями, в том числе из числа сотрудников международных гуманитарных агентств. А вот фактов проведения массовых арестов, исчезновения людей и кровавых расправ над так называемыми «гражданскими активистами» у нас нет. Буквально час назад мы связались с нашим посольством в Дамаске, которое находится в контакте с сирийскими властями и командованием российской военной группировки в Сирии. Они данную информацию категорически отвергают. Естественно, выходящих из окружения боевиков проверяют на предмет возможной причастности к совершению преступлений, в том числе атаки на российский мобильный военный госпиталь. Полагаем, что в данной ситуации это вполне оправданная мера, коль скоро в данном случае мы имеем дело с террористами из «ан-Нусры», головорезами из движения «Нуреддин аз-Занки» и других подобных бандформирований. Однако хочу это особо подчеркнуть, абсолютное большинство бывших членов незаконных вооруженных формирований, сдающихся властям по указу об амнистии, после прохождения необходимых процедур возвращаются к своим семьям. И теперь самое главное. Контртеррористическая операция в Алеппо будет завершена в течение нескольких часов. Все боевики вместе с членами своих семей и ранеными в настоящее время выходят по согласованным коридорам в тех направлениях, которые они сами выбрали, в том числе в сторону Идлиба. На пунктах пропуска дежурят офицеры российского Центра по примирению враждующих сторон. О каких-либо фактах, произвольных арестах или других нарушениях данного соглашения, которое было заключено с незаконными вооруженными формированиями, российские военнослужащие не докладывали. Кроме того, эту информацию, как представляется, могут подтвердить и находящиеся в настоящее время в Алеппо представители Международного комитета Красного Креста, а также все работающие в Сирии ооновские гуманитарные агентства во главе со страновым Координатором-резидентом. И последнее — мы реагируем на все обращения к нам, в том числе от американской делегации, по поводу поступающей якобы информации о каких-то злоупотреблениях, нарушениях международно-го гуманитарного права. Я зачитаю текст ответа нашего офицера, нашего военного представителя в Женеве, на обращение, которое поступило к нему от Яна Эгеланна — как известно, в аппарате Стаффана де Мистуры он отвечает за гуманитарные вопросы. Ответ следующий: «Получив твой сигнал о том, что в восточном Алеппо отмечаются случаи жестокого отношения правительственных войск к мирным жителям, российский Центр примирения приступил к немедленному расследованию этих обвинений. Вчера и сегодня офицеры Центра посетили все освобожденные районы, провели беседы с командирами и гражданскими лицами. Ни одного факта жестокого обращения или нарушения международного гуманитарного права по отношению к жителям восточного Алеппо не вскрыто. Перечисленные вами инциденты не достоверны. Вместе с тем выявлены факты преступлений боевиков оппозиции и террористов. В районе Ар-Рашидин обнаружены тела казненных за попытку выйти из города людей, в районе Ансари Машхад найдены заминированные школы и медпункт, в квартале Инсари Сарк собраны документы шариатского суда с приговорами о казнях горожан. Все штабы боевиков оппозиции, орудия «адского огня» расположены либо в больницах, либо в школах или мечетях. Собраны тысячи свидетельских показаний горожан о пытках, казнях и насилии со стороны боевиков. Рассчитываем, что у вас хватит смелости и объективности заявить об этом». Рассчитываем, что и у Секретариата Организации Объединенных Наций хватит смелости и объективности заявить обо всем этом, а не пытаться односторонне свалить всю ответственность за происходящее на сирийское правительство и, как здесь выражаются, на тех, кто его поддерживает, то есть, в том числе, и на Россию. Тем самым вы выгораживаете террористов. Мы давно уже обращали внимание на то, что недопустимо, когда в выступлениях руководителей Секретариата о террористах упоминают, как будто бы они какая-то «третьестепенная деталь» в ситуации в Сирии и Ираке. Это не «третьестепенная деталь», а первостепенное обстоятельство, которое именно

так и трактуется в резолюциях Совета Безопасности. Что касается того, что Совет Безопасности не выполняет свою роль, то позволю с этим не согласиться. Совет Безопасности принял фундаментальную резолюцию 2258 (2015) в декабре прошлого года, и не наша вина, что некоторые продолжали искать счастье на «поле брани», сохраняя иллюзию о возможности силовой смены режима в Дамаске. Так что давайте вернемся к политической работе и попробуем реализовать те решения Совета Безопасности, которые действительно способны привести к урегулированию кризиса в Сирии.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЭЗИЯ

В конце 2016 года вышел сборник стихов Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Бурунди в Российской Федерации Эдуарда Бизимана «*A Sense in a Nonsenses. A Look Around Me*». В настоящем выпуске нашего журнала мы публикуем избранные стихи из этого сборника. Мы также предваряем стихотворения предисловием, написанным нашим извесным юристом-международником и поэтом Владимиром Михайловичем Шумиловым.

Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Бурунди Э.Бизимана вручает верительные грамоты Президенту России В.В.Путину

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Россию пришла африканская поэзия – поэзия загадочного далёкого континента, который всегда манил и манит русского человека. Россия любит стихи: с детства мы заучиваем наизусть десятки стихотворений, раскрывающих жизнь страны и общества, развивающих наши души и внутренний мир. Пушкин, потомок африканских народов, – великий русский поэт. Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Есенин, Бродский и многие другие внесли неоценимый вклад в нашу культуру. Мы хорошо знаем и зарубежную поэзию, однако стихи из Африки – это пока экзотика, редкое для нас явление, тем более с большим любопытством и ожиданиями мы прикоснемся к предлагаемым строкам.

Читателю впервые в России предлагается подборка стихотворений Эдуарда Бизимана – персоны известной и в поэтической среде, и в дипломатическом мире. Эдуард Бизимана – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Бурунди в России. Много лет он проработал на дипломатических постах в США и в Европе. Поэзией увлекся еще в школе, не оставил своего увлечения в университете. Постепенно его стихи приобретали известность и даже декламировались по радио Камеруна. Эдуард Бизимана – автор научно-профессиональных статей и готовящегося к изданию романа.

Предлагаемая подборка содержит более сорока произведений на разные темы – преимущественно на английском языке (несколько стихотворений – на французском). Автор погружается мыслями сам и погружает читателя в размышления о жизни и смерти. Темы любви, веры, семьи, несправедливости, войны, истории – всё, что так близко и нам, – пронизывают

творчество Эдуарда Бизимана. Поэт всматривается в себя, в окружающий мир, в человека как божественное творение. Названия стихов часто говорят сами за себя и передают главную идею: «Господь, должно быть, занят» («God must be busy»); «Посох» («The Stick»); «Всё моё со мной» («Wealth in hands»); «Великое слово «Любовь»» (The Word); «Наркотик» («The Pill»); «Если этот день – последний» («If today is the last»); «Я принёс тебе розы» («I brought you Roses»); «Молитва» («The Grace») и другие. Автор включил в сборник несколько стихотворений, написанных его сыном, дочерью, близкими людьми, друзьями, и в определенном смысле дополняют авторскую подборку.

Для поэзии Эдуарда Бизимана характерно глубокое проникновение в человеческое «Я», богатство и многозначность образов, тонкие нюансы взаимоотношений. Автор предстает как философ, размышляющий о мире, боге, обществе и общественных проблемах. В стихах отражаются разные чувства. Многие строчки – афористичны. Передать детали на русский язык не всегда представляется возможным и будем надеяться, найдутся переводчики, которые смогут переложить стихи Эдуарда Бизимана на наш родной язык.

Палитра вопросов, которыми задается автор, и чувств, которые мы переживаем вместе с ним, – очень широкая.

«Как можно жить в гармонии, если каждый борется за выживание?», - спрашивает поэт («Господь, должно быть, занят»).

How could beasts live in harmony,
Where each struggles for survival?

Трогательную зарисовку представляет собой стихотворение «Посох»: два покинутых и забытых существа бредут по мостовой – слепой с посохом и собака-проводник; один из них может видеть, другой – познает мир наощупь, вместе они – единое целое.

Автор видит вокруг себя социальное неравенство, нищету, пытается прийти на помощь: «Я дал монетку, и он назвал меня «братом» («I gave him a quarter and he called me brother» - «Милостыня»/«Blessings for a dollar»).

Вместе с поэтом мы обращаемся с просьбами к Всевышнему, вглядываемся в таинственное будущее («...leading steps in the mysterious future» - «What's next?»), ищем выход из израильско-палестинского конфликта («The seed of evil»), пытаемся оценить вклад Манделы и Ганди («The life beyond») и «видим море» - «океан слёз» («I see Sea, the ocean of tears...» - «I see Sea»)...

Желаем читателю вдумчивого чтения и философских размышлений.

В.М. Шумилов

FOREWORD

African Poetry came to Russia Poetry of the distant and mysterious continent, which has always attracted and attracts the Russian people.

Russians love poetry: from childhood we learn by heart dozens of poems that reveal the life of our country and our society, that develop our souls and inner peace. Alexander Pushkin, a descendant of African people – is a great Russian poet. Mikhail Lermontov, Alexey Nekrasov, Vladimir Mayakovsky, Sergei Yesenin, Yosef Brodsky and many others have made an invaluable contribution to our culture. We know very well foreign poetry too, but poetry from Africa - is still an exotic and rare for us. Especially with great curiosity and expectations we touch the proposed lines.

For first time in Russia the readers are offered of a selection of poems written by Edouard Bizimana – the person known in the poetic world, as well as in the diplomatic society. Edouard Bizimana – is an Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Burundi in Russia. For many years he worked at diplomatic posts in the United States of America and in Europe. Edouard became interested in poetry in a high school, and he did not leave his passion at the university. Gradually his poems gained fame. Edouard Bizimana – is an author of scientific papers and of the novel that is preparing for the publication soon.

The proposed collection includes more than forty poems on different topics. Most of them in English, some poems – are in French. Author's thoughts immersed himself and immerses the reader into thinking about life and death. Themes of love, faith, family, injustice, war, history - everything is so close to us, - permeate the work of Edouard Bizimana. The poet gazes at himself, at the world, at the person as a divine creation. The titles of poems often speak for themselves and convey the main idea: «God must be busy», «The Stick», «Wealth in hands» «The Word», «The Pill», «If today is the last», «I brought you Roses», «The Grace» and others. The last nine poems are written not by the author but by his son, daughter, loved ones, friends, and, in a sense complement the collection of the author.

The poetry of Edouard Bizimana is characterized by deep penetration into the human “I”, the richness and polysemy of images, subtle nuances of relationships. The author appears as a philosopher who think about the world, God, society and social problems. His verses reflect different feelings. Many lines – are aphoristic. It is not always possible to reflect the details of Bizimana's poems into the Russian language, and hopefully there will appear an interpreter who will be able to translate the poems of Edouard Bizimana in our native language.

The palette of questions asked by the author, and the feelings that we experience with him - are very broad.

“How can we live in harmony if everyone is fighting for survival?” - asks the poet («God must have been busy»).

How could beasts live in harmony,
Where each struggles for survival?

Touching image is presented to us in the poem «The Stick»: two abandoned and forgotten creatures wander the pavement - a blind man with a stick and the guide-dog. One of them can see, the other knows the world by touch, but together they are an organic whole...

Author sees around him social inequality, poverty and tries to help: «I gave him a quarter and he called me brother» - («Blessings for a dollar»).

Together with the poet we pray to the Almighty, look into the mysterious future («... leading steps in the mysterious future» - «What's next?»), looking for a resolution of the Israeli-Palestinian conflict («The seed of evil»), try to assess the contribution of Mandela and Gandhi («The life beyond») and “see the sea” in “ocean of tears” («I see sea») ...

I wish the readers to read the thoughtful and philosophical reflection...

Vladimir Shumilov

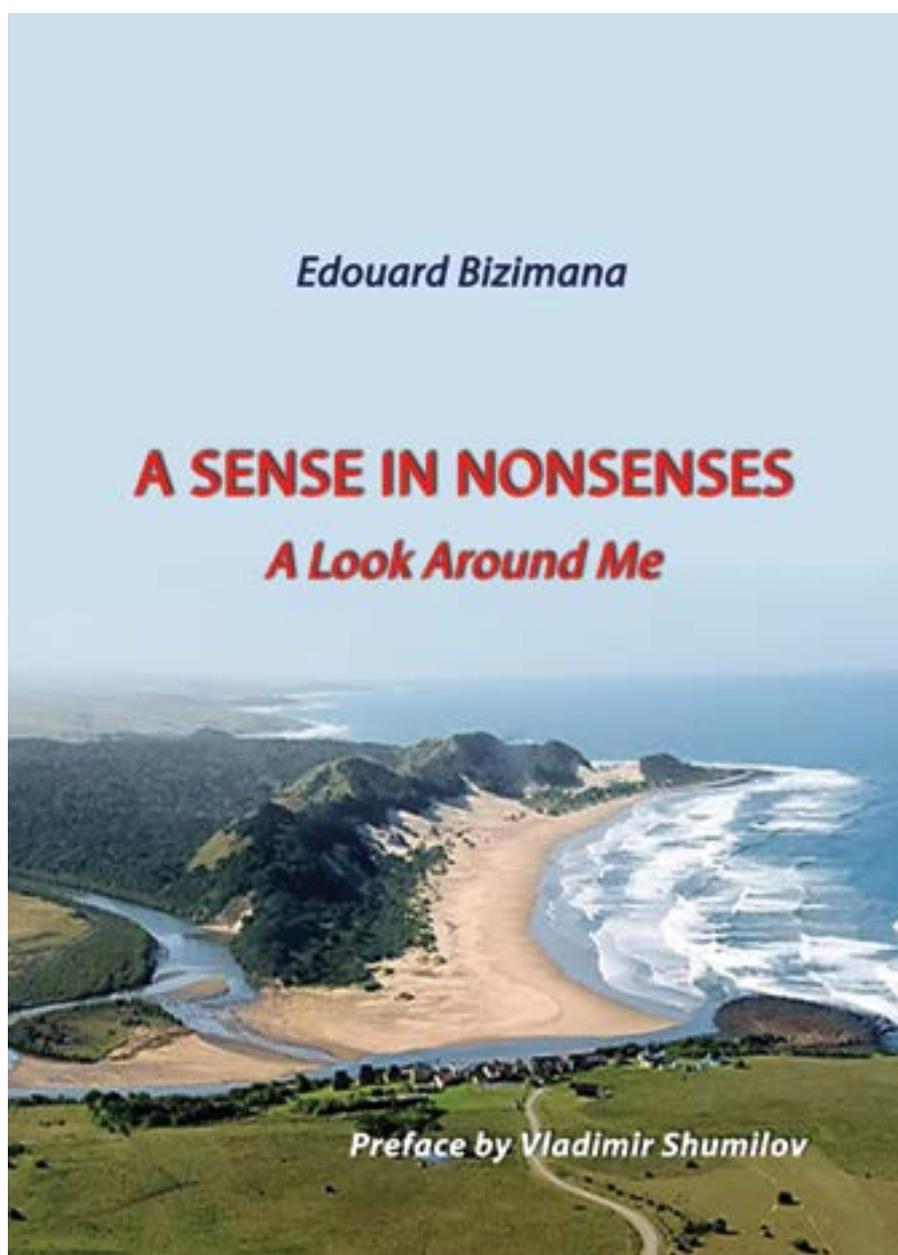
Professor Vladimir Mikhailovich Shumilov – is a famous Russian poet and international lawyer. He is Head of the Department of International Law at the Academy of International Trade (Moscow, Russia), member of International Law Council of the Russian Ministry for Foreign Affairs. He is also an author of several collections of poems and books on the theory of the poetry, member of the Russian Union of Writers.

EDOUARD BIZIMANA

*Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary
of the Republic of Burundi in the Russian Federation,*

POETRY

From the Poetry Collection “A Sense in Nonsenses. A Look Around Me”

“GOD MUST BE BUSY”

How could it be otherwise,
When His handmade are not wise?
Keeping an eye on each of the artifacts,
For a kind and fatherly census,
To avoid the loss of the sheep.
How could beasts live in harmony,
Where each struggles for survival?
How snow would fall from the sky
And why could planets not collide?
What a melodious cacophony!
In platitudes, are we busy
Making Him dizzy
By giving hard times
In our senseless lusts for survival
While birds and ants don't care about their tomorrow.
Endowed with reason
Still the most stupid
Human sounds like treason
Because never satisfied;
If not, why attempt to remake the Maker?

Caring about the careless living and unseen
Speaking for the voiceless
Feeding birds and growing grass
For the grass-eating creatures
And the wonders in the waters.

In a twinkling of an eye,
All could become ashes
To all sound despair.
But, God keeps an eye on every created beauty
And a meaning is given.
In such a disorderly nature,
God must be busy for no way can He rest.

WHY NOT ME?

While all knees bow
To give praises to the New Born,
When all proclaim
That Jesus is the King,
When all hearts rejoice
Why not look around and hear the voice
Calling me to join?
Against my will,
I keep on turning my back
From the One who gloriously rose
From the ashes of death,
And saved the wrongdoers like me.
To me should He be no enemy
Regardless the daily good granted to me,
I still fail to find Him a place in my heart!
Eyes He gave me
Still I fail to see;
Provided heart
Still fail to feel.
All around me praises rise
Why should I not join and give Him thanks?
Why not me?

THE STICK

A friend in need
Found a friend indeed
Then all walk hand in hand.
One sees while the other feels,
And in oneness, they all make the way.
Seeing without eyes,
The stick leads the blind,
And in harmony the two tour,
Carefully avoiding all obstacles.
*“A true and unfailing companion,
With you, I feel confident and
in a genuine union.*

*You see and I feel,
And in unison we move.
You seek and I sing
For I know you're part of me
And I, a part of you”.*

WEALTH IN HANDS

No credit card,
No accounts in bank
And carry my only property'
To sleep where night finds me.
Tenant of every corner,
No sign do I leave behind
Except when winter is too harsh
To prevent me from moving,
In search of better places.
Worries of economic recession are not mine,
Except when I have no quarters to move around;
Even then, bus drivers will let me in
With my property in hands.
Never do I ask for pity
Still, pitiful eyes almost remind me of mine,
Around me seats are emptied by former occupants;
Who pretend to leave me enough space,
Whereas they are driven away by my sweat perfumed clothes!
A stranger among descent humans,
Only feel confident amidst fellow SDFs.
Who still have human hearts
Because they have fewer worries:
All their wealth is in their hands,
And no envies do they drive.

WHAT'S NEXT?

“Let there be light, land and waters”,
And light, land, waters and lives were.
And all were in harmony until the day man sinned.
Deprived of heavenly glory,
Blind to world’s wonders did he become!
And in worldly fancies man indulges.

For the redeemed is the heavenly kingdom,
Still many refuse to die to live.
For the self-fallen seemingly enjoys his world:
A world of iniquity, injustice, killing and corruption!

Be you a creationist or a Darwinian,
Listen to your heart and believe in yourself,
For another world is still possible
For those who have a will to move the centre.

Are there not earth and heaven?
Are there not new and old worlds
Had there not been communism, capitalism, and globalization?
Had there not been Nazism, revolutions and democracies?
Had there not been expeditions in seas and airs?
Still, many more unturned stones and unread pages!

Yet, generations will come and pass,
Never be down-held by failures:
Rise again for there will always be a better world ahead;
For those with great inspiration,
Like the singer and poet of great pasts,
Always bound by work and love,
The only leading steps in the mysterious future.

THE WORD

That word you whispered in my ear,
And that I still keep in my heart,
The word of wisdom, the word of life.
That word reverberating for me to hear,
And remember so as not to part,
From the way of promises.

Your word lightens my path,
And gives me more strength
In my search of meaning in a meaningless world
And joy in worldly fancies.
The word I have to pass on to generations to come,
So that it can be everlasting;
The word to lead your endeavour,
For the joy of the caring Creator,
Whose Angels guide our daily steps,
So that there is less sorrow
In the search of a better tomorrow.
That word of divine inspiration,
And the explanation of the second coming.
The word you told me in your last breath,
While on your heavenly journey.
“Love your neighbour as you love yourself”
Love, love for others, love for love’s sake,
That’s the word, the meaning of life.

BLESSINGS FOR A DOLLAR

Unmoved by the winter cold he stood;
Waving to every passer-by to give food
Or a lifesaving gesture after reading the paper
Which many refused to look at so as to avoid the keeper.

The beggar needs no millions for his survival
But leftovers to keep on riding.
I gave him a quarter and he called me brother;
Because I knew it's hard to be alive sometimes
And easy to die even when feeding doesn't bother.
I got so much for so little:
Heartfelt blessings just for a dollar!
Worth a million because given from the heart,
Still believing in God's mercy even when times are hard.

Only for one dollar, I got a bread of life
From the man in rags struggling to survive.
It takes a heart to see for many passed by;
But few saw the Christ in need.

A PILL

Overwhelmed by exuberant deception,
In a kind of nutshell retrieved
And in some way can-confined,
Regardless far-reaching but fruitless petition;
That's why he chose the pill
To make days improve and better fill
Even though it will leave a seal.
"I'll take that pill Mom
To feel better for the rest of my life
For all seem gibberish to the bottom;
I'll take it to make my heart light
Because the burden is so heavy
And obvious seems the plight
Thwarting all desires except one envy:
Departing from this doomed earth!
I'll take it Mom
Against my will Tom, I will swallow the magic,
To recover the lost paradise.
Even if you wanted me to be wise.
I will take it just to forget
Though worries will well up again before sunset.
I will take the pill of destructive happiness,
To at least be able to hail
And on failures happily sail
To capture a moment of ecstasy
Before surrendering to numbness,
In-acted by the pill's stain
Deep in the muscles unable to feel pain:
I'll take the pill
And live before dying".

IF TODAY IS THE LAST!

If today should be the last,
Let it be not painful
For today's pain is more than enough.
You made me a human being
But now I wish I could have magic power
To fly so high and escape flying bullets and bomb shells.

The once joyful Bujumbura
Is now ethnically balkanized,
Because the evil has taken the upper hand
In a city where there is no Burundian
But hutu and tutsi vowing to kill one another!
The silent spilt innocent blood
And the smoke of tire-coated victims
Still call the spirits to revenge.
So much suffering in a dreadful chaos
Where human being has no value,
And where all is well who dies quickly,
Let me not see more than that.

THE SEED OF EVIL

In ruins of a bombed house a man cries
Tied on a dead mother's back, a child helplessly dies;
While evil forces each claim victory in Ramallah.
The black veiled demons invoking Allah
To help them kill more innocent Jews
Whose military armada smashes down Palestinian villages and lives.

That's the song I heard in my younger age
That's the song I still hear today.
What would I have to say
Where Obama, Mandela, Clinton, Chirac, ...
Have been unable to reconcile the sons of Isaac?

From Camp David to Minneapolis,
And all the way from Moscow to Paris,
No sign of peace in sight.
While death continues taking lives away,
And all peace efforts remain fruitless,
I still believe that the seed of evil will one day fade
And the Israeli-Palestine puzzle definitely solved.

I BROUGHT YOU ROSES

I brought you roses to welcome you back home
But ignored the sudden change of address.
Although you promised to come back,
I only notice that your Maker decided otherwise.
I sent you e-mails and gave you calls
To give you the latest of our family.
We all expected you amidst us today.
Everything was set for a happy homecoming
And impatiently waited and searched all gates
For your flight was scheduled *on time*.
Suddenly a voice in mikes announces:
Flight Rio-Paris: arrival delayed!
Flight Douala-Nairobi: expect delays!
One hour, two, three hours and nothing more.
Once more, another voice for another message:
Important message concerning flight Earth-Heaven,
All those waiting for this flight are asked to meet in the left wing of the airport.
From that time I knew something wrong happened
But refused to accept that you would go so early,
Because there were still chapters of our life to read.
I brought you roses, but you were not there for them;
Unable to throw them away, they faded in my arms
A part of my heart fading with them,
Still, I'll keep them until we happily reunite again
For never to depart was our promise.

THE BERLIN WALL

No Germany and no superpowers neck to neck alongside the line;
But, a single man in Belgium refusing to die alive.
For twenty and more years, he lived behind a wall
Built by a motor accident which took most of his senses away.
Through the wall, whispers on the fate awaiting me leaked,
I refused to believe how far I was from the world;
A world I silently contemplated from my nutshell;
A world deaf to my silent shouts for twenty three years.
No-one can imagine how many attempts were made
To cross the line and let people know about my world.
No –one can imagine the hardships I went through;
Trying to reach out to those at the other isle
Near and so far away from me.
It is neither a comeback nor a new birth to this world,
Because I've always been there, alive in unabled body
I was there but the world around was deaf and dumb
Rom has always been there and sensitive to Mom's care.
Now that technology split the wall apart,
The world and I can commune together
I can now challenge the accident that condemned me to the wheel chair.

MY NAME IS HISTORY

Not just a name,
But a whole history,
Not my History, but that of the world.
Bear it with no shame!

Born human, but named against me
Born white, but named Del Negro,
Born human, but referred to as hutu
More than a name, but a “fout-tout”
I just wished to be no more than a human being.
I changed my dad’s name because I was a Jew,
Just to survive in world against Jews.
I could not bear my name,
For it could bring no fame
In a world where tolerance is an empty word.

I just wished to be a human being created in God’s image!
But, I changed my nose just to look like,...
I changed my skin colour in order to have a space
Where Negroes have no place and no name.
If the faith was strong enough,
All humans would force themselves to remember
That their Maker is neither white, black, hutu, tutsi, arab, jew, indian, ...!!

A name can either kill or save,
Because a name is more than a sheer identification
But a reference to history, to race, to colour,
To old glories and old cowardice.
All this remains nonsense
For “human being” is a common name,
With a common reference: love and friendship.

For the world to know how far evil can go,
Happily bear it but make a good use,
Of that made you suffer so that no one can suffer
Any of the woes that deprived you of your humanity.
I just wanted to bear no name,
I just wanted to be a human being
Created in the Image of God.

THE LIFE BEYOND

In daily turpitudes the world sinks,
And in self-imposed solitudes humanity blinks.
The dead are easily forgotten before they got rotten,
Because they were dead long before
That is why the world gets no better.

In today's world, many live to die but few die to live.
To these few, I owe my life
Even though very few I know.
That will be the same until human kind lives no more.

Those who lose and risk their lives to save life,
Will live longer and a better life,
Thanks to them the world is free and safer:
Martin Luther King was no King but inspired many,
Ghandi lived a simple life,
But brought freedom to many.
Mandela is and will be remembered
For his peaceful mind, his sense of humanity, of freedom,..

To them and to those without names,
But whose "nonsenses" can give a sense to life, to the world,
I bow and up my cap to pay tribute
The world pays tribute and will always remember.

MOSCOW

Cold and creative for minds made to be great
Dwelling place for Catherin the Great
Home for Vladimir, George, Ivan and Alexander
Where Gagarin graciously rose
And proudly opened the heights of the skyies
For the world to discover and enjoy
What far above , God placed
Moscow, a grace land where brave men learnt
To live, love and serve the world
Where coldness is a force
That forced Hitler to retreat
Before the Kremlin rebuked
And swallowed the intruders
Who on human dignity they down tread
Great and time immemorial Moscow!
Where great monuments and historical sites
Graciously rise to tell the world your history,
Cold to enemies but welcoming to friends
Eager to learn and pay tribute to your proud sons
Who, your trespassors they defy
And under the feet of George's horse
They brought enemies and dragons
To make you shine for ever,
As a town, a civilization and a world.
Not enough knowledge to praise you
For you are more than what my eyes can see
And bigger than what my mind can apprehend.
You are simply gorgeous, Moscow!